

ЕЖЕГОДНИК
2014

Издание выходит с 2009 г.

Развитие и политика

Экономика и стратегическое
партнерство

Интеграция и финансы

Минерально-сырьевые
ресурсы

Портрет африканского
лидера

История и религия

Культура и образование

PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
CENTER OF AFRICAN STUDIES
SERIES "AFRICAN STUDIES"

YEARBOOK

**AFRICA:
COMPONENTS
OF CONTEMPORARY
DEVELOPMENT**

2014

Moscow
Peoples' Friendship University of Russia
2014

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР
АФРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
СЕРИЯ «АФРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

ЕЖЕГОДНИК

**АФРИКА:
СЛАГАЕМЫЕ
СОВРЕМЕННОГО
РАЗВИТИЯ**

2014

Москва
Российский университет дружбы народов
2014

УДК 32:33:341(6)(058)
ББК 95.3(6)я5
А94

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Редакционная коллегия:

И.В. Андропова (ответственный секретарь), *Н.В. Громова*,
академик РАН *А.Б. Давидсон*, *Е.А. Долгинов*, *Н.Д. Косухин*,
Л.В. Пономаренко, *А.Д. Саватеев*, *И.В. Следзевский*, *А.М. Хазанов*,
Л.В. Шкваря, *В.И. Юртаев* (зам. главного редактора)

Главный редактор – *Н.С. Кирабаев*

А94 **Африка: слагаемые современного развития : Ежегодник – 2014 = Africa: Components of Contemporary Development : Yearbook – 2014** : сб. статей / под ред. Н. С. Кирабаева, Л. В. Пономаренко, В. И. Юртаева, Е. А. Долгинова. – Москва : РУДН, 2014. – 312 с. : ил.

Очередной выпуск ежегодной серии «Африканские исследования», подготовленный с участием ученых-африканистов РУДН и Института Африки РАН, посвящен актуальным проблемам современного политического развития и многостороннего сотрудничества на Африканском континенте. В центре внимания находятся вопросы цивилизационного развития в условиях глобализации, стратегического взаимодействия в рамках Группы БРИКС, различные аспекты экономической интеграции и формирования правовых оснований международных отношений и правозащитной деятельности в регионах Африки, опыт борьбы Н. Манделы. Специально рассмотрены такие проблемы, как особенности арабо-африканской миграции, основания распространения исламского фундаментализма в Африке, гендерные изменения в политике государств Юга Африки, возможные направления сотрудничества России и Ганы в сфере изучения и добычи природных ресурсов, развитие англоязычных литератур Западноафриканского региона.

This issue of the annual African Studies series, prepared with the participation of Africanist scholars from the Peoples' Friendship University of Russia and the Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences, deals with topical problems of contemporary political development and multilateral cooperation on the African continent. The focus is on issues of civilization development in the conditions of globalization, strategic interaction within the BRICS Group, various aspects of economic integration and formation of the legal basis of international relations and human rights activities in the regions of Africa, and the experience of struggle conducted by Nelson Mandela. Examined in particular are such problems as specific features of Arab-African migration, the basis for the spread of Islamic fundamentalism in Africa, gender-related changes in the policies of the states of Southern Africa, possible areas of cooperation between Russia and Ghana in mineral exploration and mining, and the development of the English-language literatures of the West African region.

ISBN 978-5-209-05592-1

© Коллектив авторов.
Отв. ред. Н.С. Кирабаев, Л.В. Пономаренко,
В.И. Юртаев, Е.А. Долгинов, 2014
© Российский университет дружбы народов,
Издательство, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2013 г. весь мир и вся Африка сплотились вокруг имени выдающегося государственного и политического деятеля Африканского континента, борца за права человека в период существования апартеида в Южно-Африканской Республике (ЮАР), первого темнокожего президента ЮАР Нельсона Манделы, который скончался 5 декабря 2013 г. на 96-м году жизни в своем доме в пригороде Йоханнесбурга. Как отмечают авторы Ежегодника, «жизнь и судьба этого человека поистине удивительны и полны как героических, так и драматических страниц. Он прожил долгую жизнь, выдержал испытания жестокого тюремного заключения в течение 27 лет, прошел искушение высшей властью, получил от желтой прессы ярлык террориста и стал Нобелевским лауреатом... Как всякая масштабная личность, он вошел в мировую историю как противоречивый политик, споры о значении его личности и деятельности утихнут не скоро».

Страны Африки в начале второй декады третьего тысячелетия все заметнее втягиваются в процесс глобализации, знаки которой можно встретить повсюду на Африканском континенте. Прежде всего, следует обратить внимание на заметно возросшую динамику политического процесса, особенно в Северной Африке, где под влиянием «арабской весны» проявились масштабы и глубина произошедшей трансформации социально-политического контекста, четче обозначились цивилизационные разломы и перспективные сценарии развития. Созвучно новым вызовам в центре внимания в Африке оказались вопросы региональной интеграции и их международно-правового обеспечения, ведется поиск путей решения глобальных проблем человечества в Африке (бедность, голод, болезни, беженцы и др.), разрабатываются новые форматы взаимодействия государств в интересах эффективного развития. Возможно, что в столь динамичной и турбулентной социально-политической

и экономической ситуации именно региональный вектор взаимодействия и интеррегионального международного сотрудничества (в рамках БРИКС и др.) станет основой для формирования перспективной стратегии экономического и гуманитарного развития африканских стран, придавая ему тройное измерение: глобальное, региональное и локальное.

Очередной, шестой выпуск ежегодной серии «Африканские исследования» подготовлен Научно-образовательным центром Африканских исследований Российского университета дружбы народов. В Ежегодник включены статьи ведущих ученых-африканистов РУДН и Института Африки РАН, аспирантов и студентов, посвященные актуальным проблемам современного политического развития и многостороннего сотрудничества на Африканском континенте. Внимание авторов сосредоточено на вопросах цивилизационного развития в условиях глобализации, стратегического взаимодействия в рамках Группы БРИКС, различных аспектах экономической интеграции и формирования правовых оснований международных отношений и правозащитной деятельности в регионах Африки, опыте борьбы Н. Манделы. Специально рассмотрены такие проблемы, как особенности арабо-африканской миграции, основания распространения исламского фундаментализма в Африке, гендерные изменения в политике государств Юга Африки, возможные направления сотрудничества России и Ганы в сфере изучения и добычи природных ресурсов, развитие англоязычных литератур Западноафриканского региона.

В 2013/2014 уч. году в Российском университете дружбы народов состоялось знаковое событие – открылась кафедра африканистики и арабистики, которую возглавил академик Российской академии наук, директор Института Африки РАН А.М. Васильев, что позволяет говорить о новых горизонтах африканистики в РУДН на основе объединения лучших традиций отечественной академической науки и университетского образования.

Н.С. Кирабаев

РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИКА

Н.Д. Косухин

СЛАГАЕМЫЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СТРАНАХ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ

1. Политический процесс как категория политической науки

В политической науке существуют различные интерпретации сущности политического процесса. При всех различиях теоретической интерпретации политического процесса считается общепризнанным, что он отображает реальное взаимодействие субъектов политики, сложившееся в результате действия самых разнообразных внешних и внутренних факторов. Политический процесс показывает, как индивиды, группы, институты власти со всеми своими стереотипами, целями взаимодействуют друг с другом и государством, реализуя свои специфические роли и функции [1, с. 383].

Политический процесс может быть охарактеризован как способ функционирования политической системы, в которой отражается характер и степень участия различных социально-политических сил, индивидов и групп в общественно-политической жизни, их отношение к существующей власти и проводимому ею политическому курсу. Политическая система является главным, хотя и не единственным гарантом социального порядка в обществе. Через политическую систему принимаются и проводятся в жизнь властные решения для данного общества [2, с. 39].

С точки зрения устойчивости основных форм взаимосвязи социальных и политических структур, определенности

функций и взаимоотношений субъектов власти выделяются стабильные и нестабильные политические процессы.

Стабильный политический процесс характеризуется устойчивыми формами политической мобилизации и поведения граждан, а также функционально отработанными механизмами принятия политических решений. Такой процесс основывается на легитимном режиме правления, соответствующем социальной структуре, высокой эффективности господствующих в обществе правовых и культурных норм.

Нестабильный политический процесс обычно возникает в условиях кризиса власти. К этому может привести осложнение международных отношений, спад материального производства. Социальные конфликты и неспособность режима отреагировать на новые потребности общества или его основных групп адекватным образом вызывает нестабильность политического процесса [3, с. 607].

По сферам действия политические процессы разделяются на внутривнутриполитические и внешнеполитические. Содержание внутривнутриполитических процессов зависит от формы правления и государственного устройства конкретных государств, характера господствующих режимов, качеств правящей элиты, типа лидерства и других факторов. Фундаментом внутривнутриполитического процесса любой страны является соотношение социально-экономических укладов, сложившаяся социальная структура общества, его политическая культура, степень удовлетворенности населения своим положением. Внешнеполитические процессы определяются социально-экономической природой, интересами и целями государств, балансом сил в мире и в конкретных регионах, рядом других факторов.

Анализируя содержание политического процесса, можно сказать, что он раскрывает в основном две фундаментальные формы политического волеизъявления граждан. Прежде всего, это различные способы выдвижения рядовыми участниками политического процесса своих интересов в раз-

нообразных видах: посредством участия в выборах, референдумах, членства в политических партиях и т.д., а также формы принятия и реализации управленческих решений, осуществляемых политическими лидерами и элитами.

По мнению отечественного политолога А.Ю. Шутова, «политический процесс представляет собой цикл политических изменений, последовательную смену состояний политической системы, фиксирующую уровень и характер политизации социального организма» [4, с. 19]. Он выделяет три основных типа политических процессов: технократический, идеократический и харизматический.

В действительности проявляется преобладание одного из названных типов в реальном политическом процессе, в котором в той или иной степени представлены и остальные.

Политический процесс технократического типа свойствен государствам англосаксонского социально-культурного ареала, где существует традиция эволюционизма, модернизации политических институтов и механизмов, непрерывно и постепенно адаптировавшихся к изменяющимся потребностям общества. Речь идет о бюрократическом господстве (по М. Веберу) [4, с. 46].

Преобладание идеократического типа политического процесса характерно для ряда стран мира в периоды социальных и политических революций, когда идеология выступает в качестве господствующей силы. Этот тип политического процесса опасен своим тяготением к фундаментализму (Иран).

Политический процесс харизматического типа характеризуется всевластием лидера-харизмы, под политические цели которого создаются идеологические доктрины и политические институты общества. Этот тип свойствен в значительной степени культурной традиции стран Востока.

А.Ю. Шутов выделяет три варианта харизматического типа политического процесса: вариант диктатуры лидера-

харизмы, патерналистский вариант, вариант внеинституционального лидерства.

Первый из выделенных вариантов предполагает жесткую включенность лидера-харизмы в качестве основного элемента в политическую систему, отмечен неограниченными притязаниями его на контроль над политическими институтами и процессами. Вся полнота власти сосредоточена в его руках. Лидер может ее делегировать по собственному усмотрению на различные уровни иерархической лестницы, строго очертив объем спускаемых полномочий и меру ответственности подчиненного. Отношения господства и подчинения составляют основу действия любого политического института, задействованного в эту жестко упорядоченную иерархию.

Второй, патерналистский, вариант харизматического типа предполагает легитимное вхождение в политические институты, обладает достаточным объемом полномочий для контроля над политической ситуацией в стране [4, с. 59–60]. Полагаю, что данный тип политического процесса характерен для стран Тропической Африки. Это же относится и к третьему варианту политического процесса лидера-харизмы вне рамок действующей политической системы.

Пожалуй, этот вариант был характерен для Республики Заир (Демократическая Республика Конго) во время президентства С.С. Мобуту [5].

Особенностью африканской политики в период после независимости стали такие явления, как клиентелизм и патронаж, фракционность, перевороты, заговоры, кризисы преемственности. В целом неинституциональное правление.

Американские исследователи-африканисты Р. Джексон и К. Розберг в своей книге «Личное правление в Черной Африке. Принц, самодержец, пророк, тиран» пишут, что «политика в большинстве стран Тропической Африки не соотнобразуется с институциональной системой. В основе африканской политики лежит главным образом персональная или

фракционная борьба за контроль над национальным правительством или за влияние на него – борьба, которая сводится к личным и тайным соглашениям, личным интересам, связям и взаимозависимости, она не определяется общественными правилами и институтами» [6, р. 1].

Реальная политическая жизнь предоставляет яркие примеры сложного, многоуровневого сочетания различных типов политического процесса, что особенно характерно для традиционных обществ. Патриархальность политической жизни, отсутствие в обществе ярко выраженных политических интересов (за исключением периодов народных волнений), сведение политических отношений к выполнению внешних государственных ритуалов, а также к участию в политических интригах элитных кругов – вот отличительные черты политического процесса традиционного общества, принятие и судьба политических решений в котором всецело зависят от воли первого лица или же традиционных группировок. Основная масса населения выключена из собственно политической жизни либо в силу господствующего политического режима, либо вследствие традиционной политической культуры. Эти положения в той или иной степени совпадают с известным «Синдромом из семнадцати пунктов» незападного политического процесса американского политолога Л.У. Пая.

Прежде всего отметим, что содержание, характер и особенности политического процесса в решающей степени предопределяются типом общества, уровнем его экономического и культурного развития, социальной природой государственной власти, соотношением и борьбой различных социально-политических сил. Природное и культурно-этническое многообразие африканского мира, самобытность этногенеза, исторических судеб его народов во многом определили специфику общественного развития стран континента.

«Синдром из семнадцати пунктов» Л.У. Пая изложен в его работе «Незападный политический процесс». Он заключается в следующем:

- в незападных обществах сфера политики не отделена резко от областей общественных и личных отношений;
- политические партии склонны претендовать на выражение мировоззрения и представляют образ жизни;
- политический процесс отличается преобладанием клики;
- характер политических ориентаций предполагает, что руководству политических группировок принадлежит значительная свобода в определении стратегии и тактики;
- оппозиционные партии и стремящиеся к власти элиты часто выступают в качестве революционных движений;
- политический процесс отличается значительными масштабами рекрутирования новых элементов для исполнения политических ролей;
- для политического процесса типично резкое различие в политических ориентациях поколений;
- политический процесс функционирует без интеграции среди его участников, что является следствием отсутствия в обществе единой коммуникационной системы;
- незападные общества отличаются незначительностью консенсуса в отношении узаконенных целей и средств политического действия;
- интенсивность и широта политической дискуссии мало связаны с принятием политических решений;
- отличительной чертой политического процесса является высокая степень совмещения и взаимозаменяемости ролей;
- в политическом процессе невелика значимость явным образом организованных групп интересов, играющих функционально специализированные роли;

- национальное руководство вынуждено апеллировать к недифференцированной общественности;
- неструктурированный характер незападного политического процесса вынуждает лидеров придерживаться более определенных взглядов во внешней, а не во внутренней политике;
- эмоциональные и символические аспекты оттесняют на второй план поиски решений конкретных вопросов и общих проблем;
- велика роль харизматических лидеров;
- политический процесс обходится в основном без участия политических «брокеров» [7, с. 23].

Эти положения в значительной степени дают представление не только о характере политических процессов, но и выводят на особенности властных структур в африканских странах.

Отмеченные характеристики политического процесса в развивающихся странах заслуживают пристального внимания. Вместе с тем в последние годы усиливается тенденция к фактическому переходу функций принятия важнейших политических решений к основным центрам капитализма и их международным валютно-финансовым центрам в условиях мировой глобализации (см. [8, с. 44–62]).

Политическая власть в африканских странах представляет собой сложную систему общественных отношений, множество измерений. Механизмы власти, методы ее осуществления характеризуются сочетанием старого и нового, привнесения в новую систему политических отношений, этнических, религиозных, клановых и иных неклассовых связей. В результате власть отличается гибридностью, эклектичностью, что приводит к ее неустойчивости и противоречивости. Это стало следствием унаследованных отсталых социальных структур, отсутствия демократических традиций, экономической слаборазвитости и зависимости. С другой

стороны, это – результат незавершенного постколониального политического развития, модернизации экономических и социальных структур (см. [9, с. 157–164]).

В коллективной монографии «Современная Африка: метаморфозы политической власти» отмечается, что вступлению африканских стран в третье тысячелетие сопутствовал процесс *политических изменений*, темпы, масштабы и глубина которых были едва ли не самыми значительными в мире. Перестройка механизма властной регуляции общества, несущая перемены в политических структурах и государственных институтах, была, с одной стороны, обусловлена трансформацией «социального контекста» (сдвиги в этноконфессиональной и социально-классовой структурах, в народном хозяйстве и в других «внешних» сферах). С другой стороны, политические изменения в странах Африки в немалой степени были следствием нарушения консенсуса в недрах институтов власти, а также дисбаланса и (или) постоянных сбоев в работе политических механизмов, отвечавших за поддержание стабильности в обществе. Внутренняя перестройка политических институтов могла как соответствовать поступательному развитию африканских обществ, так и служить его серьезным препятствием. Отечественный политолог Л.В. Гевелинг отмечает конфликтно-кризисное развитие властных отношений [10, с. 201].

Стабильность политического процесса в странах Тропической Африки зависит от учета в стратегии и тактике политической модернизации, традиций и обычаев традиционных обществ; внедрение западных политических институтов и механизмов может вызвать неприятие и отторжение.

2. Роль лидера в политическом процессе

В африканских странах в политическом процессе исключительную роль играют политическое лидерство и политические лидеры. Последние играли и продолжают играть

существенную роль в обществе, а политическое лидерство становится важнейшим объектом политической жизни и исследовательской мысли.

Традиционно в африканских странах была и останется важной роль традиционных правителей, которые влияют на политические отношения в своих государствах. Многие современные африканские лидеры вышли из среды традиционных вождей и несут на себе отпечаток потестарных отношений. Новое поколение политических лидеров декларирует приверженность либерально-демократическим взглядам, стремится создать многопартийную систему, провозглашает борьбу с коррупцией, придерживается демократического поведения. При этом африканские политические лидеры несут на себе черты традиционных отношений, что проявляется в их религиозно-этнических связях, клиентелизме, nepотизме. Во властных отношениях широко используются ритуалы, символы и другие внешние признаки потестарной власти.

Эти обстоятельства объясняются тем, что в доколониальный период многие народы Тропической Африки находились на доклассовом и догосударственном уровнях развития, принадлежали к первобытнообщинной социально-экономической формации. У большинства народов потестарно-политическими единицами были племена и союзы племен, вожества – догосударственные образования, хотя существовали и ранние государства (см. [11]).

Ключевым элементом традиционного общества был институт вождей и традиционных правителей. Эти термины обозначают: сакральных царей (королей) доколониальных африканских государств, верховных вождей – глав вожеств, то есть догосударственных потестарных образований, иерархий вождей низших рангов – носителей разнообразных местных титулов, так называемых «дворцовых вождей», «придворных» и «городских вождей» (выборно-наследственных лидеров городской общины), старой деревни, кварталов, старейшин большесемейных общин – первичных ячеек тради-

ционного общества – и многих других носителей разнообразных титулов в управленческих структурах (см. [12, с. 39]).

Институты власти и управления различных этносов и этнических групп структурно отличались друг от друга, однако все они имели общую особенность, обусловленную мировоззренческой спецификой традиционных африканских обществ. Традиционный правитель был носителем светских и религиозных функций, причем в очень многих обществах религиозно-ритуальная функция вождя преобладала над светской, ибо именно эта функция вытекала из его обязанности путем ритуально-обрядовой практики поддерживать гармонию между обществом и его природным окружением, между живыми, умершими и еще не родившимися членами общины.

«В африканском обществе, – писал известный российский африканист В.Б. Иорданский, – вождь был наивысшей ступенью в движении личности к божественности. Он оказывался как бы на границе между своим народом и мифическими силами, между миром живых и миром мертвых, служа посредником между обществом и его предками, между обществом и его богами. Кроме того, в вожде реализовывалось единство народа, через причастность к его личности соплеменники ощущали свое родство, свою близость» [13, с. 236–237].

Институты предков и кровнородственных связей лежат в основе иерархии социальных связей в Тропической Африке. Должность вождя, как правило, наследуется, хотя в отдельных случаях верховный вождь выбирается из числа вождей более низкого уровня. Характер наследования зависит от патрилинейного и матрилинейного родства. Традиционные вожди рассматриваются как лица, наделенные особой сверхъестественной силой, тесно связанные с духами предков, использующими их волю и являющимися посредниками между ними и их живыми потомками. Больше того, вождь был связан с силами природы и поддерживал гармонию ме-

жду обществом и естественными силами через различного рода обряды.

Главным элементом идеологии раннего государства была вера в магические качества царя, связанного сверхъестественным образом с духами своих умерших предков. Основу складывающейся общегосударственной религии составлял культ царских предков, которым приписывалась способность воздействовать на жизнь страны и людей. «Идеальный вождь, – писал известный английский исследователь Бэзил Дэвидсон, – должен быть сильным и внешне приятным, великодушным, смелым на войне, хитрым при решении государственных дел и благочестивым в повседневной жизни. Он символизировал единство народа с моральным кодексом, его мирную жизнь и полную гармонию с предками, «которые привели нас на эту землю и дали нам жизнь» [14, с. 161]. Функции вождя весьма многообразны. Вождь распоряжается, прежде всего, землей, распределяет ее между кланами, указывает место охоты, рыбной ловли, руководит общественными работами, определяет время и место проведения ритуальных представлений и т.п.

Особо следует отметить геронтократический принцип при получении должности, что раньше означало безраздельное господство старейшин в делах общины, то есть на нижних этажах системы управления. На верхних этажах главными основаниями для получения титула и должности были не возраст, а происхождение, богатство, личные заслуги, воинская доблесть и т.п.

В.Б. Иорданский отмечал влияние мифического общественного сознания африканцев на природу могущества верховного вождя. Человек, достигший вершины власти, уже в силу этого обладает максимумом могущества. Народ связывает с ним надежду на осуществление своих чаяний. «Мифотворчество масс, – отмечает В.Б. Иорданский, – временами рождает чувство надежды, помогает человеку перенести самые страшные тяготы, но чаще плодит миражи, обманываю-

щие и губящие миллионы людей. Одинокие и растерянные, они пытаются через поклонение лидеру, подлинное лицо которого скрыто от них мифической маской, ощутить себя неотрывной частью огромной человеческой общности» [15, с. 50].

В Тропической Африке широко распространена патронажно-клиентельная система, которая подразумевает преданность группы лидеру, патрону и его обязанность делиться частью материальных благ, статуса, престижа со своими клиентами. Поведенческий стереотип в рамках патронажно-клиентельных отношений распространяется на управляющих и управляемых, на создание целых политических кланов.

В колониальный период происходит перерождение института вождей, многие их представители были интегрированы в колониальную администрацию, которая стремилась привлечь их на свою сторону. Создавались органы власти с участием вождей (например, палата вождей в Кот-д'Ивуаре), поощрялась их предпринимательская деятельность, они и члены семей назначались на высокие административные должности.

Захватив Верхнюю Вольту, Франция, в отличие от других своих владений в Тропической Африке, сохранила здесь институт традиционных властей. Вожди деревень, правители провинций становились колониальными чиновниками, выполнявшими, как и прежде, полицейские, судебные и налоговые функции, но под надзором французских резидентов (см. [16, с. 9]).

Исследуя традиционные институты управления и власти на материалах Западной Африки, Н.Б. Кочакова делает следующий вывод. Институт традиционных правителей в колониальный период подвергся жестокой функциональной и структурной ломке, в ходе которой появилась его колониальная модификация – вожди. Колониальная администрация объединила под этим названием носителей разнообразных титулов. Изменение их роли и места в системе управления

подрывало общинную организацию и вело к уменьшению престижа и роли власти вождей [17, с. 80, 81].

После достижения независимости традиционные вожди получили возможность участвовать в государственном управлении во многих африканских государствах. Вместе с тем каждая страна проводит собственную политику по отношению к традиционным правителям. Там, где вождей рассматривали как опору трибализма и сепаратизма, а также усматривали их как пособников колониальной администрации, старались лишить их прав и привилегий. Так, в Гвинее были отменены все привилегии вождей. В Республике Конго вожди были заменены выборными старейшинами.

В Танзании процесс ликвидации власти вождей поэтапно урезывал их права через изменения законов об органах местного управления, судебные реформы, которые государственную службу передавали образованным африканцам и т.п.

В Гане за традиционными правителями народа ашанти, верховного правителя фанти и другими были сохранены важнейшие функции в области распределения земли, семейно-брачных отношений, вопросах наследования (см. [18, с. 86]). Конституция Ганы уточняет понятие «вождь» как «лицо, которое происходит из королевской семьи или линии, законно выдвинутое», избранное и введенное в должность в качестве вождя в соответствии с действующим обычным правом и практикой. Высшим органом страны является Национальная палата вождей, которая включает в себя по пять верховных вождей от каждой из 10 областей. Национальная палата вождей обладает правом пересматривать решения областных палат по любым вопросам. Право апелляции осуществляется юридическим комитетом Национальной палаты вождей. Во всех административных областях учреждены областные палаты вождей, которые избирают членов Национальной палаты вождей. По конституции вождь не может заниматься активной политической деятельностью. Если ка-

кой-либо вождь захочет выдвинуть свою кандидатуру на выборы в парламент, он должен отказаться от статуса вождя. В то же время вождь может быть назначен на любую должность согласно своей квалификации [19].

Во многих колониях традиционные правители, вожди возглавляли антиколониальные движения. Лидеры независимых государств – Кваме Нкрума, Дж. Кениата, А. Секу Туре, Модибо Кейта, Дж. Ньерере и другие – по своему происхождению принадлежали к традиционным правящим семьям разных уровней. Лидеры национально-освободительного движения предпочитали получить традиционные титулы. Например, руководители Первой республики Нигерии: Н. Азикиве, А. Белло, О. Аволово, А. Энахоро и др.

На политических лидеров переносились не только обязанности, но и права традиционных вождей. Традиционные институты власти по-прежнему сохранили часть своих функций и продолжают пользоваться влиянием в африканском обществе как символ культурных традиций, самобытности и моральных ценностей. Современные африканские власти, ограничивая авторитет и прерогативы традиционных институтов власти, продолжают рассматривать их как связующее звено между народными массами и государством.

Вместе с тем институт вождей претерпевает следующие изменения:

- слияние части традиционных верхов с предпринимательской и административной верхушкой; растет политическая активность традиционных верхов с целью сохранения и укрепления своих позиций в обществе;

- большая часть населения по-прежнему рассматривает традиционных правителей как хранителей обычаев и традиций, защитников от влияния западной цивилизации (см. [20, с. 50]).

Политическая борьба сконцентрирована на проблемах авторитета, влияния и конкретных политических деятелях, но не на альтернативных политических курсах. В традици-

онных обществах велика роль харизматических лидеров. Американский социолог С.М. Липсет считает, что молодым национально-независимым государствам, их потребностям отвечает харизматическая власть. Харизма руководителя, обеспечивающая ему власть, не требует ни длительного времени для своего формирования, ни рационального набора общепризнанных норм. Руководитель харизматического типа, прежде всего, является национальным героем, символизирующим в своем лице идеалы и чаяния страны. Одновременно он узаконивает новое светское правление, наделяя его даром своей благодати (см. [21, с. 208]).

Отечественный исследователь Т.Г. Дилигенский ввел понятие «патерналистский тип лидерства», которое включает в себя особое символическое значение. Патерналистский тип объединяет в себе харизматический и наследственный тип лидерства.

В период борьбы за независимость появились харизматические лидеры типа Кваме Нкрумы, Джомо Кениаты, Джулиуса Ньерере и многие другие, которые взяли на себя властные функции. Для Африки авторитарный стиль правления лидера основывается на традиционных отношениях и поэтому, по существу, является традиционалистским.

Истоки авторитаризма африканский историк Али А. Мазруи видит в доколониальном общественном устройстве африканских стран. В авторитарном стиле руководства он выделяет следующие черты традиционной власти, основанной:

- 1) на традиции авторитета старейшины или вождей, которые часто одновременно являются ее религиозными лидерами;
- 2) на традиции, зафиксированной в преданиях, сагах и т.д., передаваемой из поколения в поколение;
- 3) на военной традиции (или «традиции воинов»), которая сложилась в период активного сопротивления колониальным захватам.

Али А. Мазруи отмечает также традицию харизматического руководства и «монархическую тенденцию в африканской жизни», подчеркивая преемственность между традиционными типами власти и властными структурами освободившихся от колониальной зависимости африканских стран [22, с. 185–193].

Одной из существенных черт авторитарной власти являются также базирующиеся на традиционализме отношения «клиент-патрон». Они строятся на верности каждого индивида «своей» группе и «своему» лидеру.

После достижения независимости в условиях перехода от колониального управления к национально-государственному необходимость сильной авторитарной власти была очевидна. Авторитет Л.С. Сенгора, Хасана II, К. Нкрумы, Н. Манделы, Дж. Ньерере привел к созданию независимых национальных государств, способствовал их консолидации. Ряд лидеров первого поколения, таких как Ф. Уфуэ-Буаньи, К. Каунда, М. Каддафи, Р. Мугабе, Сэм Нуйома, продолжительное время находились или до сих пор находятся у власти. Бывший президент Туниса Х. Бургиба свыше 30 лет был у власти, а в 1974 г. его провозгласили даже пожизненным президентом.

Лидеры «первой волны» – борьбы за достижение независимости – А. Бен Белла, К. Нкрума, Дж. Кениата, Ф. Уфуэ-Буаньи, А. Секу Туре, К. Каунда, А. Кабрал, П. Лумумба, Л.С. Сенгор, Х. Бургиба, Г.А. Насер, Дж. Ньерере, А. Нето, которые привели свои страны к независимости, обладали харизматической способностью сплотить все этнические группы в общей борьбе. Это были яркие лидеры-трибуны, народные вожди, которые в своей политической деятельности всесторонне использовали традиции, символы, ритуалы, и с этой точки зрения их можно назвать популистами, наиболее полно отразившими устремления и чаяния своих народов. Для них была характерны революционная романтика, стремление решать все проблемы без промедления.

После полувекового периода независимого развития в африканских странах происходит смена поколений политических лидеров.

Первое поколение харизматиков постепенно уступает место более прагматическим лидерам. В разных странах этот процесс проходил и происходит по-разному. В Танзании Дж. Ньерере ушел добровольно с поста президента в 1985 г., обеспечив передачу власти своему преемнику, которым стал Али Хасан Мвиньи. Примерно также произошел переход власти от Л.С. Сенгора к А. Диуфу в Сенегале, от Н. Манделы к Т. Мбеки в ЮАР. Однако эти примеры единичны. В ряде стран новые лидеры приходили к власти после ухода из жизни их предшественников (Дж. Кениата, А. Нето, Г.А. Насер, С. Машел) или же они оказывались у власти в результате военных переворотов, как это было в Алжире, Гане, Гвинее (Конакри), Нигерии, Мали, Конго и др.

С целью способствовать демократической смене лидера известный суданский предприниматель Ибрагим Мо создал Фонд своего имени. По его решению каждый год выдается премия в размере 5 млн дол. тому африканскому лидеру, который покинул свою должность после окончания конституционного срока. Комитет по выдаче премии возглавил бывший Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан. Первым лауреатом этой премии в 2007 г. стал бывший президент Мозамбика Жоаким Чиссано. Кроме того, он получает пожизненную пенсию в 200 тыс. дол. в год.

В первые годы независимости происходил процесс радикализации политических лидеров, появлялись лидеры-революционеры, которые даже брали на вооружение марксистскую риторику. Среди этой категории лидеров – М. Нгуаби, Д. Рацирака, С. Баре, Менгисту Хайле Мариам, М. Кереку, Т. Санкара – руководители стран социалистической ориентации.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в Африке начался процесс политических перемен, переход от авторитаризма к

демократии, что привело к смене второго поколения лидеров и появлению руководителей, декларирующих либеральные взгляды, провозгласивших строительство демократических обществ в своих странах.

По форме прихода к власти нынешних африканских лидеров можно условно классифицировать следующим образом:

1. Лидеры, пришедшие к власти в результате военных переворотов, гражданских войн: Д. Сассу Нгессо (Конго), Ж. Кабила (Демократическая Республика Конго), Поль Кагаме (Руанда), О. Аль-Башир (Судан), И. Афеворки (Эритрея).

2. Лидеры, пришедшие к власти на волне демократических преобразований: У. Кенията (Кения), А. Вад (Сенегал), Яи Бони (Бенин), М. Чилуфья Сате (Замбия), А. Гебуза (Мозамбик), Э. Джонсон-Серлиф (Либерия), Джон Драмани Махама (Гана), Джакайя Киквите (Танзания), Г. Джонатан (Нигерия), Хификенунье Похамба (Намибия).

3. Лидеры, находящиеся у власти без существенных изменений политической системы: Й. Мусевени (Уганда), Р. Мугабе (Зимбабве), И. Деби (Чад), Б. Компаоре (Буркина-Фасо), П. Бийя (Камерун), Бинга ва Мутарика (Малави), Ж.Э. душ Сантуш (Ангола) [23, с. 80].

Для африканских лидеров «третьей волны» характерны обращения к либерально-демократическим ценностям, попытки создания многопартийного государства, развития местного самоуправления, борьба с коррупцией, стремление придерживаться демократического стиля поведения. Вместе с тем в их деятельности сохраняются черты авторитарного правления.

Проблема политического лидерства занимает важное место в общественной жизни африканских стран. Бывший президент Нигерии О. Обасанджо свыше 10 лет назад выдвинул идею и создал постоянно действующий Африканский форум лидера, который призван изучать национальные особенности политического лидерства в африканских странах.

В исследованиях Форума применительно к странам Западной Африки отмечаются следующие негативные черты политического лидерства:

– большинство лидеров имеют склонность к эгоизму и эгоцентризму, не всегда добросовестно выполняют свои обязанности; некоторые лидеры своими действиями и наклонностями не способствуют развитию; случайно пришедшие к власти лица или традиционные правители не могут эффективно руководить. Только люди, чье возвышение является результатом упорного труда, имеющие специальную подготовку и соответствующие данные, могут достичь реальных результатов в управлении сложными социально-экономическими процессами; отсутствие альтернатив в борьбе за лидерство приводит к тому, что пришедший к власти руководитель отличается самонадеянностью и нетерпимостью к критике.

В рекомендациях Африканского форума отмечаются следующие новые подходы к решению проблемы политического лидерства: во-первых, подготовку лидеров и руководителей надо проводить в широких кругах демократической общественности и различных этнических групп; во-вторых, при подготовке новой формации политических лидеров следует обратить внимание на воспитание таких качеств, как честность, справедливость, скромность, трудолюбие, патриотизм, дар предвидения.

Эти рекомендации разделяются многими африканскими лидерами. В частности, нынешний президент Республики Конго Д. Сассу Нгессо пишет: «Настоящий государственный деятель – это тот, для кого главное – общественное благо. И он должен обладать следующими качествами: смелостью, убежденностью, знанием и характером. Совокупность этих качеств позволяет представить картину мира и видеть будущее» [24, р. 180].

Все эти моменты входят в содержание понятия «политическая культура лидера». Исследования, проведенные в

Институте Африки РАН, дают возможность сделать следующие выводы о политических лидерах в африканских странах:

– африканские политические лидеры несут на себе черты традиционных отношений, проявляющихся в харизме, использовании во властных отношениях ритуалов, символов и других признаков потестарной власти;

– харизматические качества являются источником авторитарной власти, которая опирается на этнические связи, клиентелизм, nepотизм, религию. В результате появилось такое явление, как персонификация власти. Будучи главами государств, руководителями правящих партий, идеологами, африканские лидеры наделяются большими полномочиями. В них переплетаются авторитет власти и авторитет личности. Президент в Африке – не только высшее должностное лицо, но и олицетворение государства, нации [25, с. 59]. Авторитет лидера способствует возвеличиванию государства, усилению его влияния на международной арене.

Лидеры «третьей волны», пришедшие к власти в ходе политических перемен, стремятся отойти от авторитарных методов управления, однако вынуждены прибегать к методам просвещенного авторитаризма, чтобы удержаться у власти в условиях политической нестабильности и тяжелого экономического положения.

В целом политическая динамика в ряде стран Тропической Африки, отмечает Л.В. Гевелинг, обнаруживает движение не только от авторитарной системы к демократической, но и прямо противоположную тенденцию. Он полагает, что государства Тропической Африки может ожидать, с одной стороны, периодическое чередование автократии и ограниченного плюрализма, с другой – ротация то «жестких», то «мягких» форм авторитарного правления (см. [26, с. 169]). Практика последних лет подтверждает этот вывод.

Таким образом, в центре политического процесса в странах Тропической Африки стоит не партия со своей про-

граммой действий, а конкретная личность, с которой африканцы связывают свои надежды на настоящее и будущее.

3. Влияние политической культуры на политический процесс

Существенное влияние на функционирование политического процесса оказывает политическая культура. Именно она – прямо или опосредованно – определяет характер протекания политического процесса, поведения в нем различных групп общества. Она способствует или, наоборот, препятствует переменам в обществе, образу жизни и устремлениям его граждан. Это становится особенно заметным в периоды исторических поворотов.

Как замечает немецкий ученый Д. Берг-Шлоссер, одним из наиболее важных импульсов к изучению темы «политическая культура» был вопрос о том, почему не удалось «пересадить» в Африку Вестминстерскую модель. Или почему в развивающихся странах и вообще в регионах неевропейской культуры не возникают стабильные политические системы? (цит. по [27, с. 21]).

Характер власти, ее формы, методы действий во многом зависят от общего культурного уровня развития общества, типа утвердившейся в нем политической культуры. Политическая культура – это существенная часть культуры каждой нации, включающая те элементы последней, которые связаны с политическим процессом. Она испытывает влияние социокультурных, национальных и религиозных традиций, обычаев. Стереотипов поведения и мышления, моральных установок. В свою очередь, политическая культура влияет на функционирование политических институтов и содержание политического процесса, обуславливает политическое поведение индивидов.

Особенность политической культуры состоит в том, что она неразрывно связана с человеческой деятельностью и

представляет собой своего рода «субъективный объект». «Политическая культура, – писал Л. Пай, – это совокупность ориентаций, убеждений и мнений, которые вносят последовательность и наделяют смыслом политический процесс и которые составляют основополагающие представления и нормы, управляющие поведением людей в политической сфере. Политическая культура является, таким образом, обобщенным выражением психологического и субъективного измерения политики» (цит. по [28]). Она составляет не политику или политический процесс в их реальном воплощении, а комплекс представлений той или иной национальной или социально-политической общности о мире политики, законах и правилах их функционирования.

Важнейшим фактором исследования политической культуры послужило сравнительное изучение политических систем. В рамках этого проекта возникает вопрос, почему одни и те же политические системы и институты в разных странах работают по-разному. Некоторые, будучи перенесенными на другую почву (скажем, из Америки в Африку), не работают вообще.

Политологи пришли к выводу, что политические системы и институты функционируют должным образом лишь тогда, когда встроены в адекватный им культурный аспект, а действующие в их рамках субъекты обладают соответствующими культурными характеристиками. Политическая культура выступает как один из решающих факторов национально-этнического своеобразия развития властных отношений. Ее изучение позволяет объяснить функционирование однотипных политических систем в разных этнокультурных средах.

Американские исследователи Г. Алмонд и С. Верба писали по этому поводу: «Государственные деятели, стремящиеся сформулировать политическую демократию, часто концентрируют свои усилия на создание формального набора правительственных институтов и написании конституции.

Они также могут сосредоточить усилия на формировании политической партии, призванной стимулировать участие масс. Но развитие стабильного и эффективного демократического правления зависит от чего-то большего, нежели правительственные структуры и политический процесс. Оно зависит от политической культуры. Если эта культура не способна поддерживать демократическую систему, шансы последней на успех невелики» [29, р. 498].

Политическая культура представляет собой важнейший элемент духовной жизни общества, ее качественный показатель. Она является неотъемлемым элементом политической системы общества, важной характеристикой политических отношений в процессе функционирования политической системы. Она включает уровень знаний и представлений различных слоев общества и индивидов о власти и политике, а также определенную этим степень их политической активности (см. подробно об этом: [30]).

С учетом характера поведения людей в политической системе наибольшую известность в политологии получила классификация политической культуры, предложенная Г. Алмондом и С. Вербой.

Они выделяют три типа политических культур: патриархальная, подданническая и политическая культура участия. В патриархальную политическую культуру подпадают африканские племена и автономные местные общины, где нет специализированных политических ролей. Лидеры, вожди, шаманы – это смешанные политико-экономико-религиозные роли. Для членов таких обществ политические ориентации относительно этих ролей неотделимы от религиозных или социальных ориентаций. Патриархальные ориентации также включают в себя относительное отсутствие ожиданий перемен, инициируемых политической системой» [29, р. 503].

Социологические исследования, которые проводила Э.А. Шауро в Эфиопии в начале 1990-х гг., свидетельствуют «о пассивном характере политического участия сельского

населения в политических процессах на местном уровне, о непонимании многими механизмов политической власти в масштабах страны, о коррупции местных органов власти и подмене функций защитников интересов крестьян функциями хозяина, об их безынициативности в силу высокой централизации политической власти [31, с. 113].

Политическая культура традиционных обществ также имеет специфические особенности, к которым следует отнести, прежде всего, сравнительно ограниченный круг и объем социального опыта ее носителей, этническую дробность и замкнутость традиционных культур различных общностей. Политической культуре традиционного общества свойствен циклический характер представления о времени в политическом процессе (подр. см. [32]).

Характерная для традиционного общества тенденция к сохранению, к консервации социального и политического порядка имела мощную опору в таком социально-политическом явлении, как геронтократия («власть старейшин»). Геронтократия, как система возрастных классов, была проявлением возрастного принципа в организации социально-политических структур и отношений традиционного африканского общества.

Традиционный сектор африканского общества в значительной степени регулируется обычным правом, нормы которого поддерживают сохранившиеся от доколониального прошлого структуры. К ним относятся исторически сложившаяся система должностных лиц; тесно связанный со всей традиционной общественной структурой институт большой расширенной семьи; в сельской местности, кроме того, большей частью сохраняется община, в основном – соседская; по-прежнему остаются пережиточные формы возрастных классов, тайных союзов, каст.

Разумеется, тайные общества, возрастные классы, касты, те или иные звенья верхушки традиционной пирамиды свойственны далеко не всем африканским этническим груп-

пам. Общества, управляемые советами старейшин, отличались от раннеклассовых государств. Но и в тех и в других сохраняются свои устойчивые черты традиционной культуры и социальной организации.

Важную роль в политической культуре общества играют традиции. Они обеспечивают сохранение непрерывности исторического и политического процесса. Особая роль традиций в политическом процессе африканских стран, переживающих переходный период развития [33; 34].

Американский политолог Л. Пай в статье «Незападный политический процесс» выдвигает обобщенную модель политического процесса в западных обществах, которая в значительной степени совпадает с политической культурой. По его мнению, в западных обществах политическая сфера не четко отделена от общественных и личных взаимоотношений [35, с. 67–81].

Анализируя политическую культуру постколониального общества Африки, российский ученый Л.Е. Куббель отмечал сложность ее образования, поскольку она представляет собой продукт взаимодействия потестарно-политической культуры и политической культуры страны-колониатора. Первое, что определяет характер этого взаимодействия, – разный формационный уровень. Вторая особенность заключается в неравноправных отношениях, где политическая культура метрополии занимает господствующее положение [36, с. 56].

В Африке особое значение имеет связь политической культуры с общей культурой континента, которая настолько самобытна, что породила теории африканской исключительности. Такая ее особенность не могла не повлиять на политическую культуру африканской культурной самобытности.

Специфика африканской политической культуры состоит в том, что весьма сложно вычленил ее из общей культуры, возможно, потому что она еще не представляет собой сложившуюся устойчивую подсистему этой культуры. В то

же время очевидно, что, как и в общей культуре, в культуре политической все пронизано традициями (клановыми, этническими, религиозными). Традиционная политическая культура выступает как наиболее устойчивая часть политической культуры. Закрепляя накопленный политический опыт в виде формализованных образцов действий и представлений (например, необходимо выполнять указания вождя, держаться своего клана, прислушиваться к голосу церкви), традиции в политической культуре дают представление о характере политических отношений в данном обществе. При всем социокультурном своеобразии современное африканское общество превращается из традиционного в общество «гибридное». Здесь преобладает симбиоз элементов разнородных культур и наблюдается процесс культурного синтеза, хотя всепроникающим остается влияние традиционности и самобытности. При этом «этническое сознание» остается доминирующим, охранительным и в то же время дестабилизирующим политическую ситуацию фактором, будучи основой феномена трибализма (см. [37, с. 73]). Если обратиться к вопросу о типологии политической культуры, о которой упоминалось выше, то можно сделать вывод о том, что превалирующим вариантом африканской политической культуры наших дней является патриархально-подданический вариант [38, с. 41–69].

Над большинством африканцев довлеют архаические общественные представления. Гарантию своей защищенности африканец до сих пор связывает не с законом и не с государством, а со своей принадлежностью к определенному клану или этнической общности. Только когда он у власти или при власти и чувствует себя в безопасности, он может рассчитывать на получение определенных жизненных благ. Приверженность традиции, а она требует от него подчиняться старшим, богатым, преуспевающим, имеет для африканца не только материальные последствия, но является нормой общественного сознания.

Начавшиеся политические реформы всколыхнули африканское общество, позволили ему хотя бы отчасти преодолеть царившую долгие годы апатию. Во многих странах Тропической Африки в избирательных кампаниях принимало участие значительное число избирателей. Подобная активность может стать исходным пунктом для развития политической культуры масс, однако, чтобы она укоренилась в их сознании, потребуется немало времени.

Причина сохранения и даже упрочения традиционных социальных и этнических связей происходит из-за политической нестабильности, а также социально-экономических трудностей, вынуждающих человека искать поддержку у своих соплеменников.

Традиционные структуры и соответствующие им элементы общественного сознания не только сохраняются, но и будут продолжать оказывать серьезное воздействие на общественную жизнь и идеологические установки. Нередко демократизация ведет не к изживанию традиций, а к возврату «африканской исключительности», возрождению доколониальных общественных институтов.

Устойчивость традиционных институтов кроется не только в прочности субъективных представлений, но и в том, что эти институты продолжают выполнять ряд важнейших социальных функций, поскольку новый механизм власти еще не сложился или не приобрел достаточного авторитета.

Л и т е р а т у р а

1. *Пугачев В.П., Соловьев А.И.* Политология. – М., 2007.
2. *Анохин М.Г.* Политические системы: адаптация, динамика, устойчивость. (Теоретико-прикладной анализ). – М., 1996.
3. *Ирхин Ю.В.* Политология. – М., 2007.
4. *Шутов А.Ю.* Политический процесс. – М., 1994.
5. См. об этом: *Винокуров Ю.Н.* Демократическая Республика Конго: власть и оппозиция. – М., 2003.

6. *Jackson R.H., Rosberg C.G.* Personal Rule in Black Africa. Autocrat, Prophet, Tyrant. – Berkeley, 1982.
7. Подр. см.: Политическая наука. 2003, – № 2. – М., 2003.
8. *Васильев А.М.* Африка и вызовы XXI в. – М., 2012.
9. *Косухин Н.Д.* Власть в контексте политической модернизации в современной Африке // Восток. – М., 2001. – № 6.
10. Современная Африка: метаморфозы политической власти. – М., 2009.
11. *Кочакова Н.Б.* Раннее государство и Африка (аналитический обзор публикаций Международного исследовательского проекта «Раннее государство»). – М., 1999.
12. *Кочакова Н.Б.* Традиционные общества стран Тропической Африки: некоторые аспекты эволюции Африка: многовариантность развития. – М., 1997.
13. *Иорданский В.Б.* Звери, люди, боги: Очерки африканской мифологии. – М., 1991.
14. *Дэвидсон Б.* Африканцы: Введение в историю культуры. – М., 1975.
15. Народы Азии и Африки. – М., 1990. – № 4.
16. *Лазарев Я.А.* О роли традиционных вождей в политической жизни Верхней Вольты. – М., 1981.
17. *Кочакова Н.Б.* Традиционные институты управления и власти. – М., 1993.
18. *Синицына И.Е.* В мире обычая. – М., 1997.
19. Constitution of the Republic of Ghana. – Accra, 1992.
20. Африка: многовариантность развития. – М., 1997.
21. Американская социология. Перспективы, проблемы, истоки. – М., 1972.
22. *Mazrui Ali A., Tidy M.* Nationalism and New States in Africa from about 1935 to the Present. – Nairobi, 1994.
23. *Косухин Н.Д.* Политология развития африканских стран. – М., 2009.
24. *Sassou N'Guesso D.* La Manguier, le fleuve et la souris. – P., 1997.
25. Африка: особенности политической культуры // Ученые записки Института Африки РАН. – Вып. 12. – М., 1999.
26. Тропическая Африка: от авторитаризма к политическому плюрализму? – М., 1996.

27. *Пивоваров Ю.С.* Политическая культура. Методологический очерк. – М., 1996.
28. Политическая культура: теория и национальные модели. – М., 1994.
29. *Almond J., Verba S.* The Civil Culture // Political Attitudes and Democracy in Five Nations. – Princeton, 1963.
30. Политическая культура // Pro et Contra. Т. 7. – 2002. – № 3.
31. Труды Российской историко-этносоциологической экспедиции в Эфиопии в 1990-1992 г. – М., 1997.
32. Африка: особенности политической культуры. Ученые записки Института Африки РАН. – Вып. 12. – М., 1999.
33. *Куббель Л.Е.* Очерки постарно-политической этнографии. – М., 1988.
34. *Бочаров В.В.* Власть. Традиции. Управление (Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки). – М., 1992.
35. Политическая наука. Политическое развитие и модернизация: современные исследования. – М., 2003.
36. Идеологические процессы и массовое сознание в развивающихся странах Азии и Африки. – М., 1984.
37. Африканская цивилизация в глобализирующемся мире. По материалам конференции. – Т. I // ИМЭМО РАН. – М., 2006.
38. *Косухин Н.Д.* Политическая культура африканского общества в контексте цивилизационного подхода // Ежегодник-2013. Африка в поисках источников мира и развития. – М.: РУДН, 2013.

И.В. Следзевский

ИДЕЯ АФРИКАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК КУЛЬТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ КОНСТРУКТ

Складывание цивилизационных представлений об африканской истории (истории стран южнее Сахары) отличается большой сложностью и запутанностью. Противоречивы условия и сама логика осознания исторических судеб континента в понятиях цивилизационного подхода.

Воображаемая Африка в европейском цивилизационном сознании и в колониальном дискурсе. «Африканец – человек природы»

По мере того как растут знания о древнейших, архаических культурах, становится понятным, что мировой цивилизационный процесс шел тысячелетиями на базе устной, мифоритуальной культуры. При таком понимании сложности и исторической глубины цивилизационного процесса история Африканского мира, его культуры, языков, синкретиза, человека, коллектива и природы имеет неоценимое значение для изучения человеческой цивилизации. В истории обществ южнее Сахары возникали достаточно сложные социальные и политические образования, которые имели непрерывную длительную устную традицию: Древняя Гана, империи Мали и Сонгай и т.д. Например, история Древней Ганы по продолжительности сопоставима с историей Римской империи. Но эта традиция не была письменной. Значит ли это, что расцвет древних (и в основе своей оставшихся архаическими) государств и империй Тропической Африки был лишь началом цивилизационного процесса в этом регионе? Если предположить, что не был, то приходится допустить возможность существования формировавшихся, развивавшихся или развитых *дописьменных цивилизаций*. Это размывает принятый

привычный классический канон цивилизации как обществ письменной (высокой) культуры. Как определить в рамках этого канона социокультурные образования, которые складывались и развивались на базе длительной устной традиции и тесно связанной с ней и усложнявшейся мифоритуальной культуры без канонических признаков великих культур Востока и Запада? *Цивилизации до цивилизации?* Шаг, и очень важный, в направлении пересмотра этого канона уже сделан. Признан высокий – цивилизационный – уровень развития бесписьменных культур в доколумбовой Америке. В случае бесписьменных африканских культур преодоление устоявшегося канона цивилизации (общества, имеющего бесспорный цивилизационный статус) идет более сложным, извилистым путем. Главным препятствием остается сложившаяся в колониальный период традиция восприятия и интерпретации пространства Субсахарской Африки как мира культурной ограниченности, примитивности, первобытности.

Общий смысл данной традиции и заключенных в ней культурных образов и стилей, дискурсивных и институциональных практик, ценностей, идей заключался в конструировании – в условиях господства колониальных империй – особой социокультурной реальности. Реальности неприкрытого господства и превосходства белого человека – реальности не только автономной по отношению к окружающему африканскому миру, но и отчужденной от него и вместе с тем навязывающей ему унижительные стереотипы самовосприятия как мира примитивного, нецивилизованного, дикого. Со временем, конечно, понимание африканских реалий возматало, традиционный и колониальный культурный уклады чаще соприкасались и переплетались друг с другом, колониальный контроль становился более полным, а знание местных традиций – обстоятельным и целенаправленным. Незыблемым, однако, оставалось одно: с подлинными африканцами, их жизнью и обычаями собственно колониальная культура сочеталась как сознательно сконструированный, замкнутый на

себя культурный текст, культурный конструкт. Неизменным оставался прежде всего его код – отождествление цивилизации как высшего социального и культурного порядка с символами расового и культурного превосходства европейцев. Термины «текст», «культурный конструкт» в данном случае лучше отражают довольно условный характер европейских интерпретаций аутентичных африканских традиций: зависимость от образов и ценностей европейского культурного сознания, сочетание реального и нереального или домысливаемого, воображаемого. С конца XIX в. и на протяжении большей части XX в. поколения европейцев представляли Африку по приключенческим и авантюрным романам Жюль Верна, Райдера Хаггарда, Джозефа Конрада, Грэхема Грина. Внутренний мир африканской культуры замещался в этих произведениях романтическим, но примитивным образом Африки – загадочного заповедника, огромной первобытной резервации, которую покоряют находчивые и мужественные белые люди, а коренные жители присутствуют как часть экзотической природы, наравне с животным миром.

В духе модной в первой трети XX в. концепции биологической сущности культуры негроидному образу коренного населения Африки приписывались черты неполноценного расового типа. Образ жизни темнокожих людей воспринимался как лишенное творческой силы уподобление человека растению или животному. «Пассивной культуре обитателей африканских тропиков («эфиопской культуре») противопоставлялась в качестве «активной силы» культура народов Северной Африки.

После Первой мировой войны инвариантные (первобытные) черты африканских культур перестали определяться с чисто расовых позиций. Во многом это был результат антропологического поворота в науках об обществах и культурах. Предубеждения конца XIX – начала XX в. были отвергнуты в пользу культурного релятивизма, рассматривающего каждую человеческую культуру как уникальный в своей ос-

нове результат взаимодействия человека и природной среды, следствие межкультурных контактов и целостного, функционально организованного существования культурных явлений. Этот поворот, связанный с именами Франца Боаса, Бронислава Малиновского и их последователей – Рут Бенедикт, Маргарет Мид, Эдварда Сепира, африканистов Эдварда Эванс-Причарда и Мейера Фореста изменил взгляды на принципы и методы полевых этнографических исследований, на значение этнографических данных, как и на сами принципы социального поведения и социальной организации людей бесписьменных культур в конкретном антропологическом контексте. Миф, магия, ритуал, разнообразные локальные верования, которые до этого рассматривались как сугубо иррациональные фантазии и заблуждения первобытных людей, приобрели статус уникальных, целостных и величественных феноменов культуры, выражения ее определенного смыслового и ценностного инварианта. Приведем характерное высказывание Э.Э. Эванс-Причарда о практике колдовства у азанде (народность в Центральной Африке): «Когда представитель азанде говорит о колдовстве, он говорит о нем не так, как говорим мы о сверхъестественном колдовстве в нашей собственной истории. Колдовство является для него чем-то обыденным, и редкий день проходит без упоминания о нем. Там, где мы говорим об уборке урожая, об охоте или о болезнях наших соседей, представитель азанде обязательно вспомнит о колдовстве... Самое главное, при отсутствии туземной концепции мы должны постараться избежать искушения сконструировать догму, опирающуюся на представление о том, что мы действуем так, как действовали бы азанде. Не существует детальной и стройной концепции колдовства, которая объясняла бы их действия, и не существует такой концепции, которая разъясняет включенность колдовства в функциональные взаимоотношения. Свои верования азанде проявляют в действиях, а не в интеллектуальных конструкциях, принципы этих верований нужно искать в социально

контролируемом поведении, а не в доктринах... Их идеи включены в действия и их нельзя извлечь и использовать для объяснения и оправдания действия» [1, с. 35, 37].

Однако, по большому счету, и поворот социальной антропологии в сторону культурного релятивизма не смог устранить глубоко укоренившиеся в сознании западных исследователей установки и стереотипы европоцентристского сознания. И новое течение социальной антропологии реконструировало в социокультурном укладе африканской жизни прежде всего черты первобытности, локальности, социальной ограниченности и застоя. И не только в угоду колониальным схемам управления (что было далеко не всегда), но прежде всего под влиянием образа мышления, самой логики письменной культуры, для которой мир – это система жестко определенных культурных категорий: социальный порядок ассоциируется с организованным политическим целым (гражданским обществом и зрелым государством), юридические институты не мыслятся вне формальных систем права, символы важны прежде всего как выражение содержания общественных и культурных явлений, а не прямое побуждение к действию.

В результате и у «классиков» социальной антропологии, признанных мэтров полевых исследований, далеко не всегда складывался целостный и законченный в смысловом отношении образ даже локальных, этнографических культур. Ситуативный опыт общения с конкретными информантами становился подчас портретом всей изучаемой культуры, начинающим самостоятельную жизнь. Чем дальше этот портрет и породившие его тексты отстоят от живого восприятия культуры (общение, эмоции, переживания), тем больше на первый план выходят и объективируются клише мировосприятия в сознания самого интерпретатора. Этнографические версии подлинных культурных текстов на самом деле «вычленены» из реальности, переосмыслены и затем искусственно возвращены в нее (вопросами, умственными опера-

циями в научном отражении) и вновь востребованы в исследовательскую конструкцию, ибо существуют уже только (или преимущественно) в ее коде» [2, с. 200].

Правда, сделано немало в изучении сюжетов и образов африканской мифологии. Однако и африканские мифы также обычно переосмысливаются в соответствии с кодами, стереотипами, идеями и концепциями европоцентристского культурного сознания: мистической философией, мифологемами творения, логически упорядоченными пантеонами богов, идеями сходства этих мифов с библейскими преданиями. Высказывается и более осторожная мысль, что «едва ли не последним звеном между традиционными африканскими культурами и современной промышленной цивилизацией выступает искусство» [3, с. 245]. Но, как отмечает Н.Б. Кочакова, «все предметы африканского традиционного искусства имели практическое назначение и не могут быть поняты в отрыве от социального контекста» [4, с. 174].

В итоге первичным остается образ единства человека с природой, с локальной естественной средой как основное и неизменное выражение самобытности африканских культур, ставящее их вне обществ цивилизации.

Идеология догоняющей модернизации, усвоенная правящими элитами независимых стран и положенная в основу многочисленных проектов «осовременивания» постколониальных африканских обществ, сохранила и в известной степени даже укрепила эту мифологему, придав ей характер культурного и политического императива (модернизация *versus* застой и отсталость). И в 60–70-е гг. XX в. идея цивилизаторской миссии Европы на континенте (но уже в контексте ускоренной модернизации застывшего в своей изначальной природной сущности африканского мира) не покидала западную африканистику. Просто и наглядно эту идею выразил в 1974 г. французский африканист Л.-В. Тома: «Негр живет не в доме, а в хижине, не в деревне, а в бруссе (саванне – *И.С.*), верит не в бога, а в фетиши... не стоит труда множить

примеры этого рода. Школа (светская или религиозная) заполняет эти лакуны, эти пустоты и эти упущения; она принесет черным культуру, которая себя оправдала (язык, историю, науку, философию, искусство, нравственность); она превратит его в человеческое существо в полном смысле слова» [5, s. 172].

В более поздних концепциях социокультурного развития Африки (1980–1990-е гг.) жесткая дихотомия «модернизация – традиция» начала критиковаться за догматизм и априоризм. В современной французской африканистике ее относят к проявлениям «африканизма» – конструирования в европейском сознании образов «воображаемой Африки», имеющих довольно слабое отношение к действительности. Подчеркивается возникновение характерного феномена трансформации и ломки исконных африканских традиций и обычаев под прикрытием квази-традиционалистского дискурса и искусственной архаизации африканских обществ. (Французский африканист Ж. Копанс назвал этот феномен иллюзией традиций или «ложным архаизмом» [6, s. 85–86].) То, что воспринимается и трактуется исследователями в образах традиционного, неизменного, отсталого порядка, на самом деле, нередко является результатом модернизации, порой очень существенной, базовых ценностей и институтов африканской архаики.

Афроцентризм как культурный конструкт: противостояние культуре белых или межкультурный диалог?

Понимание содержания и сущности африканских традиций зависит не от их «изначальности», «древности», «неизменности», а от точки зрения на африканца (темнокожего человека), Африканский мир и африканскую историю в целом, от ценностного к ним отношения. Этот взгляд утвердился в интеллектуальных кругах Африки после распада ми-

ровой колониальной системы в противовес европоцентристским интерпретациям истории и культур народов континента. Он стал основой афроцентризма – ценностно-смысловой реконструкции, подчеркнутого возвышения Африканского мира. В качестве антипода идей духовного и культурного господства Европы афроцентризм двуедин: критику европейского мира как цивилизации – технизированной и лишенной подлинной человечности, подлинности и открытости чувств, он сочетает с попыткой поставить на место европоцентристского канона истории цивилизации собственный – африканский.

К афроцентризму нельзя подходить как к концепции или теории. Он действителен ценностно окрашенными образами Черной Африки и африканцев. Но еще более важны и значимы создаваемые на основе этих образов идеальные модели Африканского мира как колыбели и одновременно особого инварианта общечеловеческой культуры. В этом смысле афроцентризм (или отдельные его направления) ведет диалог с европоцентризмом, формируя африканское цивилизационное самосознание.

Образ древней африканской цивилизации – предшественника великой культуры Древней Греции – содержит в себе кажущийся идеальным исторический вариант геокультурного единства всей Африки. Идея «романтического примитивизма» апеллирует к образу темнокожего человека, наделенного совершенно особым типом сознания и ощущения мира, поднимающего его над европейским, т.е. цивилизованным в общепринятом смысле типом личности. Образная суть этой идеи блистательно выражена в философии «негритюда». Ее создатель – философ, поэт, политик Леопольд Седар Сенгор – поднял до общечеловеческого уровня образ темнокожего африканца как выразителя эмоциональной, чувственной, жизненной сущности человеческой культуры.

Афроцентризм часто критикуют за некритическое отношение к прошлому Африки и к африканским культурным

ценностям, за идеи собственно африканской (расовой) исключительности, мифологичность многих идейных и политических установок. Но это скорее критический взгляд «извне» – со стороны европейской культуры, уже обладающей и даже «насытившейся» чувством своей мировой значимости, осознанием бесспорной важности своего существования в мире. Для африканцев, точнее – их образованной части, мир остается пространством доминирующей власти и могущества белых людей. Он, конечно, перестал быть колониальным, открыто имперским, но не стал в необходимой степени африканским в смысле присутствия и признания в пространстве мировой истории образов и ценностей Африки. Афроцентризм направлен на преодоление этого разрыва, на формирование самоценного, преодолевающего этнические, конфессиональные и политические различия Африканского мира, способного (в идеале) говорить на равных с другими культурными мирами от имени своей истории, своей культуры, своей идентичности.

Вместе с тем надо учитывать неоднородность и разноплановость содержания афроцентризма. Для развития собственно цивилизационных представлений об африканской истории и африканских социокультурных системах очень важна способность афроцентризма к культурному диалогу, к рефлексии образа другого в формировании (конструировании) африканской идентичности, осмыслении образов, ценностей культурно-психологического наследия бесписьменных (архаических) культур в развитии человеческих сообществ и мировом цивилизационном процессе. С этой точки зрения, необходимо различать идеологию и культурную практику афроцентризма.

Как культурно-идеологический конструкт афроцентризм ориентирован в основном на идеи расовой природы, расового инварианта африканского мира. Концептуально и политически этот инвариант был определен еще на рубеже XIX–XX вв. в так называемой идеологии черного национа-

лизма. Для «черного националиста» первичное, судьбоносное значение имеет не собственно культурное и историческое содержание африканского начала, а его расовое значение, не открытость, а закрытость культуры чернокожей расы, не диалог с миром белых людей, а открытое противостояние ему. «Черный национализм» породил свою особую социокультурную среду – символическую, коммуникационную, культурно-религиозную, выходящую за рамки Африканского континента. Основу ее составляют суб-культуры африканской диаспоры и групп темнокожего населения в странах Америки и Европы («негризм» в Латинской Америке, течение «Гарлемского Ренессанса», ортодоксальная религиозная секта растафари на Ямайке и контр-культурное течение раста-рэggi, получившее широкое распространение и в странах Африки; движение «Черные мусульмане» в США). Становясь поп-культурой и поп-идеологией, «черный национализм» возвращается на континент в виде стилей общеафриканской массовой культуры, сочетающих изначальный расовый «контр-универсализм» его основателей – африканца Эдуарда Блайдена и афроамериканца Маркуса Гарви – с отрывом от традиционных этнических культур Африки.

Культурная практика афроцентризма охватывает разнообразные формы изучения, освоения, реконструкции, популяризации африканского культурного наследия как символа и ценности африканской идентичности, фактора интеграции локальных культур континента.

На интегративную функцию практики афроцентризма обратил внимание в середине 1980-х гг. один из создателей современной российской африканистики Л.Е. Куббель: «Создаваемая или стихийно складывающаяся в независимых странах континента новая культура, которой принадлежит важнейшая роль в складывании этнополитических общностей в рамках заданных колониальным прошлым государственных границ, ориентирована... на выполнение в первую очередь функции культуры национальной. В этом смысле

она обращена к “своей” стране и ее населению. И, тем не менее, сходство не только задач культурного строительства, но и многих элементов культурного наследия, которое участвует в формировании новой культуры (тем более с учетом разделения государственными границами многих крупных африканских народов, имевших к моменту колонизации достаточно развитую и устойчивую традицию), сближает эти новые африканские культуры, обеспечивая им немало черт общности» [7, с. 15].

Новая культура формируется в повседневной жизни на грани заимствованных элементов европейской цивилизации (языки бывших метрополий как государственные общенациональные языки независимых стран Африки, институты и традиции современного образования, научные школы, художественная литература и т.д.) и живого культурного наследия местных народов (родственные, земляческие и этнические связи, ценностно-смысловые модели социальных отношений, религиозно-космологические верования, социальные институты и категории общинного социума). Важную, универсализирующую роль в становлении новой культуры играют духовно-религиозный опыт массового приобщения африканцев к вероучительной практике ислама и христианства. Поэтому, уже в силу объективных условий межкультурного взаимодействия, культурная практика афроцентризма выливается в диалог локального и универсального, «своего» как «другого» (переосмысленные в рамках письменной словесности, культурной и научной рефлексии традиций устной, народной культуры) и «другого» как «своего» (философско-исторический взгляд на традиционные этнические культуры). Благодаря африканизации кадров, науки и образования средоточие этого диалога сместилось во второй половине XX в. в сферу африканской идентичности. При всех издержках практики культурной деколонизации (усиление этноцентризма, отток квалифицированных кадров из африканских стран) новая культура сохраняет межцивилизацион-

ный характер. За период независимости внутри нее возникли формы знаний и художественного творчества, которые переводят в смысловой горизонт письменной словесности, культурной и научной рефлексии символы и образы устной народной культуры, ее коммуникационный и ценностный контексты. Новый пласт знаний создает изучение мифов, легенд, космологических представлений, записей эзотерических формул, анализ символики изобразительного искусства.

К пониманию африканского исторического наследия в рамках самих африканских культур надо отнести и сложившиеся в XX в. культурно-антропологические и культурно-лингвистические традиции изучения сохранившихся архаических и постархаических обществ. Мы имеем в виду традиции изучения лексических и символических систем бесписьменных культур, систем родства, счета времени, цветовой символики, мер весов, классификаций растений, домашних животных и т.д. В последнее время в этих областях достигнуты важные результаты, позволяющие составить представление о классификациях мира и человека в традициях устных африканских культур, их отношения к Вселенной, жизни, человеку, социуму и природе. Таким образом, можно говорить о научных конструктах афроцентризма – расшифровке и понимании значений и кодов африканских культур в диалоге с ними, с их смыслами, картинами мира. Афроцентристская научная традиция оперирует сейчас и более общими моделями символического мышления и ритуальных действий. Проясняется значение этих аспектов устных африканских традиций как синкретических моделей социальных отношений, обеспечивавших интеграцию бесписьменных человеческих сообществ, снижение уровня конфликтности символическими и психологическими средствами. Классическими работами этого направления стали труды английского этнографа-африканиста, социолога и фольклориста В. Тэрнера (1920–1983), его имя может быть поставлено в один ряд с именами Э. Дюркгейма, К. Леви-Строса и Р. Барта.

Трудности в описании и понимании значений африканских культур, таким образом, не кажутся фатальными, непреодолимыми. Благодаря культурной деколонизации, сближению устной и письменной словесности в современных африканских культурах, включению в число базовых структур культуры символов, ритуалов, мифологического сознания, мир африканских традиций предстает более богатым, осмысленным и целостным, чем это казалось еще недавно.

Конструирование Африканской цивилизации в отечественной африканистике

Несмотря на свою молодость, отечественная африканистика прошла достаточно сложный путь развития, что проявилось и в динамике изучения цивилизационно-региональной проблематики. Свои первые шаги российская (советская) африканистика делала в довольно ограниченном по информационным возможностям и научным интересам проблемно-тематическом пространстве, практически полностью оторванном от африканского культурного «поля». Тем не менее цивилизационная проблематика смогла занять свое место в развитии отечественного африканистского знания, хотя этот процесс был не очень заметным, как бы «сторонним» по отношению к проблеме выбора путей развития Африки. Определенную роль в этом сыграло и сравнительно позднее проникновение в советскую историческую науку идей и концепций цивилизационного подхода (1970–1980-гг. – работы Е.Б. Рашковского, М.А. Барга, В.М. Мучника, А.П. Дымовой). Первым и значимым этапом самоопределения цивилизационной проблематики пути стало распространение на африканскую историю, на ее содержание и динамику собственно цивилизационного дискурса. Дискурсивно-цивилизационный подход к африканской истории был не просто обозначен, а развит в двух монографиях опублико-

ванных на рубеже 1960–1970-х гг.: «Африка еще не открыта» (Ю.М. Кобищанов, В.Б. Мириманов) [8] и «Африка: встречи цивилизаций» (Ю.М. Кобищанов, В.Б. Мириманов, А.Д. Дридзо) [9]. Впервые российские исследователи повели речь о самостоятельной ценности африканских цивилизаций (монография «Африка еще не открыта»), о связях этих цивилизаций с внешним миром (Древним и Арабским Востоком, эллинистическим миром, Византией, Центральной Азией и Кавказом) (монография «Африка: взаимодействие цивилизаций»).

На новый – содержательный и концептуально-теоретический – уровень цивилизационные исследования поднялись в 1980–1990-е гг. Важным фактором демаркации области собственно цивилизационных исследований явился поворот российской исторической науки, российской социологии и культурологии (социологии культуры) к осмыслению традиций и научного содержания цивилизационного подхода в его развитии и основных мировоззренческих постулатах (многофакторность исторического процесса, невозможность сведения его движущих начал к развитию экономического базиса, самостоятельное значение социокультурных связей и духовных ценностей в интеграции сложных обществ и образовании общностей надлокального, надэтнического типа, самобытность и длительное существование конкретных цивилизаций) (работы Л.И. Рейснера, Е.Б. Черняка, Б.С. Ерасова).

Отправной точкой нового этапа развития цивилизационного подхода в российской африканистике стало признание своеобразия культур неарабской Африки в сравнении с культурами и цивилизациями других регионов мира. Эту позицию (по сути, научный конструкт) сформулировал Ю.М. Кобищанов: при том, что «многие важные элементы в системе любой африканской культуры заимствованы извне, часто из весьма отдаленных стран», «большая часть африканских культур отличается замечательным своеобразием,

сопоставимым лишь с оригинальностью культур доколумбовой Америки и Океании» [7, с. 69]. Этот постулат не отрицает значения этнографического подхода к описанию культур отдельных народов Африки, однако он преодолевает привычный, в значительной степени нормативный и европоцентристский взгляд на африканское культурное наследие как на исключительно «первобытное» или «полупервобытное», отделенное от цивилизации «глухой стеной» этнических («родо-племенных») делений и форм человеческих отношений.

Предметом дискуссии стал вопрос о правомерности рассмотрения (конструирования) культур Тропической Африки как единой цивилизации, обладающей общими культурно-историческими чертами, специфическими принципами и формами взаимодействия обществ, этнических групп, локальных культурных ареалов. Единого мнения по этому вопросу не было достигнуто, исследователи столкнулись с проблемой допустимой типологической унификации разнообразных культурно-исторических и культурно-языковых общностей региона. В 1985 г. Ю.М. Кобищанов выдвинул концепцию «давнего и глубокого расхождения исторических судеб народов отдельных частей Африки» [7, с. 72–76]. Основой этой концепции послужил разработанный в 1970–1980-е гг. в советской этнологии теоретический конструкт этносоциальных организмов – социокультурных образований, характеризующихся определенным уровнем социально-экономического и культурного развития, а также развитием системных связей внутри таких организмов и между ними по законам этнокультурной информации (С.А. Арутюнов, Ю.В. Бромлей, Ю.М. Кобищанов, Н.Н. Чебоксаров). Цивилизации в этом случае представляются как *общности этносоциальных организмов*, находящихся на достаточно высоком уровне развития, обладающих общей культурой и развитыми информационными связями.

Следуя за историком культуры Г. Чайлдом, Ю.М. Кобищанов выделил ряд признаков цивилизации, которые, в его интерпретации, отличают разные цивилизации, а «все вместе» цивилизации от «первобытной культуры»: наличие сравнительно высокоразвитого земледелия и социально отделившегося от него ремесла, классового общества, государства, городов, монументального строительства, высокоразвитого искусства, письма, общности развитой религии и идеологии и на этой основе предложил схему сравнительного анализа африканских культур и культурных ареалов по степени полноты цивилизационных признаков [7, с. 73]. Эта схема позволила автору выделить и подчеркнуть значительную вариативность цивилизационного процесса внутри самой африканской истории с учетом эволюционных особенностей, взаимодействия внутренних и внешних факторов, срока продолжительности непрерывной культурной традиции. Ряд традиционных культур, по мнению Ю.М. Кобищанова, «не только не достиг уровня цивилизации, но даже не приблизился к нему, например культуры нилотских и многих бантуских племен», их он предложил называть «предцивилизациями» [7, с. 74]. В то же время для целого ряда «сравнительно высоких культур» Западной Африки, Межозерья и пояса южных саванн, по логике данной концепции, определения «предцивилизации» явно недостаточно, но и цивилизациями их тоже как будто нельзя назвать «без существенных оговорок», по признанию автора. Этот тип культур Ю.М. Кобищанов предложил называть «протоцивилизациями»: «с предцивилизациями их роднит отсутствие письма, во многих случаях отсутствие монументального строительства и монументального искусства городов, высокоразвитых религий..., а с цивилизациями – наличие классового (раннефеодального) общества, политической системы типа “священного царства”... иногда зачатков городской жизни» [7, с. 74].

Иную позицию в оценке цивилизационного своеобразия региона придерживается Д.М. Бондаренко. Он первым в

русской африканистике предложил рассматривать «страны и народы Тропической Африки» в качестве единой цивилизации и привел ряд аргументов в пользу этой позиции. «Внутри континента, – полагает Д.М. Бондаренко, – можно и следует выделять ряд цивилизационных регионов, обладавших в пределах тропическоафриканской цивилизации значительной степенью специфичности. Она начала – во многом поверхностно – нивелироваться только в колониальную эпоху, когда африканцы (по крайней мере, их образованная часть) осознали свое цивилизационное единство в пределах всего континента» [10, с. 65]. Вместе с тем, полагает Д.М. Бондаренко, с точки зрения соответствия природно-климатическим условиям Африки, принципов и форм взаимодействия между обществами эта цивилизация имела давние и глубокие общие черты. Основные ее отличительные черты полно и ярко кристаллизовались в ее представителе – африканце и заключались в его «включенности», «органической встроенности» в окружающую естественную среду (и даже шире – в макрокосм). Другими словами, основное цивилизационное свойство традиционных африканских культур неотделимо от свойств африканской личности и проявляется в «космизме» исконного африканского мировидения – «...непреходящем ощущении соотнесенности, связи... в сознании людского бытия с бытием Вселенной» [10, с. 66]. Но это значит, что основное цивилизационное свойство традиционных африканских культур, по существу, тождественно архаическому субстрату человеческого сознания и человеческой культуры, ограничивается рамками древнейших социокультурных («доосевых») социокультурных систем или сохраняет с ними теснейшую связь.

Оценивая оба подхода к определению цивилизационной специфики африканских культур (этнокультурный или локально-исторический и макроисторический), надо видеть их тесную связь с проблемами места и роли этих культур в мировом историческом процессе. И в концепции разнообра-

зия цивилизационных свойств африканских обществ (Ю.М. Кобищанов), и в концепции единства (на древнейшей, архаической основе) культурно-цивилизационного разнообразия региона (Д.М. Бондаренко) упор делается скорее на «остаточный», статичный характер африканского культурного наследия с точки зрения социального прогресса, потенциала адаптации к внешним вызовам и императивам развития. Сам древний и древнейший субстрат африканских традиций оценивается как ограниченный в своей способности к преобразованиям, и значение его (то есть, по большей части, собственно африканской части наследия) сводится, по существу, к медленному саморазрушению, вытеснению из современной истории, смысл его, в категориях нормативного цивилизационного дискурса, – «не мешать» обществу цивилизации двигаться вперед, по восходящей линии, уходя все дальше от своего прошлого.

Вместе с тем уже в эти годы в отечественной африканистике появились работы, содержавшие иной взгляд на первичный, архаический субстрат бесписьменных культур Африки. Представлению о статике и снижающемся значении архаических социокультурных норм и ценностей был противопоставлен взгляд на африканскую архаику как на неуходящую, динамическую силу африканского развития, которая заявляет о себе в самых разных сферах общественной жизни, включает заимствованные формы и институты современного государства в развитую систему семейно-клановых, земляческих, племенных отношений и связей. В ряде работ российских исследователей на конкретном и разнообразном материале показано значение африканских архаических институтов и традиций как фактора самосохранения местных обществ, не утратившего значения способа адаптации традиционного общинного социума к внешним вызовам в виде потока инноваций, изменения природных и социально-демографических условий существования и т.д.

В.Р. Арсеньев, яркий представитель и пропагандист «ленинградской школы африканистики», зафиксировал в качестве «главного принципа традиционной стороны общественной организации» древнего Мали и современной Республики Мали» архаическую норму – «минимум новаций в максимум времени» [2, с. 216]. Видимая консервативность этого принципа не исключает его определенного динамизма: с одной стороны, он «в значительной степени сдерживает развитие производительных сил Республики Мали», а с другой – ограждает местное общество «от излишне резких потрясений, могущих быть следствием избыточного потока новаций» [2, с. 216].

Опираясь на концепцию «обрядов перехода», разработанную В. Тэрнером, В.А. Бейлис обратил внимание на возрастающее значение обрядовой стороны жизни современных африканских обществ. «Переживая нынешний переходный период, может быть один из наиболее мучительных в истории Африки, африканцы естественным образом вынуждены обратиться к привычному для них механизму перехода» [11, с. 12]. В результате, как подчеркивает исследователь, «традиционный сектор... имеет весьма существенную власть» в процессах африканской урбанизации «и, во всяком случае, не является тормозом в этом процессе, в то время как полностью вестернизированный город способен стать препятствием на том пути развития, на который стала Африка, поскольку он не приспособлен к многочисленным социальным институтам, отсутствующим на Западе и существующим на Африканском континенте, и не обладает гибкостью “многоукладного” города».

В.В. Бочаров оспаривает «широко распространенное представление об африканских обществах как внеисторических образованиях, лишенных собственной внутренней логики эволюции» – без учета этой логики нельзя понять даже особенности европейской колонизации Африки [12, с. 150–151]. «В описании процесса колонизации, прежде всего его

ранних этапов, – пишет В.В. Бочаров, – европейцы представляются в виде изощренных политиканов, которые стравливали наивных аборигенов, облегчая себе тем самым достижение своих неблагоприятных целей», но «дело в том, что во многих регионах представители (местных) политических структур сами были не менее изощренными политиками. Действуя в рамках традиционной политической культуры, они умело боролись за власть, используя противоречия между различными социальными группами. Колониальная же ситуация лишь резко обострила этот процесс, так как возникли новые силы в лице колонизаторов, которых традиционные конкуренты стали использовать для достижения своих предусмотренных традиционной политической культурой целей [12, с. 151].

Переоценка роли африканской архаики усложняет проблемное поле цивилизационного подхода и само содержание конструкта особой Африканской цивилизации в отечественной африканистике. В концептуальном плане постановка проблемы места и роли архаики в мировом цивилизационном процессе [13] побуждает переосмысливать потенциал тех культурных образцов, форм, «матриц» социокультурного опыта, которые до последнего времени в российской науке считались ушедшими в далекую историю и, во всяком случае, «непрогрессивными», «отсталыми», находящимися за рамками цивилизационного процесса.

На движение отечественной африканистики именно в этом направлении указывают результаты конференции «Африканская цивилизация в глобализирующемся мире», организованной летом 2002 г. в рамках научного проекта ИМЭМО РАН «Мировые цивилизации в глобализирующемся мире» (Центр проблем развития и модернизации, рук. В.Г. Хорос) [14]. Мир традиционных африканских культур (в определении В.Г. Хороса, – «без письменности, развитых монотеистических религий, научно-технических традиций» [14, с. 82]) был отнесен к числу значимых мировых цивилизаций.

В качестве основы ее базовой конфигурации – взаимодействия сравнительно небольших социумов этнических групп и племен названы «специфические природно-экологические и демографические условия (жаркий климат, скудость почв, чередование сухих и дождевых сезонов, малая населенность)», «требовавшие от человека упорства и больших усилий по приспособлению к ним» [14, с. 82]. Благодаря контактам и периодическим миграциям, народы, населявшие континент, сталкивались с общими проблемами и вырабатывали сходные мировоззренческие представления, что и «позволяет говорить о единстве цивилизации южнее Сахары». Эту цивилизацию можно называть по-разному – природной, архаической, доосевой и пр., но «невозможно не признать ее оригинальность и определенную системность, существование и развитие на базе бесписьменных культур африканской космогонии и метафизики: мир как Космос, сущее как жизнь, как жизненная сила» [14, с. 82]. К характерным чертам этой цивилизации могут быть отнесены также ее высокий адаптационный потенциал – «не только с точки зрения приспособления к природным условиям, но и с точки зрения создания цельной, адекватной и равновесной системы ценностей и институтов»; внешняя (колониальная) модернизация обернулась феноменом «вторичной архаизации», а на интеллектуальном и политическом уровне панафриканизмом (афроцентризмом), направленным на пробуждение гордости африканцев «за свою землю и культуру» [14, с. 96–97]. Главным тормозом успешного развития является бюрократический аппарат освободившихся стран, перенесший в практику управления худшие черты колониальной чиновничьей среды – привилегированность, кастовую замкнутость, консерватизм, мздоимство, негативным фактором можно считать и некритическое применение в сложных африканских условиях западных технологий и методов хозяйствования.

Проблему цивилизационного статуса африканских обществ нельзя считать решенной. Приходится признать, что

цивилизация Тропической Африки, Африканский мир как культурно-историческая целостность остаются мысленным конструктом, широким смысловым полем с неопределенной конфигурацией идентификационных образов и определений и, главное, – с довольно схематичным отношением к самой африканской действительности.

Надо также признать, что внешне видение реалий африканской жизни зачастую мешает увидеть внешне малозаметные, трудно фиксируемые сдвиги в экзистенциальном опыте, в религиозных переживаниях и духовных устремлениях миллионов африканцев. На связь рождения великих духовных преобразований культуры с новым религиозным опытом обращает внимание исследователь традиций и культурных практик афро-ислама А.Д. Саватеев: «...религиозный опыт дает толчок преобразованию религиозных представлений, норм, институтов, которые ложатся в основу возникающей цивилизации, интегрируясь и взаимно адаптируясь в элементах – текстах, учениях, заповедях, этических, нравственных и правовых нормах, политических идеалах. ...Рождение любой цивилизации сопряжено с религиозным опытом» [15, с. 33]. Этот же подход обосновывает африканист-религиовед Л.А. Андреева. «Религиозный опыт, будучи объективирован в религиозных идеях и традициях, способен оказывать воздействие на характер философских, правовых, политических учений, культурный облик общества в течение исторических эпох – сотен и тысяч лет, он освящает характер, особенности религиозных и социальных институтов, может не только поколебать, но в определенной степени нивелировать результаты предшествующего религиозного опыта, связанные с ним институты и ценности прежнего общества» [15, с. 34].

Авторы нового для российской африканистики подхода к изучению африканских трансформаций обращают внимание на быстрое распространение в регионе, поверх этнических и государственных границ, новых идей культурно-

религиозного единства африканцев. Подлинный переворот в сознании миллионов людей, принадлежащих к десяткам локальных этнических групп, произвело движение последователей афро-христианского пророка Уильяма Ваде Харриса (харризм). Возникшее в начале XX в., оно продолжает укреплять свои позиции в южной части Кот-д'Ивуара, в Либерии, Гане, в различных частях Европы среди эмигрантов из этих стран. Распространение идей харризма приводит к массовому отказу его адептов от традиционных африканских верований и укоренению универсальной идеи единства людей: единый Бог, единый источник морального поведения (Десять заповедей), одна Книга (Библия), одно крещение (разрыв с фетишизмом), единое место отправления культа и т.д.

Аналогичную роль в зоне распространения ислама играет исламский мистицизм – духовная практика суфийских орденов (тарикатов). Исламский мистицизм, – оценивает это направление духовной трансформации человека и общества А.Д. Саватеев, – «уже накопил богатейший опыт обучения психотехникам, создал своеобразный кодекс социального поведения и моральных норм, обзавелся широчайшей культурной базой, не только обслуживающей религиозные потребности мусульманской общины, но и в самой изысканной форме воспевающей лучшие движения человеческой души, сокровенные тайны любви к Богу и женщине, природу, красоту отношений между людьми. ...Суфизм не только сохранил свое влияние ни духовную и интеллектуальную жизнь мусульман, но в Тропической Африке разнообразил свое влияние» [15, с. 110–111].

Анализ той гигантской трансформации, которую за последние десятилетия претерпел социокультурный опыт практически всех народов субсахарской Африки, дает, на наш взгляд, и необходимую основу, теоретическую и эмпирическую, для научной постановки проблемы места и роли архаики в цивилизационном процессе: соотношения архаики как глубокого и непреходящего чувства единства человека с

Миром и собственно цивилизационных, выделенных из природы образцов и форм культуры. Появляется возможность избежать привычного противопоставления архаики и цивилизации, привносимого в парадигму мировой истории классическим европоцентристским сознанием. Критическую и, на наш взгляд, верную оценку этого отношения к архаике и ее практическому выражению – магии дают А.А. Пелипенко и В.М. Хачатурян: «...Секуляризованное, сциентистское, рационализованное сознание западного человека практически перестало воспринимать... докультурную, естественную основу магии, которую достаточно остро ощущал архаик» [15, с. 63]. Однако, на «переломах истории», когда резко возрастает значение магического отношения к миру, «партиципационной связи» с реалиями внешнего мира (мы используем термин, предложенный В.М. Хачатурян), синкретические образы мира и его единства с человеком способны превращаться в действенную силу масштабных социокультурных преобразований, помогая обращаться к высшим, духовным началам человеческого бытия в самые острые моменты экзистенциального и культурного кризиса. При этом меняется и сама архаика, соотношение в архаических программах человеческого сознания и поведения основных их составляющих: природного, биологического начала (генетического, популяционного) и начала культурного. Возрастает роль опосредованных социальным и религиозным опытом духовно-магических практик, позволяющих ощутить и познать высшие цели и ценности трансцендентного мира. Как представляется, именно с этим сдвигом – поворотом к мощному культурному преобразованию архаики (со всеми возможными отступлениями, противоречиями и кризисами этого процесса, незволюционного, по сути, и выходящего за рамки собственно догоняющей модернизации) – мы имеем дело в «почвенных» слоях «новой» африканской истории и культуры. На сложное и противоречивое содержание современной африканской цивилизационной динамики обращают внимание

авторы исследования религиозного опыта народов Африки [15]. Речь идет о сложной природе самого феномена «магического ренессанса» в современную эпоху (В.М. Хачатурян, А.А. Пелипенко) и о богатой по своим формам смысловой изощренности, внутренней целостности и динамике синкретического содержания практике современного африканского культурного наследия (Л.А. Андреева, А.В. Воеводский, Н.А. Добронравин, О.И. Кавыкин, А.Н. Мосейко, А.Д. Саватеев, Т.А. Соколова, Х.М. Турьинская).

Вступление отечественной африканистики в новый этап осмысления и интерпретации культурной самобытности народов и в целом региона южнее Сахары кажется очевидным. Становится трудным отрицать, по выражению М.А. Чешкова, «фундаментальную способность цивилизации Тропической Африки... к адаптации и креативности», устойчивость и воспроизводимость аутентичного “ядра” культур, относимых к этой цивилизации, особенно в отношениях с другими цивилизациями» [14, т. II, с. 54].

Л и т е р а т у р а

1. *Evans-Pritchard E.E. Witchcraft, Oracles and Magic Among the Azande.* – Oxford, 1937.
2. *Арсеньев В.Р.* Бамбара: От образа жизни к образам мира и произведениям искусства. Опыт этнографического музееведения. – СПб., 2000.
3. *Мириманов В.Б.* Искусство Тропической Африки. Типология. Систематика. Эволюция. – М., 1986.
4. *Кочакова Н.Б.* Рождение африканской цивилизации. Ифе. Ойо. Бенин. Дагомея. – М., 1986.
5. *Thomas L.-U.* Acculturation et nouveaux milieux socio-culturels en Afrique noire // *Bulletin de l'IFAN.* – Dakar, 1974. – Ser. B, t. 36. – № 1.
6. *Copans J.* La longue marche de la modernité africaine. Savoirs, intellectuelles, démocratie. – P., 1985.
7. Африка. Культурное наследие и современность. – М., 1985.

8. Африка еще не открыта. – М., 1967.
9. Африка: встречи цивилизаций. – М., 1970.
10. *Бондаренко Д.М.* Цивилизация Тропической Африки и ее судьбы в доколониальные эпохи // Цивилизации. – М., 1997. – Вып. 4.
11. *Бейлис В.А.* Традиция в современных культурах Африки (По материалам западной и африканской литературы). – М., 1986.
12. *Бочаров В.В.* Власть. Традиции, Управление. (Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки). – М., 1992.
13. *Хачатурян В.М.* «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. – М., 2009.
14. Африканская цивилизация в глобализирующемся мире. По материалам научной конференции. – М.: ИМЭМО РАН, 2006. – Т. II.
15. Религиозный опыт народов Тропической Африки: психологические и социокультурные аспекты. – М.: Институт Африки РАН, 2012.

Л.Я. Прокопенко

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖЕНЩИН В ДИПЛОМАТИИ СТРАН ЮГА АФРИКИ

Одним из факторов демократического развития является участие женщин в принятии важных государственных решений, разработка мер по недопущению изоляции женщин от политической жизни. Сегодня в странах Юга Африки гендерные изменения происходят также и в сфере формирования кадров дипломатических представительств, подтверждая то, что присутствие женщин в дипломатии является отражением общего положения женщин в стране [2].

В 2000-е гг. ряд стран южноафриканского региона достигли значительных успехов в гендерной симметрии в политике, что свидетельствует о возрастании роли женщин в политическом процессе и продвижении этих стран по пути реализации Цели № 3 (поощрение равенства мужчин и женщин и расширение прав и возможностей женщин) Целей развития тысячелетия ООН, принятых в 2000 г. на Саммите тысячелетия. Для продвижения женщин в политике в странах Юга Африки существует мощная правовая база. Прежде всего, права женщин закреплены Африканской хартией прав человека и народов (1981 г.) и в специальном Протоколе к ней, принятом в 2003 г. в Мапуту (Мозамбик). Во многих странах региона продвижение женщин в систему управления всех уровней признано важнейшим направлением государственной политики, а равенство полов закреплено в конституциях, например в ЮАР [9, Chapter 9, Article 187], Намибии [8, Chapter 3, Article 10 (2)].

Пионером среди стран региона в области реализации гендерного равенства стала ЮАР. Ее достижения в области равноправия полов – результат двадцатилетних общих усилий правительства АНК (Африканский национальный конгресс), парламента и общественных организаций страны.

За годы становления демократии принято более 30 законодательных актов, способствующих развитию женского равноправия.

Успеху реализации гендерного равенства в регионе способствует использование системы квот женского представительства на выборных должностях. Государства региона входят в Сообщество развития Юга Африки (САДК), принявшее в 1997 г. специальную декларацию, которая поставила цель до 2005 г. установить в странах – членах этой организации представительство женщин на руководящих должностях на уровне 30% [10] (в соответствии с рекомендациями Комиссии ООН по улучшению положения женщин, принятых в 1990 г.). В ЮАР правящая партия АНК отдает женщинам 50% мест [7, Rule 6 Gender and Affirmative Action (6.1)].

Главная цель дипломатии – мирное решение проблем, существующих между государствами. В современных международных отношениях возросла роль переговоров по урегулированию кризисов и конфликтов, ведение которых остается не только специфической профессиональной сферой, но и искусством. Психологи утверждают, что в женской природе заложено много качеств, благодаря которым возможно снятие напряженности у конфликтующих сторон, урегулирование споров и предотвращение конфликтов. Многие из этих качеств демонстрируют женщины-дипломаты стран Юга Африки.

В более давней истории региона были случаи, когда женщина успешно выступала в роли дипломатов. Например, в 1621 г. в существовавшем на территории современной Анголы государственном образовании Ндонго дочь его правителя Анна Нзинга Мбанди Нгола вела переговоры с португальскими колонизаторами, победившими в войне [3, с. 70]. Эта 39-летняя женщина сумела провести переговоры с колонизаторами на равных.

Женщины назначались послами задолго до того, как гендерные изменения существенно затронули политическую

сферу в странах региона, например, Гаоситве К.Т. Чипе (Ботсвана) в 1970–1974 гг. была высоким комиссаром в Великобритании, послом в ФРГ, Франции, Дании, Норвегии и Швеции, а Марион Ликхапа Сехлабо (Лесото) в середине 1970-х гг. была послом в Великобритании, Австрии, Бельгии и Франции. Волна «женских» назначений в африканском дипломатическом корпусе в странах Запада началась в 1990-е гг. В этом плане в регионе лидирует ЮАР: в 1999 г. послом ЮАР в США была назначена Шейла Сисулу. Позже женщины были назначены послами также в Великобритании, Ирландии, Нидерландах, Швейцарии и во многих других государствах мира. В этот период женщин назначили послами также в Ботсване и Намибии.

В 2000-е гг. в странах южноафриканского региона назначение женщин на государственные посты, связанные с внешней политикой и безопасностью, стало одной из важных тенденций формирования политического руководства. Женщин теперь назначали на одну из важнейших должностей в правительстве – пост министра иностранных дел (должностное лицо в ранге министра, возглавляющее внешнеполитическое ведомство государства). По этому направлению лидирует ЮАР. В 2004 г. министром иностранных дел в правительстве Табо Мбеки была назначена Нкосазана Дламини-Зума, ставшая первой женщиной на этом посту в истории ЮАР. Заместителем министра иностранных дел стала также женщина – африканерка Сьюзен ван дер Мерве. Дламини-Зума возглавляла внешнеполитическое ведомство и в правительстве следующего президента Кгалемы Мотланте, сформированном в 2008 г. В правительстве нового президента Джекоба Зумы в 2009 г. на посту министра иностранных дел ее сменила также женщина – Маите Нкоана-Машабане, которая остается на этом посту и в 2013 г. Руководство страны считает такие назначения нормой. 27 ноября 2010 г. на отпевании видного борца с апартеидом Берты Ксовы президент Дж. Зума сказал: «Мы в долгу перед ними, благодаря их

борьбе сегодня женщины в правительстве занимают министерские посты по отраслям, которые ранее считались мужскими – оборона, международные отношения и пр.» [17].

Женщины возглавляют внешнеполитическое ведомство и в других странах Юга Африки. Президент Малави Джойс Банда была министром иностранных дел страны в 2006–2009 гг., эффективная деятельность на этом посту помогла ее карьерному росту и в 2009 г. она стала вице-президентом страны. В Мозамбике в середине 2000-х гг. пост министра иностранных дел и сотрудничества занимала Алсинда Антониу де Абреу. В 2013 г. в Намибии министром иностранных дел была Нетумбо Нанди-Ндаитва.

Руководства стран региона смело доверяют женщинам пост посла в США. В середине 2000-х гг. в числе 8 африканских посольств в США, которые возглавляли женщины, были посольства 5 стран Юга Африки – ЮАР, Анголы, Лесото, Свазиленда и Замбии. На протяжении последнего десятилетия женщины возглавляют замбийское посольство: в 2003–2010 гг. – Инонге Мбикусита-Леваника, а с 2011 г. – Шейла Сивела. 10 лет (с 2001 по 2011 г.) послом Анголы в США была Жозефина Питра Диаките. В конце 2000-х гг. получили назначение сюда посол Мозамбика (Амелия Матос Сумбана) и Малави (Хава Ольга Ндилове). Работали также консулы Юлия Мачадо (Ангола) и Жанетт Токозиле Ндхлову (ЮАР). С февраля 2011 г. посольство Ботсваны в США возглавляет посол Тебелело Мазиле Серетсе. В этом дипломатическом представительстве женщины также работают в качестве министра-советника, атташе, первого и второго секретарей [18].

Южноафриканки работают послами также в странах Европы и ЕС. В 2005–2011 гг. послом Анголы в Великобритании была Анна Мария Телес Каррейра. С марта 2008 г. послом Малави в Бельгии, Франции, Нидерландах, Люксембурге, Италии, Швейцарии и ЕС является Брейв Рона Ндисале. С марта 2012 г. посол Намибии во Франции, Италии, Испании и Португалии – Фрида Нангула Итете, а нынешний посол

ЮАР во Франции – Долана Мсиманх. В середине 2000-х гг. послом Зимбабве в Австралии была Флоренс Читауро.

В 2011 г. из 32 послов, назначенных президентом Анголы Ж.-Э. душ Сантушем, было 7 женщин: послы в Австрии, Гане, Греции, Венгрии, Замбии, Кабо-Верде и ЮАР [27].

Женщины работают дипломатами и в африканских странах. Доверяют женщинам эти посты в Намибии: посол в Эфиопии и представитель в Африканском союзе (Какена Кауна Нангула), посол в Анголе (Грейс Ндадалека Уушона), высокий комиссар в Нигерии (Селма Ашипала-Мусавуи), генеральный консул в ЮАР (Эллис Н. Ауино). А в самой Намибии в 2013 г. в числе африканских послов было три женщины: И. Миакаяка-Манзини (ЮАР), Венди Синкала (Замбия) и Чипо Зиндога (Зимбабве) [21].

В 2013 г. половину посольств африканских стран в РФ, во главе которых были женщины (Ботсвана, Нигер, Руанда, Свазиленд), составляли посольства государств Юга Африки. С 2007 г. послом Ботсваны в РФ является Бернадетт Себаге Ратеди, а в январе 2013 г. послом Королевства Свазиленд в РФ была назначена Тембайена Анастасия Дламини. Необходимо отметить, что посольство Ботсваны в нашей стране женщина возглавляет уже во второй раз: в 2000–2005 гг. на этом посту находилась Наоми Эллен Маджинда. В 2013 г. в африканских посольствах, аккредитованных в России, женщины занимали пост советника (ЮАР, Зимбабве), военного атташе (ЮАР, Ангола), работали также в должности первых (ЮАР), вторых (ЮАР) и третьих секретарей посольств (Замбия, Зимбабве, Намибия).

Многие женщины-дипломаты имеют высшее образование, полученное не только в национальных вузах, но и на Западе. В США получили образование Ш. Сисулу (ЮАР), Т.М. Серетсе (Ботсвана), Б.Р. Ндисале (Малави) и др. В Великобритании учились Н. Дламини-Зума (ЮАР), Гаоситве К.Т. Чипе (Ботсвана), Ф.Н. Итете (Намибия).

Многие из них свободно говорят на нескольких европейских языках.

Ряд женщин-послов (так же как и послов-мужчин) не принадлежат к числу карьерных дипломатов и не имеют специального образования, например, Н. Дламини-Зума (ЮАР) – врач, Ш. Сисулу (ЮАР) и И. Мбикусита-Леваника (Замбия) – преподаватели по образованию, Ломбе Чибесакунда (Замбия), Т.М. Серетсе (Ботсвана) и Ж.П. Диаките (Ангола) – юристы, Ш. Сивела (Замбия) – специалист по управлению, Б.Р. Ндисале (Малави) – инженер. В то же время есть и те, кто получили высшее образование в области международных отношений (например, Моника Нашанди (Намибия), Ева Нзаро (Танзания), А. Каррейра (Ангола) окончила дипломатическую академию в Лондоне) и работали ранее во внешнеполитическом ведомстве (Е. Нзаро, М. Нашанди, Э.Н. Маджинга (Ботсвана) и др.). Одной из причин подобных назначений можно назвать нехватку в африканских странах вузов, в которых можно получить специальное образование.

Необходимо отметить, что назначение послами людей, не имеющих дипломатического опыта и соответствующего образования, отнюдь не африканская специфика. Такой подход распространен в мировой практике. В СССР послами часто назначали высокопоставленных партийных деятелей (например, В.М. Молотов был послом в Монголии), по такому принципу были назначены целый ряд послов в страны Африки (см. [4]). Практика назначения послами некарьерных дипломатов частично сохранилась и после распада СССР: В.С. Черномырдин (инженер-технолог), В.И. Матвиенко (химик-фармацевт), М.Ю. Зурабов (экономист-кибернетик). Есть подобные примеры и за рубежом. Так, в ноябре 2013 г. послом США в Японии была назначена юрист по образованию Кэролайн Кеннеди (дочь президента США Джона Кеннеди) [26]. Она стала первой женщиной-послом США в Японии.

Назначение непрофессионального дипломата, к тому же женщины, – в некотором смысле карт-бланш для нее. Возможно, личные качества, способность быстро обучаться искусству дипломатии помогут ей стать профессионалом в этой сфере и занять достойное место в ряду зарубежных коллег – карьерных дипломатов. Для африканок возникают дополнительные трудности, например, иногда помимо недостаточных знаний теории политических и международных вопросов, иностранных языков природный темперамент мешает им в освоении тонкостей западного дипломатического этикета.

Большинство женщин-дипломатов являются членами правящих партий. С партией АНК (Африканский национальный конгресс) связана судьба нынешнего председателя Комиссии Африканского союза, бывшего министра иностранных дел ЮАР Н. Дламини-Зума. Нынешний посол Ботсваны в США Т.М. Серетсе с 2009 г. является членом ЦК правящей Демократической партии Ботсваны (ДПБ) (см. [6, р. 18]). А нынешний посол Мозамбика в США А.М. Сумбана в 1997–2006 гг. была секретарем ЦК по международным делам правящей партии ФРЕЛИМО (Фронт освобождения Мозамбика). Некоторые сами создают партии и становятся их лидерами: Дж. Банда (Малави) возглавляет созданную ею в 2011 г. Народную партию, И. Мбикусита-Леваника (Замбия) была одним из основателей партии Повестка дня Замбии, которая в 2002 г. объединилась с правящей партией Движение за многопартийную демократию (ДМД). В 2011 г. она вместе с некоторыми действующими женщинами-дипломатами страны оказала финансовую поддержку предвыборной кампании президента Р. Банды (кстати, тоже бывшего посла Замбии в США, Египте), который баллотировался от ДМД.

Деятельность многих женщин-послов до или после завершения их дипломатической карьеры связана с различными НПО. Президент Малави Дж. Банда основала Национальную ассоциацию женщин-предпринимателей Малави

(1990 г.), стала также одним из основателей Африканской федерации женщин-предпринимателей (AFWE), которая работает в 41 стране континента, участвовала в создании в 2001 г. Альянса деловых женщин Америки и Африки (AABWA) со штаб-квартирой в Вашингтоне и стала его первым председателем. Нынешний посол Мозамбика в США А.М. Сумбана стала одним из основателей мозамбикского Красного креста.

Одной из особенностей становления новой политической элиты ЮАР, Намибии и Анголы является постепенная африканизация кадров, в том числе дипломатических, но она не принимает крайние формы. Например, в ЮАР пост заместителя министра иностранных дел с 2004 г. занимает африканерка Сюзен ван дер Мерве, а нынешний посол Анголы в Гане Анна Мария Телес Каррейра – португалка.

Некоторые дипломатические представители из стран Юга Африки имеют политическую родословную и тесно связаны с правительственными кругами. Например, И. Мкику-сита-Леваника (Замбия) – дочь Мбикуситы Леваники, одного из основателей и лидера первой политической партии коренного населения страны – Африканского конгресса Северной Родезии. Ш. Сисулу (ЮАР) – невестка выдающегося лидера АНК Уолтера Сисулу, которого она часто называет своим отцом. А нынешний советник Высокой комиссии Замбии в Зимбабве Мусата Каунда-Банда – дочь первого президента страны Кеннета Каунды.

Среди женщин-послов есть те, кто боролись за независимость своих стран. В их числе борец с режимом апартеида Н. Дламини-Зума, намибийка М. Нашанди, прошедшая военную подготовку и вступившая в Народно-освободительную армию Намибии (военное крыло правящей сегодня партии СВАПО), а ее соотечественница Ф.Н. Итете стала членом этой партии в 19 лет.

Успешная деятельность и хорошая репутация женщин-послов позволяют им продолжить дальнейшую дипло-

матическую карьеру. Например, посол Замбии в США И. Мбикусита-Леваника продолжила свою карьеру в качестве посла в страны ЕС и Бенилюкса (2010–2012 гг.); Ж.П. Диаките (Ангола) после окончания срока нахождения на посту посла в США в 2011 гг. была назначена послом в ЮАР, Лесото, Маврикий и Мадагаскар; бывший посол Ботсваны в России Н.Э. Маджинда в 2005 г. стала послом в Китае; посол Анголы в Индии А. Каррейра позже была послом в Великобритании (2005–2011 г.), а с 2011 г. работает в качестве посла в Гане.

Дипломатами часто становятся женщины, появившиеся в политике. Например, лидер партии и парламентарий И. Мбикусита-Леваника (Замбия) стала послом этой страны в США, Бельгии, Нидерландах и Люксембурге. Она также была послом по особым поручениям при президенте Ф. Чилубе во время его пребывания на посту председателя Африканского союза (АС) в 2001–2002 гг. Первая женщина-министр Ботсваны (1974 г.) Гаоситве К.Т. Чипе позже была послом в Великобритании, ФРГ, Франции, Дании, Норвегии и Нигерии. Подобным образом сложилась карьера у нынешнего посла Ботсваны в США Т.М. Серетсе.

В то же время успешный опыт работы на дипломатическом поприще (в т.ч. в сфере политических коммуникаций) позволил некоторым продолжить политическую карьеру: бывший ботсванский посол в Великобритании Маргарет Нананьяна Наша сегодня является спикером парламента, а бывший замбийский посол Ломбе Чибесакунда в 2012 г. была назначена исполняющей обязанности председателя Верховного суда.

Среди женщин-дипломатов есть те, кто не только смело заявляли о своих президентских амбициях, но и пытались их реализовать. И. Мкикусита-Леваника (Замбия) баллотировалась на президентских выборах в 2001 г. и получила около 0,6% голосов избирателей [23]. (Кстати, она была единственной женщиной из 11 кандидатов в президенты.)

Министр иностранных дел ЮАР Н. Дламини-Зума в 2007 г. накануне выборов президента правящего АНК (а значит, и возможного будущего президента страны) официально заявила о своей готовности стать руководителем партии, «если бы она обратилась к ней с таким предложением» [5]. В Намибии в 2009 г. планировала выдвинуть свою кандидатуру на пост президента страны М. Нашанди, бывший посол в странах Скандинавии. Но ей было отказано в регистрации на том основании, что у нее не было действующего удостоверения избирателя – необходимого условия для баллотирования. (Она не получила его в свое время, так как находилась в качестве посла за рубежом.)

Женщины-послы пытаются укрепить авторитет женщин в сфере дипломатии. В марте 2005 г. в Претории (ЮАР) прошла встреча действующих и бывших женщин-послов и верховных комиссаров. Главной темой было гендерное равенство и обсуждение проблем, с которыми сталкиваются в своей работе женщины-дипломаты. Перед участниками встречи выступила министр иностранных дел Н. Дламини-Зума, отметившая, что женщины-послы должны прилагать усилия по разрешению конфликтов в Африке. Участники отметили прогресс в создании благоприятной рабочей среды для женщин-дипломатов. В дискуссии принимали участие послы Ш. Сисулу, Р. Момпати, Е. Драй, Л. Мабуза, М. Нкоана-Машабане, П. Джэна и др. [20]. В 2004 г. в Вашингтоне Альянс деловых женщин Америки и Африки (AABWA) под председательством Дж. Банды (Малави) организовал «круглый стол», на котором обсуждались роль женщин в руководстве на примере женщин-дипломатов и их участие в расширении торговых и инвестиционных возможностей в своих странах [14]. В августе 2011 г. в посольстве Замбии в Вашингтоне состоялась встреча африканских женщин-послов, аккредитованных в США, с участием представителей американского бизнеса. Выступали послы Ботсваны (Т. Серетсе), Кабо-Верде (Фатима Вейги), Мозамбика (А. Сумбана) и ДРК

(Фаида Мититу). Обсуждались роль женщин-дипломатов в обеспечении мира в Африке, расширении торговли и продвижении инвестиций. Посол Замбии в США Ш. Сивела подчеркнула, что «важно признать роль женщин Африки в ускорении экономического роста в странах континента» [33].

Н. Дламини-Зума и посол ЮАР во Франции Д. Мсиманх в ноябре 2012 г. приняли участие в мероприятиях по случаю празднования 50-летия Panaфриканской организации женщин (ПОЖ, штаб-квартира в Йоханнесбурге (ЮАР)). Выступая на «круглых столах», они подчеркнули достижения африканских стран в области гендерного равенства, прежде всего в политической сфере [29]. Затрагивались также вопросы представительства женщин в дипломатии. Генеральный директор ЮНЕСКО И.Г. Бокова отметила приоритетную важность проблемы гендерного равенства в Африке для этой организации (кстати, ей эти проблемы знакомы и близки, так как она была министром иностранных дел Болгарии в 1996–1997 гг. и послом во Франции в 2005–2009 гг.).

Международный имидж страны во многом зависит и от ее послов. С момента появления института посла главным его необходимым качеством считается искусство завязывать и развивать отношения с людьми. Посол СССР А.М. Коллонтай говорила: «Дипломат, не давший своей стране новых друзей, не может называться дипломатом» [2]. Благодаря активному общению с различными целевыми аудиториями женщины-послы много делают для укрепления дружеских и культурных связей между странами. Некоторые профессионально занимаются вопросами коммуникации, например Ш. Сивела (Замбия), которая стала автором двух книг о личностном развитии [22]. Послы уделяют внимание вопросам имиджа своих стран за рубежом, с этой целью проводятся специальные лекции и семинары. Например, в марте 2013 г. в посольстве Анголы в США в рамках мероприятия, посвященного Международному женскому дню 8 Марта, сотрудницам была прочитана лекция, в которой были затронуты

темы имиджа Анголы в Соединенных Штатах, вопросы адаптации детей дипломатов в местных школах и пр. [16]. В России, например, африканские женщины-послы активно участвуют в научных конференциях и мероприятиях, которые регулярно проводят Институт Африки РАН, РУДН, ИСАА при МГУ, Центр африканских исследований ИВИ РАН, что способствует укреплению культурных и научных связей между странами, расширению информации об Африке и ее проблемах.

Для формирования и продвижения положительного имиджа своей страны послу очень важно сохранить сделанное в этом направлении его предшественником. Такое поведение очень часто способствует сохранению мира и стабильности в обществе. Например, предыдущий замбийский президент Р. Банда (в прошлом дипломат) с большим уважением относился к первому президенту страны К. Каунде: в 2009 г. он делегировал его в Лондон в качестве представителя Замбии для участия в мероприятиях по случаю 60-летия Содружества, они также вместе представляли страну на церемонии инаугурации нового президента ЮАР Дж. Зумы.

Не всегда мероприятия послов воспринимаются однозначно с точки зрения имиджа их стран. В 2011 г. посол Замбии в Бельгии И. Мбикусита-Леваника организовала по поводу очередного Международного женского праздника 8 Марта благотворительную акцию по раздаче еды бездомным на Северном и Центральном вокзалах Брюсселя. Она и жены замбийских дипломатов приготовили еду собственными руками у себя дома и сами ее раздавали [15]. Помощь голодным бездомным в центре Европы от представителя африканской страны, получающей помощь МВФ по программе НРС (Heavily Indebted Poor Countries) [25], выглядела несколько неожиданно, хотя очень по-женски, и с точки зрения гуманности была вполне понятна.

Многие женщины-послы стран южноафриканского региона хорошо разбираются в тонкостях габитарного имид-

жа, который в имидже политика и дипломата играет, безусловно, значительную роль. Работая в качестве посла или советников посольств, женщины часто появляются на государственных приемах и светских раутах в национальной одежде своей страны. Костюм, как часть национальной культуры, можно рассматривать и как элемент коммуникации, который способствует положительному восприятию и идентификации народа.

Об успехах некоторых женщин-дипломатов, активно проявляющих себя в вопросах мира и безопасности (а они по-прежнему остаются актуальными для Африканского континента) свидетельствуют их международное признание и награды. В июле 2012 г. Н. Дламини-Зума (ЮАР) была избрана председателем Комиссии Африканского союза (АС). Она – первая женщина, возглавившая административно-исполнительный орган АС, в состав которого входит 54 страны континента. Было четыре раунда голосования, вылившиеся в ожесточенную борьбу между ее сторонниками и сторонниками действующего председателя Комиссии АС Жана Пинга (Габон), который занимал этот пост с 2008 г. Комментируя свое избрание, Дламини-Зума опровергла мнение о том, что такое напряженное и длительное голосование раскололо АС: «Думаю, что предмет выборов при любой демократии – это соревнование между несколькими кандидатами за определенные посты» [28]. Она заявила также, что рассматривает свое избрание, не как «собственную заслугу и заслугу ЮАР, а как достижение всей Африки» [11]. А Ш. Сисулу (ЮАР) в 2002 г. была назначена заместителем исполнительного директора Всемирной продовольственной программы ООН.

Президент Малави Дж. Банда с 2011 г. постоянно входит в список журнала Forbes ста самых влиятельных женщин мира [24], ее также назвали самой влиятельной женщиной-политиком в Африке. И. Мбикусита-Леваника (Замбия) в мае 2007 г. журналом «Washington Life Magazin» была названа в

числе двенадцати иностранных послов в США, имеющих наибольшее международное влияние [30]. Ее также назвали образцом для подражания для африканских женщин. (Кстати, в этом списке было только две женщины, вторая из них – посол Колумбии Каролина Барко.) За время пребывания И. Мбикусита-Леваника на посту (2003–2010) отношения между США и Замбией значительно укрепились. Она также была в числе десяти африканских женщин, направленных для урегулирования конфликта в Руанде.

Многие женщины-послы за заслуги в деле предотвращения конфликтов, борьбы с голодом и СПИДом, информирования общественности и пр. были удостоены различных наград и премий. Н. Дламини-Зума отмечена премией Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и награждена национальным орденом Мали. В 2009 г. И. Мбикусита-Леваника была удостоена награды университета Нью-Йорка за постоянные усилия по информированию по вопросам развития Замбии и Африки [13]. Ш. Сисулу (ЮАР) награждена премией «Женщина 90-х годов», учрежденной одним из самых крупных южноафриканских банков Nedbank [32].

В повседневной работе за рубежом послы сталкиваются с определенными трудностями, связанными с различиями между западной и местной политической культурой, которые довольно сильно отличаются друг от друга. Женщины-дипломаты в своей работе вынуждены также учитывать существующую в африканских странах систему неформальных отношений в политике (этнические, родственные, клановые связи), ведь посольство – это часть страны за рубежом. Женщины-послы иногда сталкиваются с явным или завуалированным сопротивлением коллег-мужчин, а также повышенным вниманием к своей персоне со стороны мужчин-журналистов в стране пребывания. Даже в ЮАР, где результаты официальной гендерной политики оказались достаточно эффективными, есть случаи проявления некоторыми мужчи-

нами-политиками гендерного превосходства [1, с. 430]. Для преодоления этого женщинам приходится гораздо больше терпеливо и напряженно работать.

Многие из вышеназванных женщин-дипломатов в своей работе и в дальнейшей политической карьере часто вынуждены проявлять качества, которые принято считать мужскими – жесткость, воля, бескомпромиссность. Когда во время выступления на Конференции ООН по устойчивому развитию (г. Йоханнесбург (ЮАР), 2002 г.), государственный секретарь США К. Пауэлл начал говорить о нарушениях «прав человека» в Зимбабве, группа возмущенных делегатов просто освистала его. И только авторитет председателя заседания – министра иностранных дел ЮАР Н. Дламини-Зумы – помог установить порядок в зале заседания. Стойко отстаивала позицию руководства страны в отношении Зимбабве министр международных отношений и сотрудничества ЮАР М. Нкоана-Машабане во время переговоров с госсекретарем США Х. Клинтон (август 2009 г.), просившей оказать давление на зимбабвийские власти с целью продвижения там политических и экономических реформ. А президент Малави Дж. Банда в октябре 2013 г. распустила правительство, этому предшествовала волна арестов высокопоставленных чиновников по обвинению в хищении государственных средств [12].

Некоторые женщины-дипломаты стран Юга Африки приезжали в нашу страну. Несколько раз побывала в Москве Н. Дламини-Зума: в 1970–1980-х гг. по приглашению Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, в 2008 г. она находилась с официальным визитом в качестве министра иностранных дел, а в 2010 г. – в составе делегации президента Дж. Зумы. Заместитель исполнительного директора Всемирной продовольственной программы ООН Шейла Сисулу была в Санкт-Петербурге в 2009 г. на Всемирном зерновом форуме. А бывший посол Танзании в РФ Ева Л. Нзаро в свое

время получила высшее образование в Ленинградском государственном университете, хорошо владеет русским языком.

В марте 2004 г. в Государственной думе РФ состоялась встреча женщин-депутатов с женщинами-послами аккредитованных в России зарубежных стран, посвященная роли женщины в современном мире. В ней приняли участие некоторые женщины-дипломаты из стран Юга Африки. Новый импульс развитию наших отношений был дан на встрече руководства Совета Федераций с руководителями дипломатических миссий африканских стран (Москва, сентябрь 2010 г.), в которой также приняли участие женщины-послы. В ноябре 2011 г. в Москве в Торгово-промышленной палате (ТПП) РФ состоялась встреча посла Ботсваны в России Бернадетт Себаге Ратеди с российскими деловыми кругами. Их интерес к развитию торгово-экономического сотрудничества с Ботсваной был наглядно продемонстрирован еще на российско-ботсванском инвестиционном форуме, который состоялся в Москве в марте 2010 г.

Изменения гендерного баланса в дипломатических кадрах стран Юга Африки свидетельствуют о том, что мужская часть политического руководства в большинстве стран региона оказалась способной пересилить страх потерять свое место в правящей элите. И от этого выигрывает все общество. В то же время значительное представительство женщин в дипломатическом корпусе объясняется не только успехами в установлении гендерной симметрии в политике. Здесь играет роль также имиджевый фактор, так как руководство этих стран, назначая женщин на должности послов, выглядит более прогрессивно в глазах международного сообщества и финансовых доноров.

У женщин-дипломатов есть еще одна общая черта: в большинстве они – матери, в том числе многодетные (например, у Дж. Банда (Малави) и Ш. Сивела (Замбия) пятеро детей, у Н. Дламини-Зума (ЮАР), Т.М. Серетсе (Ботсвана), А. Сумбана (Мозамбик) – четверо). Они уделяют внимание

вопросам воспитания молодых лидеров. Дж. Банда в 2000 г. основала в стране молодежную организацию будущих лидеров, цель которой – развивать лидерские навыки у молодежи и оказывать помощь студенткам. Посол Ботсваны в США Т.М. Серетсе, выступая в марте 2013 г. на приеме в посольстве Эстонии в Вашингтоне в честь празднования Международного женского дня 8 Марта, отметила, что будущее мира находится в руках молодых женщин-лидеров, поэтому «в вопросах гендерного равенства остро стоит проблема наставничества» [31]. В ноябре того же года она выступила с докладом «Культурная дипломатия и молодежные инициативы на службе сотрудничества континентов» на Вашингтонском саммите «Сотрудничество континентов» [19]. Результаты деятельности этих женщин на благо стабильного развития своих стран, воспитание молодежи в духе приверженности идеалам гуманизма, мира и демократии свидетельствуют о возрастании роли женщин в современной истории континента и в его будущем.

Советские/российские вузы, в частности РУДН, стали альма-матер многих африканских политиков, в том числе из стран Юга Африки. Возможно, некоторые из нынешних его студенток станут в будущем послами своих стран и продолжат дело укрепления дружеских взаимовыгодных связей между Россией и государствами Африки.

Л и т е р а т у р а

1. *Давидсон А.Б., Филатова И.И.* Южная Африка: власть, демонтаж апартхеида, новые политические ориентиры // Современная Африка: метаморфозы политической власти. – М.: Вост. лит., 2009.
2. *Зонова Т.* Гендерный фактор в политике и дипломатии // Международные процессы. – М., 2009. – Т. 7. – № 2 (20) май-август. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty/009.htm>.
3. *История Африки в лицах. Биографические очерки.* – Вып. 1: Африка в колониальную эпоху. – М.: Муравей, 2002.

4. *Шведов А.А.* Независимая Африка: внешнеполитические проблемы, дипломатическая борьба. – М.: Политиздат, 1983.
5. Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. – 2007. – 23 ноября.
6. *Fakir E.* The impact of democracy in Botswana: Assessing political, social and economic developments since the dawn of democracy. – Johannesburg, 2009.
7. African National Congress Constitution. – Polokwane, 2007.
8. Constitution of the Republic of Namibia, 1990.
9. Constitution of the Republic of South Africa, 1996.
10. Gender and Development – A Declaration by Heads of State or Government of the Southern Development Community (SADC), 1997.
11. The Guardian. – L., 2012. July 18.
12. The New York Times. – 2013. – October 11.
13. Lusaka Times. Lusaka. – 2009. – October 8.
14. http://allafrica.com/stories/200402240833.html&usg=ALkJrhi8mbrZ381Pa0cYz_EgMg_GlQRBYg
15. <http://www.allafrica.com/stories/201103100324.html>
16. <http://allafrica.com/stories/201303100166.html>
17. <http://www.anc.org.za/6881>
18. <http://www.botswanaembassy.org/embassy-staff>
19. http://www.culturaldiplomacy.org/academy/index.php?en_cccs-2013_washington
20. <http://www.dfa.gov.za/docs/2005/women0308>
21. http://www.diplomacynamibia.com.na/index.php?option=com_content
22. http://www.diversityrestoration.com/images/Zambia_Reception.pdf
23. http://www.elections.org.zm/media/presidential_results_2001.pdf
24. <http://www.forbes.com/profile/joyce-banda>
25. <http://www.imf.org/external/np/exr/facts/hipc.html&prev=/search%253Fq%253Dzambia>
26. <http://www.itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/770234>
27. http://www.portalangop.co.ao/angola/en_us/noticias/politica/2011/5/22/President-appoints-seven-women-ambassadors

28. <http://www.southafrica.info/news/international/au-160712b.htm>
29. <http://www.unesco.org/new/en/media-services>
30. <http://www.washingtonlife.com/issues/may-2007/power-diplomats>
31. http://www.wfpg.org/index.php?option=com_content/
32. <http://www.whoswho.co.za/sheila-sisulu-3418>
33. <http://www.zambiaembassy.org/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=33&cntnt01origid=75&cntnt01detailtemplate=zambiadetail&cntnt01returnid=77>

А.А. Архангельская

ГРАНИЦЫ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ЧЛЕНАМИ БРИКС В АФРИКЕ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ПРОТИВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РАЗНОГЛАСИЙ

Создание БРИКС¹ во многом стало ответом на разбалансированность мировой экономики и политики в начале нового столетия. В нем отразились объективные тенденции мирового развития к формированию полицентричной системы международных отношений, основанной на все более широком участии в глобальном регулировании государств, представляющих крупнейшие цивилизации планеты. Основой для глобального «возвышения» БРИКС стала растущая экономическая мощь государств-участников, помноженная на их богатый природно-ресурсный и человеческий потенциал, и опыт в мирном решении межгосударственных споров.

Сегодня БРИКС объединяет 3 млрд человек (43 % населения Земли) на территории 39,7 млн кв. км (более четверти поверхности земной суши), производящих почти 13 трлн дол. валового внутреннего продукта (ВВП) в год (21 % мирового производства). Каждое из этих пяти государств, расположенных на трех континентах, обладает заметным влиянием как в своем регионе, так и в мире.

¹ БРИКС (BRICS) – группа из пяти быстроразвивающихся стран: Бразилии, России, Индии, Китая, ЮАР. Впервые аббревиатура БРИК была предложена аналитиками банка «Голдман-Сакс» в ноябре 2001 г. 26–27 марта 2013 г. в Дурбане, ЮАР был проведен 5 саммит БРИКС.

Политическое и экономическое значение БРИКС подкрепляется фактом активного участия входящих в него государств как в авторитетных международных организациях (ООН, ВТО, МВФ, Всемирный банк), так и в ведущих объединениях неформального характера (Движение неприсоединения, «Группа 77», «Группа двадцати», АТЭС, «Группа восьми»), а также в региональных организациях Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. Это создает объективные возможности для «соучастия» с другими странами в создании справедливого полицентричного мира, для комплексного воздействия БРИКС на процессы принятия решений в самом широком диапазоне структур: от глобальных до региональных, от уже зарекомендовавших себя до возникших относительно недавно.

Взаимодействие стран БРИКС, как отдельно, так и в качестве объединения, со странами Африканского континента превращается в важный фактор международного развития. Африканский континент привлекает к себе особое внимание мирового сообщества. Не случайно социально-экономические, экологические, демографические, политические проблемы Африки активно обсуждаются на важнейших международных форумах, в том числе в ООН, в рамках «Большой восьмерки» и «Большой двадцатки». Для решения проблем, связанных с осуществлением Целей развития тысячелетия, в странах региона требуется широкомасштабная международная помощь. Вместе с тем, учитывая огромный экономический потенциал континента, многие страны, в том числе Россия, активизируют торговые и экономические отношения с государствами Африки.

Система международных отношений постепенно подвергается существенным изменениям. Конкуренция за доступ к сырью – один из основных содержательных моментов системы международных отношений, и в этом смысле Африка включена в глобальное соперничество между крупнейшими мировыми акторами как объект приложения капиталов,

рынок сбыта и источник ресурсов. Процессы, происходящие сегодня на Африканском континенте, являются в определенной степени отражением постепенного перехода системы международных отношений на новый уровень, и Африка сегодня представляет собой «лабораторию» развития международной системы.

Проблема африканской политики стран БРИКС очень актуальна: присутствие данных стран на Африканском континенте продолжает увеличиваться и этот процесс вносит вклад в формирование будущей картины мира. Чтобы понять экспансию стран БРИКС и выявить основные направления и характер складывающихся отношений, необходимо, в первую очередь, изучить позиции БРИКС и африканских стран на современном этапе.

Привлечение ЮАР в «клуб» также является подтверждением важности африканской составляющей в современной системе международных отношений. Ведь с присоединением ЮАР концепция БРИК вышла за пределы экономической идеи и стала политическим проектом.

Страны БРИКС не являются новыми акторами на Африканском континенте. У каждой из них уже имелись некие основы отношений с Африкой. У Бразилии имеется с Африкой частично общее колониальное прошлое, а работорговля стала причиной того, что многие бразильцы имеют африканских предков. Помимо этого, Бразилия стала поддерживать связи с португалоязычными африканскими странами сразу после провозглашения их независимости в 70-х гг. XX в. Россия может воспользоваться остатками популярности СССР, который проводил масштабную активную внешнюю политику на Африканском континенте в течение всей второй половины XX в. В Африке находится большая диаспора индийцев, которые прибыли сюда как торговцы в XIX в.; кроме того, во второй половине XX в. Индия и страны Африки участвовали в Движении неприсоединения. Наконец, Китай, африканское направление внешней политики которого является

на данный момент самым масштабным среди стран БРИКС, в течение второй половины XX в. осуществлял идеологическую внешнюю политику в Африке.

Важно отметить возрастающее политическое значение африканских государств в мире. Последние десять лет показывают всплеск политических контактов между странами БРИКС и африканскими государствами на высшем уровне. Помимо официальных визитов, еще одним инструментом продвижения африканской политики стран БРИКС стали регулярные крупные форумы.

Представители высших политических кругов каждой из стран БРИКС в период с 2000 по 2009 г. осуществили около 20 серий визитов в Африку. Из них в период с 2003 по 2009 г. президент Бразилии Лула да Силва осуществил 8, председатель КНР Ху Цзиньтао – 4, премьер-министр Индии Манмохан Сингх – 3 и президенты РФ Владимир Путин и Дмитрий Медведев осуществили 6 таких турне [1, р. 5–6]. Визиты продолжались также в 2010 и 2011 гг. Так, например, министр иностранных дел КНР Ян Цзечи посетил в начале 2010 г. Кению, Нигерию, Сьерра-Леоне, Алжир и Марокко, а в начале 2011 г. – Чад, Зимбабве, Гвинею, Габон и Того. Вице-президент КНР Си Цзиньпин совершил визит в конце 2010 г. в ЮАР, Ботсвану и Анголу. Президент РФ Дмитрий Медведев посетил в 2010 г. Алжир, а министр иностранных дел РФ Сергей Лавров – Кению и Нигерию в конце 2010 г. Президент Бразилии Лула да Силва посетил в 2010 г. ЮАР, Экваториальную Гвинею, Кению, Танзанию и Мозамбик. Во время этих турне в африканские государства китайские представители нанесли почти 70 отдельных государственных визитов, бразильские представители – 40, российские – 25 и индийские – 21 [2]. Это говорит многое о роли дипломатии и масштабах африканского внешнеполитического курса каждой из стран БРИКС по отдельности.

В то время как Китай на всех политических уровнях проводит самую активную и масштабную африканскую по-

литику, направленную на сотрудничество практически со всеми странами региона, остальные страны БРИКС отстают. Высокий показатель визитов представителей Бразилии корреспондирует с личной страстью президента Лулы да Силва по отношению к Африке, однако дипломатическая активность бразильского президента в африканском направлении не закончилась с окончанием срока Лулы и приходом к власти Дилмы Русефф. Что касается официальных визитов российских и индийских представителей, то они сосредоточиваются на определенной группе стран – главным образом, крупных экономиках региона или странах, обладающих стратегическими ресурсами.

Помимо официальных визитов, в рамках которых также заключаются договоры и сделки, еще одним инструментом продвижения африканской политики стран БРИКС стали регулярные крупные форумы, которые затрагивают все сферы общественной жизни, однако, преимущественно деловую и политическую.

Самым институционализированным и регулярным таким форумом является Форум сотрудничества Китай-Африка с участием в настоящее время 50 африканских государств. Форум проводится каждые три года (начиная с 2000 г.), каждый нечетный проводится в Пекине, каждый четный – в Африке (в 2003 г. в Аддис-Абебе, в 2009 – Шарм-эль-Шейхе) [3].

Пока менее развитым аналогом этого форума является индийский Форум Индия-Африка, который состоялся в апреле 2008 г. в Нью-Дели (участвовали главы 14 африканских государств и представители Африканского союза), и его следующее проведение запланировано на май 2011 г. в Аддис-Абебе [4].

Стоит отметить, что в данных форумах участвуют также представители региональных организаций, прежде всего Африканского союза, и Китай и Индия признают важнейшую роль интеграционных процессов на континенте и

посредством обращения к такого рода объединениям пытаются осуществлять как можно более широкую внешнюю политику.

Бразилии и России лишь предстоит организовать подобные мероприятия на регулярной основе: в мае 2010 г. Бразилия организовала Диалог Бразилия-Африка по вопросам продовольственной безопасности, борьбы с голодом и сельскохозяйственного развития, в котором участвовали министры сельского хозяйства африканских стран и представители международных организаций [5]. Россия организовала первый деловой форум под названием «Россия-Африка: горизонты сотрудничества» в июне 2010 г. [6].

Одним из основных двигателей всего континента является экспорт природных ресурсов, таких как нефть и газ. Контроль над этими ресурсами, запасы которых ограничены и, с высокой вероятностью, будут истощены уже в течение XXI в., является ключевым. В Африке находится около 9 % разведанной нефти и почти треть всех новых месторождений. Ведется дальнейшая разведка месторождений во многих африканских странах. Континент является в большой степени еще не разведанным и самым перспективным. Существует огромный потенциал роста добычи африканской нефти.

Помимо газа и нефти, Африка обладает значительными запасами других видов полезных ископаемых. Африканские страны располагают приблизительно 27 % мировых запасов боксита, 37 % мировых запасов хрома, 56 % мировых запасов кобальта, 20 % мировых запасов плавикового шпата, 16 % мировых запасов золота, 34 % мировых запасов марганца, 47 % мировых запасов фосфатов, 90 % мировых запасов платины, 31 % мировых запасов цинка и 25 % мировых запасов циркония, 22 % мировых запасов руд с содержанием титана и 23 % мировых запасов ванадия – в целом около 37 % мировых запасов полезных ископаемых [7, р. 21]. Имеются также запасы железной руды, угля и урана. К тому же Африка является неоспоримым лидером в области добычи

алмазов: 49 % всех алмазов в мире в 2008 г. были африканского происхождения. Все эти минералы востребованы в производстве, и их наличие на Африканском континенте в таких количествах привлекает к нему внимание транснациональных корпораций всего мира и особенно, все больше, из Индии и Китая, которые ищут новые источники энергетических ресурсов и полезных ископаемых, чтобы в дальнейшем поддерживать высокие темпы экономического роста. К тому же, как и в случае с нефтью и газом, большая доля территории Африки еще не разведана, и Африка может в будущем играть еще более важную роль на мировых сырьевых рынках.

Серьезным ресурсом является и пахотная земля. Хотя доля Африки составляет лишь 15 % от общей площади пахотной земли в мире, данный ресурс на фоне нарастающей угрозы мирового продовольственного кризиса также является стратегическим. Доходы от инвестиций в оптовую розничную торговлю, сельское хозяйство, транспорт и средства связи, производство, банковский сектор, непосредственно вызвавшие рост ВВП Африканского региона на 24 %, энергетические ресурсы и полезные ископаемые, являются одними из самых высоких в мире [2].

Африканские потребители представляют собой еще один стратегический ресурс Африки, у него есть потенциал оказаться движущей силой мирового спроса и экономического развития. Кроме того, Африка со своими огромными демографическими ресурсами в будущем может оказаться новой мировой производственной базой. Потенциал для роста и возможная выгода от содействия с Индией и Китаем становятся очевидными.

Доля стран БРИКС в экспорте капитала и прямых иностранных инвестициях увеличивается. Большинство инвестиций стран БРИКС в Африке сегодня не привязано непосредственно к получению доступа к ее природным ресурсам, хотя они ведут к улучшению отношений африканских госу-

дарств со странами БРИКС в целом. В 2008 и 2009 гг. Индия и Китай разрабатывали проекты по развитию африканской инфраструктуры практически во всех африканских странах – количество этих проектов составило 130 и 86 соответственно, Бразилия в данный период разрабатывала 26 проектов. Россия отстает и в этой области. В центре внимания инвестиций стран БРИКС в африканскую инфраструктуру остаются транспорт и энергетика. Многие кредиты и инвестиционные проекты фиксированы на закупку товаров из стран БРИКС или на участие в них их корпораций [2].

Торговля со странами БРИКС играет важную роль для африканских стран и, вероятно, послужила одной из главных причин продолжительности экономического роста на Африканском континенте и во время мирового финансового кризиса.

Меры стран БРИКС, направленные на получение разных контрактов для своих корпораций, нельзя рассматривать лишь как инструменты в гонке за получение доступа к природным ресурсам Африки. Страны БРИКС реализуют в Африке все больше проектов, направленных на развитие ее потенциала; развитие Африки, стабилизация обстановки в ней, улучшение социальных и экономических условий – все это выгодно странам БРИКС, находящимся во все более активном взаимодействии с континентом. Китай и Индия обеспечивают для своих корпораций доступ к африканским природным ресурсам, в том числе посредством разных пакетов, включающих в себя инвестиции в инфраструктуру и льготные кредиты. К примеру, с 2004 г. Китай предоставил Анголе, своему крупнейшему поставщику нефти, 9,5 млрд дол. кредитов [9, с. 176]. В то время как в 2008 г. 80 % всех китайских инвестиций (55 млрд дол.) в Африке приходилось на три крупные нефтедобывающие страны: Анголу, Нигерию и Судан, в 2008 г. Китай подписал с ДРК контракт на разработку запасов металлов в обмен на инвестиции в инфраструктуру в размере 9 млрд дол. [9]. Аналогичный контракт

подписала с Китаем Гвинея в 2009 г. в размере 7 млрд дол. [9]. Что касается кредита, центральную роль здесь играет китайский государственный Exim Bank, который является проводником государственной банковской политики.

Предложения Индии несколько более скромны, в основном из-за несравнимых финансовых средств. Это также является главной причиной того, что Китай в основном побеждает при прямом столкновении с Индией в усилиях, направленных на получение концессий на разведку и разработку африканских месторождений. И так, в 2004 г. Индия продлила Анголе заем в размере 40 млн дол. Затем, в последующие годы, индийский государственный Exim Bank предоставил Анголе займы в размере 5, 10 и 13 млн дол. [10, р. 6]. Эти суммы, очевидно, несравнимы с предложениями Китая. Индийцы также предоставляют африканским странам своих экспертов, и в Африке действуют индийские фармацевтические компании, предоставляющие африканцам доступ к дешевым лекарствам [11, с. 104–106]. В отличие от китайских инвестиций в физическую инфраструктуру Африки, индийцы предпочитают инвестировать, прежде всего, в человеческие ресурсы и в социальную сферу [8, с. 189]. Это также связано с членством Индии в форуме ИБСА, сотрудничество в рамках которого направлено в большей степени именно на эту сферу.

Что же касается Бразилии, здесь инициатива идет только из частного сектора – крупные бразильские компании, заинтересованные в развитии африканской инфраструктуры. Большое количество проектов в сфере социального развития осуществляется в рамках форума ИБСА. Кроме того, помимо развития двусторонней торговли Бразилия активно поощряет свои компании инвестировать в Африке главным образом по 4 направлениям: нефть и газ, горнодобывающая промышленность, агробизнес, транспорт и строительство.

Компании из Бразилии стремятся не конкурировать между собой в Африке, поэтому, например, Petrobras,

Odebrecht и Vale фактически являются представителями всего бразильского бизнеса на соответствующих рынках. Нельзя не упомянуть и особенно сильные позиции Бразилии в Анголе – в стране расположены офисы 100 бразильских компаний, в которых работают свыше 25 000 человек. Государственная нефтегазовая компания «Petrobras» – один из мировых лидеров в технологиях по разработке глубоководных оффшорных месторождений – планирует инвестировать свыше 3 млрд дол. за период с 2009 по 2013 г. в разведку и добычу углеводородов в Нигерии и Алжире. В настоящее время Petrobras работает в 6 африканских странах: Анголе, Ливии, Мозамбике, Нигерии, Сенегале и Танзании. На Нигерию приходится 25,5 % от общих запасов нефти и конденсата Petrobras.

Одна из крупнейших горнорудных компаний мира – бразильская Vale – представлена в Гвинее, Габоне, ДРК, Анголе, Замбии, Мозамбике, ЮАР. По словам президента Vale Роже Аньелли (Roger Agnelli), компания намерена вложить 1,3 млрд дол. в реализацию своих проектов в Мозамбике.

Бразилия стремится к расширению производства этанола из кукурузы и сахарного тростника как альтернативного источника энергии, более безопасного для окружающей среды и экономически более выгодного, чем нефть. Более того, растущий спрос на биотопливо позволит южноамериканцам экспортировать этанол на зарубежные рынки. С этой точки зрения, выгодное географическое положение Африки не может не привлекать бразильских инвесторов. Например, бразильская «дочка» французской компании Tereos – Asucar Guarani – с 2007 г. работает в Мозамбике и производит около 70 тыс. т сахара в год. Бразильская компания по производству алкоголя и сахарного тростника Dedini открыла в ЮАР в 2007 г. завод по переработке сахара. Предварительные соглашения о развитии сельского хозяйства и производстве этанола заключены в Сенегале и Гане [12].

Хотя Россия сама является одним из крупнейших в мире экспортеров нефти и газа и хочет дальше усиливать свои позиции на нефтегазовых рынках, пик добычи из собственных источников уже миновал и с разработкой новых месторождений связаны значительные проблемы [8, р. 22]. Таким образом, российские компании стали расширять географическую зону своей деятельности, чтобы поддержать имеющиеся позиции на рынках энергоносителей.

Особенно важны прилагаемые усилия в области приобретения доступа к разработке проектов, направленных на разведку, добычу и транспортировку газа. Важным фактором здесь является российская торговля со странами Европейского союза, которые зависят от российских энергоносителей: доля российского газа и российской нефти в европейском импорте составляет 30 % [13]. После повторившихся проблем с поставками российского газа вопрос о потребности диверсификации поставок в ЕС вышел на первый план. Одним из основных альтернативных источников является Африка, уже сейчас являющаяся источником большей доли газа, импортированного в Европу.

У России с Африкой нет противоречий, но в ряде случаев они объективно являются конкурентами при сбыте некоторых видов сырья. Возрастающее значение в комплексе интересов России приобретает Южноафриканский регион [14, р. 144–145]. Однако следует отметить, что большинство проектов остается пока на стадии разработки и результатов еще надо дожидаться. Хотя российские компании в целом пользуются, прежде всего, положительным к ним отношением африканцев, которые помнят о помощи Советского Союза во второй половине XX в., компании также сталкиваются со многими проблемами, вытекающими из непривычной для них деловой обстановки и многих рисков, которые до сих пор связаны с предпринимательством в Африке.

Помимо укрепления своей позиции на мировых рынках сырья для России Африка перспективна и с точки зрения

источника ряда металлов, которые на данный момент для российской экономики являются дефицитными. У России растёт дефицит таких полезных ископаемых, как марганец, хром, боксит, цинк и олово [15]. Таким образом, экспансия российских компаний в Африке не только перспективна с точки зрения укрепления их позиций, но также востребована, чтобы обеспечить доступное сырьё для отечественного производства. Географический охват российских компаний в Африке – прежде всего, Ангола, ЮАР, Намибия, Ботсвана, Либерия и ДРК. Крупнейшими российскими инвестициями в горнодобывающий сектор Африки являются инвестиции Норильского никеля – 1,16 млрд дол. в 2004 г. в ЮАР (золото) и 2,5 млрд дол. в 2007 г. в Ботсване (никель) [16].

«По мнению ЮАР, БРИКС сможет сыграть решающую роль в усилении влияния развивающихся стран на меняющуюся глобальную политическую, экономическую и финансовую архитектуру, – заявила глава внешнеполитического ведомства ЮАР. – Она призвана стать более справедливой и сбалансированной. БРИКС объединяет самые энергично развивающиеся государства планеты на фоне экономического упадка в Америке и Европе» [17].

Несмотря на то что известие о предстоящем вступлении ЮАР в БРИК удивило некоторых международных наблюдателей, которые полагали, что следующим членом группы может стать более крупная страна с быстро растущей экономикой, вхождение в БРИК было созвучно с усилиями Претории по формированию ядра «незападных» стран. Преимущества ЮАР говорят сами за себя. Например, то, что крупнейшим инвестором в Африке являются ныне не США, Великобритания или Китай, а ЮАР. Принятие ЮАР в БРИК позволило заполнить образовавшуюся там африканскую «нишу». Дело не только в природных ресурсах Африки, но и в человеческом капитале, составляющем свыше 1 млрд, и в ее способности к переменам – экономика Африканского континента в целом занимает третье место в мире по темпам

роста, после Китая и Индии. Финансовая система Южной Африки является, безусловно, самой развитой в Африке. В ЮАР имеют официальные представительства 42 иностранных банка, в том числе российский Внешэкономбанк. К тому же развитая инфраструктура позволяет играть ей роль своеобразных ворот при продвижении товаров и инвестиций в другие африканские страны, в чем особенно заинтересован Китай. Нельзя не отметить и того обстоятельства, что страна, покончившая с апартеидом и строящая развитое демократическое общество, обладает весомым моральным авторитетом.

В самой ЮАР БРИКС рассматривается не только как потенциальная сила, которая должна «поделить центральную сцену с ведущими экономическими державами», но в более широком смысле как «ассоциация независимых и преданных идее реформирования глобальных структур стран, выступающих в пользу создания справедливого мира». В то же время руководство ЮАР привлекало и то, что члены группы не ставят под вопрос дружественные отношения с «традиционными центрами силы», и поэтому вступление Претории в БРИК не наносит ущерба другим направлениям ее внешней политики.

ЮАР ожидает эффект от координации позиций стран-членов в рамках БРИКС, в том числе по вопросам реформы Бреттон-вудских институтов и обеспечения более справедливых условий в системе торговли. Также были выражены ожидания на установление функциональных связей между разрабатываемыми секторальными проектами и программой НЕПАД («Новое партнерство для развития Африки»), принятой во многом по инициативе Южной Африки. Участвуя в первом саммите БРИКС, президент Д. Зума напомнил, что для развития инфраструктуры Африки требуется 480 млрд дол. инвестиций и пригласил компании из других стран БРИКС объединиться с южноафриканскими в деле развития Африки. По инициативе ЮАР, страны организатора, 15 глав государств и региональных организаций Южноафриканского

региона были приглашены для участия и проведения переговоров «на полях» саммита БРИКС в Дурбане в марте 2013 г. Тем самым внешнеполитическое руководство ЮАР особо выделяет необходимость в решении проблем и задач Африканского континента.

Немалое значение для ЮАР при вступлении в БРИКС имели соображения престижа. По словам Д. Зумы: «Мы теперь являемся равными с другими архитекторами новой справедливой международной системы... Единство цели – в нашем разнообразии, и именно это делает этот механизм уникальным и все более влиятельным. Теперь мы разделяем коллективную ответственность за мировое сообщество и особенно за компонент возникающего рынка и развивающихся экономик». Вхождение в БРИКС позволяет Претории существенно повысить свой международный статус и закрепить за собой роль «региональной державы» в формирующемся новом миропорядке, усилить позиции в качестве представителя Африканского континента с «прицелом» на статус постоянного члена Совбеза ООН и добиться увеличения притока иностранных инвестиций.

Очередной саммит БРИКС 26–27 марта 2013 г. в г. Дурбане прошел под девизом «БРИКС и Африка. Партнерство ради развития, интеграции и индустриализации». По словам министра торговли и промышленности Роба Дэвиса, руководство ЮАР исходило при этом из четырех стратегических соображений. Оно намерено использовать форум, во-первых, для укрепления связей с наиболее быстро растущими и динамичными экономиками; во-вторых, для обсуждения проблем, возникающих в торговле с другими странами БРИКС (таких, как экспорт в Китай, Индию и Бразилию товаров с низкой добавленной стоимостью); в-третьих, в целях реализации «исторической возможности» вместе с другими странами БРИКС утвердить новую парадигму сотрудничества для более устойчивого, равноправного и взаимовыгодного развития, которая обеспечила бы весомые результаты в

борьбе с бедностью и поддержку динамичного роста экономики, избегая соперничества и рассчитывая на взаимодополняемость в ключевых секторах; наконец, для активизации сотрудничества между БРИКС и Африкой в целом.

Участники саммита БРИКС, прошедшего 26–27 марта 2013 г. в южноафриканском г. Дурбан, – лидеры Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР – по итогам переговоров приняли Этеквинскую декларацию, в которой содержится оценка основных аспектов взаимодействия между этими странами и Этеквинский план действий. Кроме того, в Декларации дана оценка текущей мировой политической и экономической ситуации, отражены общие подходы стран БРИКС по актуальным вопросам многостороннего сотрудничества. План действий конкретизирует работу БРИКС на предстоящий год, а также включает новые перспективные направления взаимодействия. Лидеры Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР, в частности, договорились о создании делового совета 5 стран и экспертных центров. Помимо финансово-экономических вопросов достигнуты соглашения в таких областях, как информационная безопасность, борьба с наркоугрозой, молодежные и образовательные обмены, выработана новая программа действий по сотрудничеству в области финансов, торговли и экономики, науки и техники, здравоохранения, сельского хозяйства, культуры и др.

Итоги саммита свидетельствуют о наличии общих политических и экономических интересов стран – участниц БРИКС, что является движущей силой укрепления их взаимодействия. Однако не следует забывать и о противоречиях между ними. К примеру, в области торговли наблюдается конкуренция между Китаем, с одной стороны, и Индией и Бразилией – с другой, прежде всего на Африканском континенте. Россия не удовлетворена структурой двустороннего товарооборота с КНР. Сохраняется нерешенной и территориальная проблема между Индией и Китаем.

Среди позитивных тенденций можно отметить усилия пяти стран по координации своих действий с целью роста влияния «клуба» в вопросах глобальной безопасности. Также следует отметить и первый шаг к институциональному оформлению БРИКС как международной организации – принято решение о создании Секретариата (пока «виртуального»).

Важным событием состоявшейся встречи стали предпринятые шаги к созданию партнерства между странами БРИКС и африканскими странами. Темой встречи, как отмечалось ранее, было заявлено партнерство между странами – участницами БРИКС и странами Африки, впервые состоялся диалог между лидерами стран БРИКС и Африканского континента, передан позитивный сигнал о готовности стран БРИКС укреплять сотрудничество с африканскими странами в области инфраструктуры, увеличивать транспортно-коммуникационные возможности в Африке и осваивать потенциал развития континента. В 2011 г. президент Зума провел встречу 26 глав африканских государств и правительств для обсуждения планов создания на континенте зоны свободной торговли в течение трех лет. Была образована Президентская координационная комиссия по инфраструктуре (Presidential Infrastructure Coordinating Commission – PICC), которая наметила 11 крупных проектов на континенте – от строительства дорожной магистрали вдоль восточного побережья континента до возведения гидроэнергетического комплекса «Большая Инга» на реке Конго. Расширяются южноафриканские инвестиции на континенте, например, государственная Корпорация промышленного развития ЮАР вложила свыше 2 млрд дол. в экономику 20 стран Африки [18]. Эти положительные меры для создания партнерских отношений между странами БРИКС и африканскими странами воплощают достижения внешнеполитической стратегии ЮАР как члена БРИКС.

Характер африканской политики каждой из стран БРИКС напрямую зависит от характера их экономики. Китай и Индия нуждаются в сырье для поддержки своего производства и экономического роста, и Африка в этом плане является для них ключевой. Россия и Бразилия сами обладают огромными запасами полезных ископаемых, поэтому посредством своей африканской политики поддерживают свои позиции в этой сфере.

Таким образом, соблюдение границ взаимодействия между членами БРИКС в Африке, разделение политического дискурса и экономических реалий позволит развитию африканского направления внешней политики стран БРИКС содействовать их имиджу как влиятельных государств, будущих мировых держав. В этом контексте очевидно, что экономические отношения с Африкой усиливают позиции африканских государств как представителей развивающегося мира и способствуют их собственному развитию. Налаживание дружественных отношений со странами Африки усиливает концепцию БРИКС как новой силы в мировой политике.

Л и т е р а т у р а

1. *Freemantle S., Stevens J.* BRIC and Africa. Presentation at the China-Africa Business Forum, FOCAC – November 7 2009 // Business Unity South Africa. URL: http://www.busa.org.za/docs/FOCAC_presentation%20PDF.pdf//

2. *Кошина М.* Расширение БРИК: различные аспекты возможного вхождения ЮАР в группу стран БРИК. Выступление на XII Всероссийской международной конференции африканистов «Африка в условиях смены парадигмы мирового развития». Москва, 24–26 мая 2011 г. – М., 2011.

3. Forum on China-Africa Cooperation. URL: <http://www.focac.org/eng/>

4. 2nd Africa-India Forum Summit. URL: <http://www.au.int/en/summit/AfricaIndia>

5. Africa: Agriculture Minister at Forum On Brazil-Africa Dialogue // All Africa, 12 May 2010. URL: <http://allafrica.com/stories/201005120817.html>
6. Россия-Африка: горизонты сотрудничества. URL: <http://www.russia-africa.com/>
7. *Cargill T.* Our Common Strategic Interests: Africa's Role in the Post-G8 World. A Chatham House Report. – L.: Latimer Trend and Co Ltd, 2010.
8. Африка и мир в XXI веке / ред. Т.Л. Дейч, Е.Н. Корендясов. – М.: Институт Африки РАН, 2010.
9. China strengthening Africa's infrastructure base // FOCAC, 19 March 2010. URL: <http://www.focac.org/eng/jlydh/xzhd/t674046.htm>
10. *Vines A.* India's Africa Engagement: Prospects for the 2011 India–Africa Forum // Chatham House, December 2010. URL: http://www.chathamhouse.org.uk/publications/papers/download/-/id/983/file/18076_1210vines.pdf
11. *Усов В.А.* Индия и Африка на рубеже тысячелетий: прошлое, настоящее, будущее. – М.: Институт Африки РАН, 2010.
12. URL: <http://opes.ru/1145060.html>
13. Energy production and imports // European Commission, Eurostat, September 2010. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained/index.php/Energy_production_and_imports
14. *Васильев А.М.* Африка нужна России. Россия нужна Африке. Африка и вызовы XXI в. – М., 2012.
15. *Urnov A.U.* Russia and Africa. URL: <http://www.inafran.ru/ru/content/view/162/51/>> Institute for African Studies.
16. Russia's Economic Engagement with Africa. Africa Economic Brief. Vol. 2. Issue 7 // AfDB, 11 May 2011. URL: http://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/Russia's_Economic_Engagement_with_Africa.pdf
17. Minister Nkoana-Mashabane on SA full membership of BRICS. URL: <http://www.dfa.gov.za/docs/2010/brics1224.html>
18. URL: <http://www.info.gov.za/speech/DynamicAction?pageid=461&sid=26869&tid=65549>

Т.Л. Дейч

БРИКС: ПОМОЩЬ РАЗВИТИЮ АФРИКИ

За время, прошедшее с момента создания, БРИКС сильно изменился. Как сказал министр иностранных дел С. Лавров, он «приобрел глобальный масштаб». Совокупная мощь стран БРИКС в мировой экономике растет. Согласно ЮНКТАД, на долю БРИКС приходится сегодня 40 % населения мира, свыше 1 % глобального ВВП, почти 20 % глобальных ПИИ [1]. Объединение ставит перед собой далеко идущие цели, стремясь продемонстрировать остальному миру, что на свет появился новый феномен – еще недавно слабо развитые страны, находящиеся на обочине мировой политики, а ныне блок государств, формирующих общую структуру и готовых действовать сообща, дабы положить конец монополии великих держав в мировых институтах глобального управления.

Своего рода «опытным полем» БРИКС, базой для претворения в жизнь усилий стран-членов по изменению существующего мирового порядка становится Африканский континент. С одной стороны, Африка – кладезь природных ресурсов, в которых особенно заинтересованы такие быстро развивающиеся страны, как Китай и Индия, а с другой, – конгломерат «отстающих» государств, крайне заинтересованных во внешней помощи и инвестициях. Именно на примере этих стран БРИКС демонстрирует способность и готовность «восходящих» государств сделать то, чего не сделали развитые страны.

Внимание БРИКС к Африке объясняется как важной ролью ресурсного потенциала континента в мировой экономике XXI в., так и растущим политическим весом региона на международной арене. В новом тысячелетии в большинстве стран Африки наблюдался самый длительный период устойчивого роста за весь период независимости. За последние

пять лет средний рост ВВП в странах континента составил 5,5 %. В списке 10 самых быстрорастущих экономик мира, опубликованном Международным валютным фондом (МВФ), – 6 африканских стран. Более того, в прогнозах на 2011–2015 гг. 7 из 10 самых быстро растущих экономик – также африканские.

Вместе с тем Африка остро нуждается в содействии достижению Целей развития тысячелетия (ЦРТ), и помощь ей страны БРИКС считают одной из своих главных задач. «Для достижения развивающимися странами максимальных результатов в реализации своих Целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия, к согласованному сроку – 2015 г. – мы должны исключить негативное воздействие на рост в этих странах», – говорится в Делийской декларации IV саммита БРИКС 2012 г. [2].

В коллективных программных документах БРИКС содержится своего рода африканская повестка действий этого нового влиятельного глобального игрока, которая включает помощь в реализации африканскими странами стратегии продовольственной безопасности; расширение сотрудничества в области энергетики (достижение энергетической безопасности); партнерство в сфере новых технологий и инновационной политики; совместный поиск моделей модернизации политических систем, социальных структур; взаимодействие в реформировании системы глобального управления.

Тормозом в развитии африканских стран является отсутствие надлежащей инфраструктуры. На заседании Академического форума накануне 5-го саммита БРИКС в Дурбане 26–27 марта 2013 г. министр иностранных дел и сотрудничества Южной Африки М. Нкоана Машабане, сообщив о намерении президента ЮАР Дж. Зумы организовать диалоговый форум лидеров БРИКС и Африки на тему «Сотрудничество БРИКС и Африки в вопросах инфраструктуры», заметила, что «инфраструктура, наряду с интеграцией и индустриали-

зацией, являются приоритетами Африки, а участие в ее развитии БРИКС и стран континента – взаимовыгодным» [3].

«В рамках Нового партнерства для развития Африки (НЕПАД) мы поддерживаем африканские страны в процессе их индустриализации за счет стимулирования прямых иностранных инвестиций, обмена знаниями, наращивания потенциала и диверсификации импорта из Африки. Мы подтверждаем, что развитие инфраструктуры в Африке важно, и признаем успехи, которых добился Африканский союз в определении и решении задач, стоящих перед континентом в области инфраструктуры, путем разработки Программы развития инфраструктуры в Африке, Африканского плана действий АС НЕПАД (2010–2015 годы), Президентской инициативы НЕПАД в поддержку создания инфраструктуры, а также региональных генеральных планов развития инфраструктуры, которые определили приоритетные проекты развития инфраструктуры, имеющие важнейшее значение для стимулирования региональной интеграции и индустриализации. Мы будем стремиться стимулировать инвестиции в инфраструктуру на основе взаимной выгоды для стимулирования промышленного развития, создания рабочих мест, повышения квалификации кадров, обеспечения продовольственной безопасности и безопасности питания, а также ликвидации нищеты и обеспечения устойчивого развития в Африке», – говорится в Этеквинской декларации, принятой в марте 2013 г. на 5-м саммите БРИКС Дурбане [4].

В фокусе внимания БРИКС и проблема здравоохранения в Африке. Совещание министров здравоохранения стран БРИКС 11 июля 2011 г. в Пекине, где обсуждалась роль этих стран в обеспечении более широкого охвата стран мира качественным и доступным здравоохранением, завершилось подписанием «Пекинской декларации», которая призвала к расширению сотрудничества в рамках БРИКС в вопросах передачи технологий и обеспечения «доступности, качества, эффективности, безопасности фармацевтической про-

дукции и других технологий в сфере здравоохранения» в развивающихся странах [5].

Совокупная торговля стран БРИК с Африкой выросла с 22 млрд дол. в 2000 г. до 200 млрд дол. в 2011 г. [6, р. 6]. Это позволило Африке сократить долю западных стран в торгово-экономических связях до 70 % [7, р. 10–12]. В 2012 г. товарооборот БРИКС с Африкой превысил по объему торговлю стран – членов объединения друг с другом. Он составил 340 млрд дол. (объем всей внешней торговли Африки в 2000 г.). На первом месте оказался Китай, на втором Индия, а на третьем – Южная Африка, которая занимает это место с 2010 г. [8]. По прогнозам, к 2015 г. торговля БРИКС с Африкой превысит 500 млрд дол. (причем 60% ее составит китайско-африканская торговля), а доля этой группы в африканской торговле вырастет с 1/5 в 2010 г. до 1/3 [9].

Экономический подъем Африки стимулировался устойчивым спросом на сырье, что способствовало динамичному увеличению притока ПИИ, объем которых в 2011 г. составил уже 87,6 млрд дол. [10]. При этом ПИИ БРИКС в Африку в 2012 г. составили 60 млрд дол. и прогнозируют, что к 2015 г. они вырастут до 150 млрд дол. [9].

Наиболее активен в Африке Китай, стремящийся использовать потенциал БРИКС для наращивания своего влияния на континенте в качестве одного из ведущих глобальных игроков. Как пишет российский ученый Г. Толорая, «для Пекина БРИКСовский формат – идеальный механизм для продвижения собственной концепции глобального устройства, конечно, не синоцентричного, но и не однополярного... Причем переход к такому миру может совершаться постепенно, без потрясений, что соответствует излюбленным методам китайской политики и постдэнсяопиновской дипломатии» [11].

С помощью БРИКС Китай надеется добиться повышения своего политического веса в мире, соответствующего его весу в мировой экономике. Он рассчитывает создать ме-

ждународный противовес США, иметь дополнительный козырь в переговорах с Вашингтоном и одновременно – доказать партнерам по БРИКС, что их опасения в связи с его растущей мощью безосновательны. «Через механизм БРИКС Китай стремится, с одной стороны, укрепить свои позиции как второй сверхдержавы и лидера развивающегося мира, а с другой, – убедить партнеров по «пятерке» в беспочвенности их опасений относительно увеличивающейся мощи этой страны» [12].

Новый председатель КНР Си Цзиньпин совершил свои первые зарубежные визиты в качестве главы государства в Россию и Африку. Хотя визит китайского лидера на Африканский континент был связан с необходимостью присутствовать на саммите БРИКС в Дурбане (ЮАР), представляется, что дело не только в саммите, но и в стремлении Си Цзиньпина продемонстрировать значимость Африки для китайской внешней политики. Именно поэтому китайский лидер не ограничился Южной Африкой, а посетил еще две страны – Республику Конго и Танзанию. В Конго Си Цзиньпин принял участие в церемонии открытия построенных с китайской помощью больницы китайско-конголезской дружбы, библиотеки и павильона Китая при Университете имени Мариана Нгуаби [13].

Танзания – крупный получатель китайской помощи. В 2011 г. китайские вложения в горнодобывающий сектор страны были самыми значительными в регионе. Выступая в столице Танзании, Си Цзиньпин заявил: «Позвольте мне заверить вас, что Китай интенсифицирует, а не ослабит усилия по расширению отношений с Африкой» [14].

Китай стал главным торговым партнером африканских стран, опередив США. В 2011 г. объем китайско-африканской торговли составил 166,3 млрд дол. [15], а в 2012 г. – 198,49 млрд дол. (рост – 19,3 %). При этом китайский экспорт составил 85,319 млрд дол. (рост на 16,7 %), а импорт – 113, 171 млрд дол. (рост на 21,4 %) [16]. Таким

образом, китайский импорт из Африки растет более быстрыми темпами, чем его экспорт на континент, и по объему превышает экспорт; так что Африка имеет в торговле с Китаем положительный баланс.

Программа сотрудничества Китая со странами Африки на 2013–2015 гг., содержащаяся в итоговом документе Пятой министерской конференции Форума Китай–Африка (Пекин, июль 2012 г.) – «Пекинском плане действий», предусматривает: расширение инвестиционного и финансового сотрудничества с африканскими странами; увеличение помощи Африке в сфере подготовки кадров, передачи технологий; содействие интеграционным процессам; помощь транснациональному и трансрегиональному инфраструктурному развитию; расширение взаимодействия в научной и образовательной сферах, сотрудничество СМИ и развитие общечеловеческих контактов; содействие установлению мира и стабильности в Африке в целях создания «безопасной среды» для ее развития [17]. Китай обязался предоставить африканским странам кредиты в помощь развитию инфраструктуры, сельского хозяйства, мануфактурного производства, малых и средних предприятий на сумму 20 млрд дол. – вдвое больше, чем было обещано на предыдущем заседании Форума в 2009 г. [15].

Как заявил специальный представитель КНР по Африке Чжун Цзяньхуа, на 2012 г. Китай инвестировал в Африку 45 млрд дол., в том числе 15 млрд дол. составили накопленные ПИИ в страны континента. Он заметил также, что в Африке действуют свыше 2 тыс. китайских компаний и более 85% их работников и персонала – африканцы [18]. Напомним в этой связи, что Китай не раз обвиняли в том, что его компании привозят своих рабочих вместо того, чтобы нанимать местных.

По данным Министерства коммерции КНР (МОФКОМ), в 2012 г. в Нигерии насчитывалось 230 китайских компаний, в ЮАР – 150, в Эфиопии – 112, в Гане – 100 [19].

По данным китайского посольства в Танзании, в 2012 г. в стране было зарегистрировано более 300 китайских компаний с капиталом 868 млн дол., создавших 60 тыс. рабочих мест; при этом 11 компаний реализовывали 37 проектов строительства дорог [20]. В Африке активно действуют такие крупные китайские корпорации, как «Чайна харбор инжиниринг корпорейшн» (строительство портовых сооружений), «Чайна роудс энд бридж инжиниринг корпорейшн» (строительство дорог), реализующая около 500 проектов. «Чайна сивил инжиниринг констракшн» (гражданское строительство) и др.

В 2013 г. Чайна Эйд Дата в партнерстве с Центром глобального развития классифицировала китайские проекты «официального финансирования», разделив их на 4 категории: официальная помощь развитию (ODA), другое официальное финансирование (OOF) – оба вида соответствуют критериям OECD, официальное инвестирование (ПИИ и СП) и военная помощь. По представленным ими данным, в 50 африканских странах реализованы в 2000–2011 гг. 1673 неинвестиционных проекта общей стоимостью 75,4 млрд дол., которые они классифицируют как ODA или OOF. Преимущество при этом уделялось образованию и здравоохранению; в сфере особого внимания оказались также инфраструктура, транспорт, энергетика (см. [21]). Выступая в Бостонском Университете 21 сентября 2012 г., Чжун Цзяньхуа заявил, что Китай является вторым по значению девелопером проектов в Африке [19].

Китай – лидер в создании африканской инфраструктуры. В общей сложности он реализует инфраструктурные проекты в 35 африканских странах [22]; на 2010 г. им было осуществлено 500 инфраструктурных проектов [16]. Так, «Чайна Нейшнл Петролеум Корпорейшн» (CNPC) – самый крупный инвестор в суданскую нефтяную промышленность – вложила средства в ряд проектов в сфере суданской инфраструктуры, в том числе в 1500-километровый нефте-

провод и терминал вблизи порта Судан, в проект реконструкции железной дороги, связавшей Хартум с Порт Суданом, в строительство железной дороги из Ньяла в Абече – часть плана железной дороги длиной в тысячу километров между столицей Судана Хартумом и столицей Чада Нджаменой [23]. В 2011 г. еще одна китайская компания получила контракт стоимостью 1,2 млрд дол. на участие в строительстве нового международного аэропорта в Хартуме, в финансовом обеспечении которого участвует Эксимбанк Китая [24, р. 27]. В феврале 2012 г. «Чайна рейлуэй констракшн корпорейшн» выиграла ряд тендеров, позволивших получить контракты на строительство железных дорог в ряде стран Африки общей стоимостью 1,2 млрд дол. [25].

Китай получил подряд на восстановление главной железнодорожной линии Анголы – Бенгельской железной дороги, связывающей медный пояс Замбии и месторождения ДРК с ангольским портом Лобито, контракт с Нигерией на строительство железной дороги из внутренних районов страны к побережью Атлантического океана протяженностью 1300 км; китайские компании участвуют в строительстве железной дороги в ЮАР [26]. Эксимбанк Китая вложил 30,7 млн дол. в строительство дорог в столице Руанды – Кигали [27]. Китай инвестирует в строительство железной и шоссейной дорог в Кении, железной дороги в Мозамбике. Реабилитация транспортной системы осуществляется в Танзании [28].

В 2009 г. начал функционировать построенный с китайской помощью гидроэнергетический узел Мерове – самое крупное сооружение на реке Нил после Асуанской плотины. Плотина Мерове – массивный многоцелевой проект. Инвестиции составили 1,5 млрд дол.; ведущий инвестор – Эксимбанк Китая. Мерове не только удовлетворяет потребности Судана в электроэнергии, но и позволяет продавать ее африканским соседям. Китайские инвесторы вложили 600 млн дол. в сооружение гидроэнергетического комплекса в Замбии [29].

Подписано соглашение о строительстве электростанций в ЮАР [30]; инвестирует Китай в строительство ГЭС в 300 км от Кампалы (Уганда) [31]. В Кабо-Верде реализуется крупный инвестиционный проект – строительство плотины в округе Санта-Круз на Сантьяго. Этот список можно продолжить.

В августе 2013 г. состоялся первый государственный визит в Китай президента Кении Ухуру Кениатты. В центре переговоров была проблема китайских инвестиций в инфраструктуру, энергетику, технологии (см. [32]). Стране был предоставлен заем в сумме 3,75 млрд дол. на реализацию одного из ключевых проектов национальной стратегии развития Кении «Вижн-2030» – проекта строительства железной дороги Момбаса–Найроби–Малабо, который призван связать рынки Кении, Уганды, Руанды и ДРК (см. [33]).

Обращают на себя внимание вложения Китая в промышленный сектор африканских стран. В 2012 г. «Чайна нейшнл материал групп корпорейшн» (Sinoma) завершила строительство цементного завода в Нигерии стоимостью в 1 млрд дол., позволив стране не только обеспечить себя цементом, но и стать его экспортером [34]. По данным мозамбикского Института социально-экономических исследований, промышленный сектор – главное направление китайских инвестиций в экономику Мозамбика (см. [35]).

В совместном коммюнике, принятом в ходе третьего раунда политических консультаций министров иностранных дел Китая и стран Африки в Нью-Йорке 23 сентября 2013 г., африканская сторона одобрила принятые Китаем меры по расширению сотрудничества с Африкой. Со своей стороны, китайские представители обещали наращивать помощь и инвестиции, в том числе, в сельское хозяйство Африки, поддерживать ее промышленное и инновационное развитие, помочь превратить ее преимущество в ресурсах в источник роста. В сфере помощи развитию человеческих ресурсов была предложена программа «Африканские таланты», преду-

смаатривающая подготовку для Африки 30 тыс. профессионалов в различных сферах деятельности [36].

Расширяет присутствие в Африке Индия – давний партнер стран континента. На майской 2011 г. встрече с министрами торговли африканских стран министр торговли и промышленности Индии Ананда Шарма назвал экономическое сотрудничество Индии с Африкой «краеугольным камнем» партнерства в новом веке» [37]. В 2010 г. индийско-африканская торговля превысила 46 млрд дол., в 2011 г. составила 60 млрд дол. [38], в 2012 г. достигла почти 70 млрд дол. [39]. Индийские инвестиции в Африку превысили в 2010 г. 25 млрд дол. [37].

За три года, с момента Первого саммита Индия–Африка в апреле 2008 г. до второго – в мае 2011 г. индийское правительство предприняло важные шаги по укреплению связей со странами континента. На следующие три года Африке был предложен кредит в 5 млрд дол. и намечено реализовать ряд проектов сотрудничества [38].

В Африке активно действуют индийские компании, как частные: «Махиндра и Махиндра», «Бзарты Эйртел Коммуникейшнс» и др., так и государственные: «Ойл энд Нечурал Газ Корпорейшн Видеш Лимитед», «Индиан Телеком Индастриз», «Рейл Индия Текникал энд Экономик Сервисиз», «Конкан Рейлуэйз» и др. [38]. Как и Китай, Индия уделяет большое внимание африканской инфраструктуре. Она делает упор не на строительство железных и шоссейных дорог, дамб и мостов, где с Китаем сложно конкурировать, а на участие в развитии человеческих ресурсов. Если китайские компании предпочитают ввозить своих рабочих, то индийские чаще нанимают местных специалистов, в том числе на управленческие должности. В 2011 г. Эксимбанк Индии предоставил кредиты на реализацию гидроэнергетического проекта в Бурунди [40] и строительство ГЭС мощностью 60 мегаватт в год ДРК [41]. Во время встречи с президентом Мали Амаду Тумани 11 января 2012 г. индийский премьер Манмо-

хан Сингх дал согласие на предоставление Мали кредита в 100 млн дол. на проект передачи энергии, реализация которого должна связать города Бамако и Сикассо [42]. В числе реализованных Индией проектов можно отметить строительство компанией «Тата Стил» в Замбии электростанции общей мощностью 120 мегаватт [43].

Индия лидирует среди стран БРИКС в сфере передачи технологий Африке. Так, в Уганде индийские технологии позволили в три раза увеличить энергоснабжение страны: с 300 до 1000 МВт за счет реализации проекта Карума. Еще один сектор, где правительственные и частные компании Индии выступают в роли главного игрока – здравоохранение и фармацевтика (см. [44]). Перспективен предложенный Индией странам континента проект создания единой африканской системы оптоволоконной и электронной связи, связывающей все африканские государства – ПАН (Pan-Africa Network). Цель проекта – предоставление африканским странам возможностей в сфере медицины и дистанционного обучения посредством развития компьютерной сети, включающей, в том числе, орбитальные спутники.

На третьей встрече министров торговли Индии и стран Африки в Йоханнесбурге 24 сентября 2013 г. министр торговли и промышленности ЮАР Роб Дэвис сказал, что Индия помогает индустриализации Африки, вкладывая инвестиции в мануфактурное производство на континенте. «Мы являемся партнерами с Индией много лет, – сказал он. – Сейчас Африка остро нуждается в индустриализации, которая поможет нам избавиться от сырьевой ориентации нашего экспорта. Наша цель – увеличить товарооборот с Индией до 90 млрд дол. к 2015 г.» [45].

Укрепляет связи с африканскими странами и Бразилия. Бывший президент Лула да Сильва сделал Африку приоритетным направлением бразильской внешней политики. За время пребывания у власти (2003–2010 гг.) он побывал здесь 12 раз, посетив в общей сложности 23 африканские страны.

Бразилия удвоила число посольств в Африке с 17 до 37; со странами континента было подписано более 200 двусторонних соглашений [46]. Дилма Русеф продолжила эту политику.

Объем торговли Бразилии с Африкой с 2002 по 2011 г. вырос в 7 раз: с 4 до 26,5 млрд дол. В 2012 г. Бразилия списала 900 млн африканских долгов [47]. На Африку приходится около 55 % помощи, распределяемой Бразильским агентством сотрудничества (BCA); при этом 74 % получают португалоязычные страны. Самый крупный получатель помощи – Мозамбик. В 2010 г. Бразилия предоставила Африке 1 млрд дол. в качестве помощи, примерно столько же, сколько предоставила Индия, но меньше, чем Китай (2 млрд дол.). Инвестиции в Африку одного только бразильского горнодобывающего гиганта – компании «Вейл» (Vale) составили 2,5 млрд дол.; компания планирует вложить в следующие пять лет еще 20 млрд дол. [46]. «Вейл» – вторая в мире горнодобывающая компания – активна в Анголе, ДРК, Габоне, Гане, Гвинее, Либерии, Мозамбике. Она реализовала проект в Моатизе (Мозамбик), где добывает 4 тыс. тонн угля в час и сейчас озабочена тем, чтобы улучшить транспортную инфраструктуру, дабы расширить объемы его экспорта [48]. Компания Петробрас вложила в Африку с 2009 по 2013 г. 3 млрд дол. Эта компания действует в 28 странах; она инвестировала в добычу нефти в Анголе, Нигерии, Ливии, Намибии, Танзании и рассчитывает получить такую возможность в Бенине, Габоне. Компания «Одербрехт» действует в Анголе, Ливии, Либерии, Мозамбике, Гане, имеет завершенные проекты в Конго, Ботсване, ЮАР, Габоне, Джибути [48].

Ввиду схожего климата Бразилии и Африки и опыта Бразилии в развитии сельского хозяйства последнее становится продуктивной сферой сотрудничества. В 2008 г. Эмбрана, Институт сельскохозяйственных технологий открыл офис в Гане. Эмбрана производит сою, сахарный тростник, зерно и хлопок в Танзании, оказывает техническое содействие развитию хлопководства в Бенине, Буркина-Фасо, Чаде,

Мали [49]. В последние годы важным фактором в бразильско-африканских отношениях становятся проекты производства биотоплива, по которому Бразилия занимает второе место в мире после США. Африканские страны стремятся развивать этот сектор, что обуславливает их растущие требования к бразильским технологиям и оборудованию в данной области. В 2009 г. были подписаны два соглашения с Мозамбиком, предусматривавшие инвестиции в 6 млрд дол. в производство в стране биотоплива. Первый завод по производству этанола был открыт с помощью Бразилии в Судане. Соглашения были подписаны с Угандой, ДРК, Сенегалом, Анголой, Нигерией [46, Infosheet 18, 2013].

Важная сфера бразильско-африканского сотрудничества – здравоохранение. Бразилия ассигновала 21 млн дол. на строительство фабрики по производству антиретровирусных препаратов в Мозамбике, удовлетворив тем самым острые нужды в такого рода лекарствах страны, где свыше 10 % населения являются носителями ВИЧ-инфекции [46].

В последнее десятилетие Африка становится важным рынком для бразильских товаров. Но Бразилия видит в сотрудничестве с Африкой не только экономические преимущества. Поддержка со стороны Африки позволяет ей рассчитывать на повышение своего международного статуса и укрепление позиций в сотрудничестве Юг–Юг. Хотя Китай и Индия играют более заметную роль на континенте, Бразилия имеет здесь свои преимущества. Во-первых, в отличие от Китая и Индии, Бразилия не испытывает острой потребности в ресурсах, являясь их экспортером. Во-вторых, в Бразилии имеется крупная диаспора, имеющая африканские корни. К тому же Бразилия – португалоязычная страна, имеющая исторически тесные культурные связи с Африкой. Ей нелегко конкурировать с Китаем в сфере инвестиционного сотрудничества, но она делает упор на техническую помощь, передачу технологий, сельское хозяйство. Дилма Русеф во время визита в Анголу назвала основными принципами бра-

зильской политики в Африке передачу технологий, партнерство с местным населением, уважение местных законов. В отношениях с Африкой Бразилия старается избегать ошибок, которые допускали в своей политике на континенте конкурирующие державы. Так, она активно привлекает местный персонал, способствуя тем самым решению проблемы занятости: около 90 % работников компании Одербрехт в Африке – африканцы; в Анголе она использует в своих проектах 26 тыс. ангольцев [46]. 85 % работников компании Вейл в Мозамбике – местные [48].

Все более заметной на континенте становится роль Южно-Африканской Республики. Китай энергично поддержал ЮАР в ее стремлении стать членом БРИК, лоббируя эту идею в ходе переговоров с другими членами группы (см. [50]). ЮАР предлагает использовать ее в качестве «ворот» в Африку, рассчитывая, что поможет связать страны континента с «восходящими» экономиками. ЮАР обеспечивает африканское «присутствие» в БРИКС, располагая опытом инициирования и разработки современных экономических стратегий (НЕПАД) и имея практический опыт региональной экономической интеграции (САДК). Она также является единственным государством континента, располагающим технологиями мирового уровня [51].

Выступая в ноябре 2012 г. в Стелленбошском университете на семинаре «ЮАР – крепкий кирпич в здании БРИКС», замминистра международных отношений и сотрудничества ЮАР Мариус Франсман сказал, что с 2005 по 2010 г. торговля ЮАР со странами БРИКС выросла с 9,2 до 20,4 млрд дол. [52]. В 2011 г. торговля ЮАР со странами Африки составила 30 млрд дол., т.е. 17 % всей внешней торговли ЮАР [8]. При этом объем торговли ЮАР со странами Африки на 35 % превысил объем бразильско-африканской торговли и на 200 % – объем российско-африканской торговли. Хотя ВВП ЮАР составляет только 2,5 % от совокупного

ВВП БРИКС, на нее приходится 11 % торговли БРИКС с Африкой [9].

ЮАР вносит заметный вклад в социально-экономическое возрождение Африки. Пять крупных банков Африки – южноафриканские, и все они финансируют африканские проекты. Наиболее активен «Стэндард Бэнк». «Англо Голд Ашанти» финансирует добычу золота в Гане, Мали, Намибии, Танзании. Южная Африка участвует в реализации девяти крупных проектов на континенте в рамках Президентской инфраструктурной инициативы (PICI), два из которых она полностью финансирует. В числе проектов – терминалы в Дар-Эс-Саламе, порт Дурбана, национальная железная дорога в Зимбабве (см. [9]).

В последние годы активизирует политику в Африке и Россия. Расширяются сферы российско-африканского экономического партнерства.

Российско-африканская торговля выросла с 2000 по 2012 г. в 7,5 раз с 1,6 до 12,17 млрд дол. Прямые инвестиции российских компаний, действующих в Африке, оцениваются на 2012 г. в сумме 8,5–9 млрд дол. (см. [53, с. 95–100]).

18 наиболее крупных российских компаний реализуют 40 проектов. Наиболее значительные – разработка компанией «ЛУКОЙЛ» нефтяных месторождений в Гвинейском заливе, холдингами «Ренова» и «Евраз» – марганца и ванадия в ЮАР, железа в Либерии (компания «Северсталь»), алмазов в Анголе (АЛРОСА), никеля в Ботсване (Норникель), урановых руд в Намибии (Росатом).

Нарращивает Россия свое присутствие и на африканских рынках информационно-коммуникационных технологий. В 2010 г. начала работу в Африке компания «Прогноз». В конце 2011 г. завершилась ее работа над порталом для статистики департамента Африканского банка развития и началась работа по созданию приложений для статистических органов стран Африки; всего за год было создано 10 приложений. Цель проекта – создание единой континентальной

сети по обмену и распространению статистических данных. В конце 2011 г. компания выпустила программный комплекс для Мозамбика, в феврале 2012 г. – для Руанды, на очереди – другие страны. В начале 2012 г. Прогноз заключил договор на разработку портала для КОМЕСА, который будет содержать данные социально-экономического развития 19 государств – членов КОМЕСА. В планах на три года – охватить все 54 государства континента. Компания планирует открыть региональное представительство в Африке; офис будет расположен в столице Замбии Лусаке. «В 2012 году за рубежом ресурсы Прогноза будут сориентированы на африканский рынок, – сказал генеральный директор компании Д. Андрианов. – Есть реальная перспектива обеспечить нашими разработками большинство стран континента» [54].

Россия значительно увеличила свой вклад в международные программы развития. Она, в частности, списала в рамках плана действий по Африке «Группы восьми» задолженность африканских стран по долгам СССР на сумму 20 млрд дол., увеличила объем официальной помощи развитию (ОПР). По двусторонним каналам оказывается помощь на преодоление последствий природных бедствий, предотвращение голода. В связи с угрозой голода вследствие засухи в странах Африканского Рога и в других государствах в 2011–2012 гг. Россия поставила Сомали, Эфиопии, Кении, Мали, Кот-д’Ивуару продовольствие и другие товары на сумму более 8 млн дол. В 2009–2012 гг. Россия внесла 32 млн дол. в Фонд содействия программам образования, главным образом в африканских странах [55]. Африканским странам ежегодно предоставляется 750 стипендий для обучения студентов в российских вузах.

Все страны БРИКС оказывают Африке гуманитарную помощь: Индия, Бразилия и Россия – через участие в международных организациях, Китай – на двусторонней основе. В 2010 г. Россия заняла первое место среди стран БРИКС по размерам гуманитарной помощи: 40,3 млрд дол. (Китай –

37,6 млрд, Индия – 36,5 млрд, Бразилия – 28,9 млрд, ЮАР – 0,8 млрд дол. [56]. В 2012 г. гуманитарную продовольственную помощь России получили Республика Джибути (на 1 млн дол.), Кения (на 1 млн дол.), Сомали (на 2 млн дол.). Всего с 2007 по 2013 г. Африке к северу от Сахары было предоставлено 9,43 млн дол., к югу от Сахары – 29,5 млн дол. [56].

Действуют деловые советы «Россия – ЮАР», «Россия – Нигерия», Арабский деловой совет, Координационный комитет по экономическому сотрудничеству со странами Африки к югу от Сахары и др. Состоявшийся в Эфиопии в декабре 2011 г. Российско-африканский бизнес-форум включил в число основных проблем, в решении которых готова участвовать Россия, проблемы инвестиционного сотрудничества, включающие запуск совместных проектов в таких сферах, как энергетика, транспорт, высокие технологии [57]. 6 февраля 2012 г. в Москве прошло ежегодное собрание Координационного комитета по экономическому сотрудничеству с Африкой к югу от Сахары – неправительственной организацией, помогающей создавать основы инфраструктуры деловых связей со странами континента. На собрании отмечалось, что Россия приняла подготовительные меры в поддержку инфраструктурных и промышленных проектов в Африке в рамках НЕПАД [58].

Подводя итог, следует признать, что все страны БРИКС в той или иной мере наращивают свою активность в Африке. Наряду с Китаем и Индией, в роли заметного игрока на континенте выступает в последние годы Бразилия. Роль «ворот» на континент пытается играть Южная Африка. Каждая из стран имеет свои преимущества в Африке. Хотя БРИКС уделяет в своей политике внимание всем странам континента, связи с некоторыми из них носят особенно тесный характер. Так, в последние годы обращает на себя внимание растущий интерес стран БРИКС к португалоязычным странам Африки. Лидирует здесь, как и повсюду в Африке,

Китай, однако стараются не отстать Индия и Бразилия, причем последняя действует все более решительно в целях упрочения своих позиций в стране. Немаловажную роль играют связи, издавна существующие между португалоязычными странами и имеющие особое значение в силу языковой общности для Бразилии. Этот фактор взял на вооружение в своей африканской политике и Китай. В интересах расширения сотрудничества с использованием «мягкой силы» с такими странами, как Ангола, Мозамбик, Экваториальная Гвинея, он использовал возвращение в 1999 г. в свое лоно после 500 лет португальского правления Макао, создав в 2003 г. Форум экономического сотрудничества Китая и португалоязычных стран («Форум Макао»). Форум расположен в Специальном районе Макао и действует под эгидой Министерства коммерции КНР на средства Китая и с участием правительства Макао. Португалоязычные страны, за исключением Сан-Томе и Принсипи, не имеющего дипломатических отношений с КНР, направляют на Форум своих делегатов, а эти страны соответственно посещают делегаты Форума. Форум организует учебные курсы, проводит семинары. Издаются Макаохаб и Макао Мэгэзин, содержащие информацию по экономике этих стран и КНР. Развиваются коммерческие связи. Раз в два года проводятся встречи министров коммерции португалоязычных стран, где обсуждаются проблемы экономики и торговли [59].

Хотя страны БРИКС заявляют о своем стремлении к совместным действиям по преодолению отсталости Африки, они пока выступают на континенте скорее в роли конкурентов, что, впрочем, устраивает африканские страны, издавна стремившиеся к диверсификации партнеров с целью извлечь для себя максимальные преимущества.

Динамичное развитие сотрудничества между БРИКС и Африкой существенно меняет конфигурацию и объемы международных экономических связей континента. Сами африканцы заявляют, что многие годы принимали западную

помощь и следовали западным моделям развития, но так и не сумели покончить с отсталостью. Считая, что Китай, Индия, Бразилия, Россия и новый член БРИКС – Южная Африка могут привнести в сферу экономического сотрудничества нечто новое, они воспринимают эти страны как доноров и инвесторов, готовых и способных помочь им в решении проблем развития. Внимание к нуждам и проблемам африканцев, растущая экономическая помощь, не обремененная политическими условиями, торговый и инвестиционный бум, энергичное продвижение интересов Африки в международных организациях сделали БРИКС привлекательной для африканцев альтернативой Западу.

Л и т е р а т у р а

1. UNCTAD Stat. 2013.
2. IV BRICS Summit: Delhi Declaration. New Delhi, India. March 29, 2012.
3. The BRICS come to Durban. Keynote speech at the BRICS Academic Forum by South Africa's Minister of International Relations and Cooperation Maite Nkoana Mashabane // Pambazuka News. Issue 662. A BRICS reader for the Durban Summit. URL: <http://www.pambazuka.org/en/category/features/86652>
4. 5th BRICS Summit – eThekweni Declaration and Action Plan. Durban, March 2013 / РИА Новости. URL: <http://ria.ru/analytics/20100718/255391275.html#13948172214463&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration#ixzz2vxTW6rqk>
5. New Leadership in Global Health – BRICS Health Ministers pledge support. Aug. 2, 2011. URL: <http://globalwa.org>
6. African Development Bank – African Union. The BRICS in North Africa. – Addis-Ababa, 2011.
7. African Development Bank – African Union. African Economic Outlook 2011. Pretoria. 2011.
8. South Africa must do more to put Africa at core of commercial, foreign policies // Standard Bank. 12 June 2012.
9. South African High Commission Wellington, New Zealand. URL: [http://www.dfa.gov.za/wellington/trade relations html](http://www.dfa.gov.za/wellington/trade%20relations.html)

10. Афроком. Webесonomy о перспективах развития Африки. 09.06. 2012. URL: <http://www.afrocom/ru/news/analytics/22>
11. Толорая Г. Россия и БРИКС: стратегия взаимодействия // Стратегия России. – 2011. – № 8. – Август.
12. Панова В. Встреча в Дели. О четвертом саммите БРИКС, состоявшемся в Дели // РСМД. Публикации. Аналитика. – 27 апреля 2012 г.
13. Си Цзиньпин принял участие в церемонии открытия больницы китайско-конголезской дружбы, библиотеки и павильона Китая // Жэньминь жибао он-лайн. 1.04.2013. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/818947/html>
14. China's new president concludes first foreign visit with fruitful results // Forum on China-Africa Cooperation. 2013/04/01. URL: <http://www.focac.org/eng/zxxx/t1027223.htm>
15. Китай выдаст Африке кредиты на 20 миллиардов долларов. LENTA-RU. 19.07.2012.
16. China-Africa Economic and Trade Cooperation (2013). Information Office of the State Council. The People's Republic of China. Beijing. August 2013.
17. FOCAC. Open up new prospects for a new type of China-Africa strategic partnership. 19/07/2012. URL: <http://www.focac.org/eng/zxxx/t953172.htm>.
18. China's Africa Envoy discusses China-Africa Relations // APC Communique. Boston University African presidential center newsletter. Special Report. Fall 2012.
19. *Freemantle S., Stevens J.* Africa Macro. Insight Strategy. EM10 and Africa: South Africa – a steady, yet narrow ascent. Standard Bank. 11 June 2012. URL: http://www.standardbank.com/Resources/Articles/EMO_Africa_3_South Africa.pdf
20. Interview with Chinese Ambassador Lu Youqua by MLMANI TV. Embassy of the Peoples Republic of China in the United Republic of Tanzania. 2012-05-23. URL: <http://tz.china-embassy.org/eng/ztyx/jj/td34309htm>
21. Africa: Untangling China's Aid to Africa//allAfrica/ 17 Sept. 2013 December 2010. URL: <http://allafricacom/stories/201309180914.html>

22. Economic Strategy. BRIC and Africa. Beyond the Diplomatic applause: threats and opportunities underlying South Africa's BRIC Invitation. Johannesburg. Standard Bank. 26.01.2011.
23. Sudan officials in China to sign Sudan-Chad railway // Sudan Vision. – 22 April 2011.
24. *Mazen M.* Arab fund lends Sudan \$360 milion for new airport two dams. 28 Mars. 2011 // China and conflict affected states. Between principle and pragmatism. FAB Sudan and South Sudan. Safeworld. Jan. 2012. URL: [www.safeworld.org.uk/downloads/pubdocs/FAP Sudan and South Sudan. pdf](http://www.safeworld.org.uk/downloads/pubdocs/FAP%20Sudan%20and%20South%20Sudan.pdf).
25. China's Reform at a Crossroads. Regional Focus: China-Africa // The China Analyst Apr. 2012. URL: <http://www.thebeijingaxis.com/tca/editions/the-china-analyst-apr-2012/123>
26. World Socialist Web Site. Hambides, Zac. China-South Africa deals highlight great – power rivalry in Africa. Sept. 2010. URL: <http://wsws.org/articles//sep.2010/Zuma-SIS.shtml>.
27. Global Post. June 27, 2010.
28. People's Daily. Beijing. 24.01.2011.
29. *Eiseman J., Kurlantzick J.* China's Africa Strategy // Current History. – May 2006. – P. 222.
30. World Socialist Web Site. Hambides, Zac. China-South Africa deals highlight great – power rivalry in Africa. Sept. 2010. URL: <http://wsws.org/articles//Zuma-SIS.shtml>.
31. China to build manage toll road in Ugandan capital Bloomberg. (Kampala). Nov. 10, 2011. URL: <http://www.bloomberg.com/apps/news/pid=newsarchives>.
32. Ali Khan Satchu. Kenya: Looking at Kenyatta's China Visit // The Star, August.19, 2013.
33. Wambui Hdonga. China Pact a Thrust for Vision 2030 // CAPITALFM. URL: [all Africa.com/stories](http://allAfrica.com/stories). August 20, 2013.
34. China's Reform at a Crossroads. Regional Focus: China-Africa // The China Analyst. Apr. 2012. URL: <http://www.thebeijingaxis.com/tca/editions/the-china-analyst-apr-2012/123>
35. *Glennie J.* The West has no right to criticize the China-Africa relationship. 8 Febr. 2012. URL: <http://yandex.ru/yandsearch,text=china+and+African+resources=213>

36. Joint Communiqué of the Third Round of Political Consultations between Chinese and African Foreign Ministers. New York. 23 Sept. 2013. URL: <http://mail.yandex.ru/neo/print.jsx/mid2013/09/23>
37. Anand Sharma to lead Indian Side for India-Africa Trade Ministers' Meet. New Dehli. May 18, 2011. URL: http://commerce.ric.in/Pressrelease/pressrelease_detail.asp&id=2777
38. India and Africa: Towards greater cooperation and growth // Africa at LSE. The London School of Economics and Political Sciences. Apr.11, 2012. URL: <http://www.lse.ac.uk/Africa/India-and-africa-towards-greater-cooperation-and-growth>
39. Kaberuka, Donald. Africa and India: a Shared past, a common future. Febr. 5, 2013. // SAFPI // URL: <http://safpi.org/news/article/2013/africa-and-india-shared-past-common-future>
40. Eximbank extends AUD 80 million line of credit to the Government of the Republic of Burundi for financing the Kabu yydro electric project in Burundi. Export-Import Bank of India. May 24, 2011. URL: <http://www.eximbankindia.in/press260511.asp>
41. India-Democratic Republic of Congo Relations. Ministry of External Affairs of India. Jan. 2012. URL: <http://mea.gov.in/mystart.php?id=500414834>
42. Joint Statement by India and Mali on the occasion of the visit of the President of Mali. Ministry of External Affairs of India. 11 Jan. 2012. URL: <http://mea.gov.in/mystart.php?id=530518888>
43. Nwanunobi Teddy. Continent Wants India to Invest in Mining Industry. Leadership (Abuja). 25 March, 2008. URL: <http://allafrica.com/stories/200803250391.html>
44. Oluka Benon Herbert. Africa: India Faces Challenges in Connecting with Continent // The Monitor. 8 January 2012. URL: <http://allafrica.com/stories/201201090982.html>
45. India can help Africa industrialize // South Africa info. 1 Oct.2013.
46. Brazil-Africa: Booming business across the Atlantic, Info-sheet 18, 2013 // ASC. URL: www.ascleiden.nl
47. Brazil to "write off" almost \$900 m of African debt. BBC. Latin America and Carribean. 25 May, 2013. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-latin-america-and-carribean>
48. Brazil in Africa. A New Atlantic Alliance // The Economist. – Nov. 10, 2012.

49. *Lewis D.* In Africa Brazil takes a different track // Reuters. Febr. 2011.
50. *Wooldridge M.* Will BRICS strengthen South Africa's Economic Foundations? BBC News, Johannesburg. 2011.
51. ЮНИДО в России. – 2013. – № 11 (июнь). URL: <http://www.unido-russia.ru/archive/num11/art1119>
52. Бизнес ТАСС, 21.11.2012 г.
53. *Корендясов Е.Н.* Российские экономические интересы в Африке // БРИКС и Африка: партнерство и взаимодействие. М., 2013.
54. Российские компании на ИТ-рынке Африки. Информационные технологии, телекоммуникации 23.04 2012 // Вся Африка. URL: <http://www.afrocom.ru/news/analytics/21>.
55. Директор Департамента международных финансовых отношений Министерства финансов России А. Бокарев о результатах вклада России в содействие международному развитию 2011. URL: www.minfin.ru/ru
56. Россия как гуманитарный донор. Доклад ОКСФАМ.. 27 июня 2013. URL: <http://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/file/dp-russia-humanitarian-donor-150713-ru.pdf>
57. The First Russia-Africa Business Forum launched. Dec.16, 2011. URL: <http://www.mfa.gov./Presssection./publication.php?cvmain page number= 6265>.
58. Russian Chamber of Commerce and Industry. URL: <http://www/tpprf.ru/ru/news/about/index.php?id 12= 36575>.
59. URL: <http://www.forumchinapl.org/mo/pt/aboutus.php>

Н.Ф. Титюхин, В.И. Юртаев

БРИКС: СТРАТЕГИЯ ДОБРОСОСЕДСТВА В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

В начале XXI в. в фокусе внимания исследователей все чаще оказываются не отдельные, пусть даже глобальные, проблемы и направления озабоченности, а вся система воспроизводства жизни на планете. Тем самым происходит постоянное расширение рамок концепции устойчивого развития, формируется новая парадигма развития как продукт все более глобально ориентированного сознания новых поколений людей. В ситуации мирового экономического и финансового кризиса появление международного концепта «БРИКС», по сути, стало ответом на вызовы глобализации. Поставленная в ходе саммитов БРИКС проблема определения стратегического измерения и соответствующего проектного наполнения деятельности Группы показала актуальность поиска ответов на вызовы глобализации в парадигме междисциплинарных исследований, в формате широкого гуманитарно-экономического диалога.

Происходящее формирование и «мягкое» возвышение группы БРИКС уже сейчас позволяет увидеть контуры нового мира. Евразийское и Тихоокеанское кольца кооперации как два основных пространства мирового рынка в начале XXI в. все заметнее дополняются торгово-экономическим пространством БРИКС (рис. 1). Анализ стратегических, демографических, технологических и иных показателей подтверждает глобальный потенциал возникшей Группы и указывает ее нацеленность на преодоление сложившейся логики развития в рамках системы отношений центр-периферия. В области политического и экономического управления страны БРИКС стремятся к полицентричному мировому порядку, в котором они займут более значимые позиции,

соответствующие их растущему глобальному и региональному экономическому и политическому значению. Поэтому новое пространство интеррегионального партнерства в рамках Группы БРИКС возникает также и на глобальном, а не только региональном и страновом уровнях. Это также и выход из полупериферийного по сути положения стран БРИКС.

Рис. 1

Каждая страна БРИКС является неотъемлемой частью сопряженных региональных рынков (Восточная и Южная Азия, Африка, Латинская Америка, Северная Евразия), что дает возможность сделать вывод о том, что региональный вектор взаимодействия становится одним из приоритетных направлений при разработке стратегии экономического сотрудничества. В свою очередь, страны пятерки как лидирующие акторы могут выступать как экономические лидеры

в сопряженных регионах. Кооперация «пятерки» как партнеров на внутрирегиональных рынках должна отличаться от уровня традиционного двустороннего сотрудничества и решать задачи формирования торговой, экономической, финансовой, гуманитарной, международной инфраструктуры регионального сотрудничества, то есть создавать предпосылки для открытия интеррегиональных порталов. Регионализация в этом случае получает тройное измерение: глобальное, региональное и локальное.

В современном мире на практике существует два разных типа и один подтип **регионализации**: возрождение (за рождение) региональных держав, формирование региональных (интеграционных) группировок и (подтип) – образование так называемых треугольников развития. Сегодня наблюдается параллельное существование региональных держав и региональных интеграционных группировок.

Казалось бы, очевидное преимущество объединений второго типа на практике не ведет к массовому оттоку в них малых стран из-под крыльев региональных держав. Возможно, понижающиеся фазы (начало последней относят к середине 1970-х гг.) мировой конъюнктуры укрепляют объединения вокруг региональных держав. Но это, разумеется, не единственная причина.

И здесь возникает иное измерение взаимодополняемости экономик стран группы БРИКС – в области взаимодействия с соседями – малыми региональными партнерами. Подчеркнем, что действующие в формате Группы страны БРИКС – это не только «растущие рынки» (emerging markets), но и «большие экономики-регионы». Поэтому центр-периферические отношения не для стран БРИКС – они тяготеют к сетевой структуре, возникающей с приходом этих больших ядер в сопряженные регионы. Отсюда актуализация идей опоры на собственные силы в современной ситуации все возрастающей значимости внутренних рынков. 5 стран БРИКС заняли в своих регионах в 1990–2010-х гг. положе-

ние, в чем-то аналогичное позиции пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН в середине XX в. БРИКС выступает как пятерка лидеров за вхождение в глобализацию в возникающих самостоятельных подсистемах международной организации труда («мыслить глобально – действовать локально»). В сфере международных отношений подобный экономический регионализм станет ключом к добрососедству, определив логику новой дипломатии (основание экономическое, управление политическое).

Европа в середине первого десятилетия XXI в. осознала, что многополярность как принцип миростроительства тоже не идеален, поскольку порождает эффект провалов в уровнях развития внутри самого европейского пространства. Проблема отрыва лидеров роста и формирование новой периферии уже внутри самой Европы заставила ЕС обратиться к поиску иных схем развития и тогда появилась идея полицентризма, понятая как особое внимание к возможно более равномерному развитию всех европейских регионов и стран относительно друг друга. Возможно, слишком контрастные разрывы в развитии отдельных государств внутри сопряженных регионов станут самым серьезным вызовом для БРИКС уже в ближайшее время (например, последствия воздействия фактора 2014 в Афганистане и др.). Поэтому принцип взаимосодействия стран БРИКС как региональных экономических лидеров должен войти в число приоритетных для Группы.

В свете вышесказанного можно предположить, что, не умаляя значимости развития двусторонних и многосторонних отношений между странами – участницами Группы, фокус глобального многостороннего сотрудничества для всех стран БРИКС, с учетом их совпадающих и пересекающихся интересов и международного участия в глобализации, в ближне- и среднесрочной перспективе более всего должен быть направлен на регионы.

Защитить возникающую новую региональную экономическую реальность, сделать ее прочной может только по-

литическая воля, что и лежит, собственно, в основании Группы БРИКС. Из этой констатации следует стратегическая значимость средств массовой информации и вообще всего информационно-коммуникационного комплекса для проектной деятельности БРИКС. Его становление должно опережать становление экономического сотрудничества, *политика в известном смысле должна «вести» экономику.*

Инфраструктура. Среди главных региональных приоритетов – «БРИКС – Африка» (порталы «Б» – Бразилия и «С» – ЮАР). Это не означает, что Индия, Китай и Россия остаются наблюдателями – они активно участвуют в развитии каждого сопряженного региона. Страны БРИКС уже взяли на себя часть миссии мирового сообщества по оказанию содействия возрождению Африки. Несмотря на благоприятные прогнозы, в условиях сохраняющейся политической турбулентности и хронической нестабильности власти, переходящей из рук в руки, ожидать устойчивого экономического развития на «черном» континенте, действительно, сложно. Под непредсказуемым воздействием Арабской весны и в связи с усилением исламского фактора обостряется ситуация и в соседних районах, прилегающих к Северной Африке. В данной непростой ситуации «локомотивом» роста в Африке мог бы стать ее южный регион. И здесь необходим мощный старт и политическая воля.

В Этеквинской декларации БРИКС (ЮАР, 2013 г.) вопросам регионального экономического развития на Африканском континенте посвящен ряд статей (например: устойчивое развитие инфраструктуры в Африке, ст. 5, процесс индустриализации, ст. 5, региональная интеграция для устойчивого роста, развития и ликвидации нищеты в Африке, ст. 4, многосторонние соглашения о софинансировании инфраструктуры в Африке, ст. 12). На этой основе может быть сформирована Повестка дня для Юга Африки в рамках Группы БРИКС, с целью принятия соответствующих программ многостороннего сотрудничества.

Логистика. Особую значимость должно придать, в силу географии участников, воздушному сообщению между странами БРИКС. Новая интеррегиональная логистика, возникающая между портами БРИКС, возможно, предполагает начало серьезной проработки вопроса о формировании генеральной компании по торговле для группы БРИКС и формирования соответствующей логистической системы как формата перспективной единой интегрированной глобальной грузотранспортной системы.

Основные факторы, определяющие спрос на транспортно-логистические услуги:

- динамика мировой экономики и международного товарообмена;
- динамика развития экономики России;
- глобализация грузопотоков и усложнение схем доставки, потребности в оптимизации расходов, связанных с перевозкой, хранением и дистрибуцией товаров.

До 2030 г. экономический рост мировой экономики будет достигнут главным образом за счет развивающихся стран, прежде всего Китая и Индии, на долю которых будет приходиться более трети мирового роста. Произойдет сдвиг мирового производства в Тихоокеанский и Индоазиатский регионы.

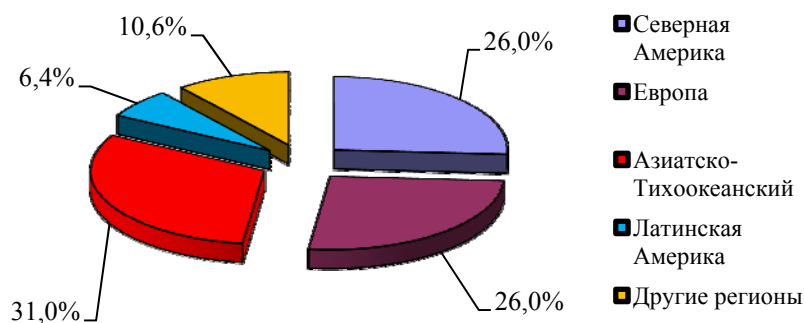
Суммарно экономики Китая и Индии обеспечили:

- в 2010 г. около 18 % мирового производства,
- в 2020 г. их объем превысит 26 %,
- к 2030 г. – 32 % мирового ВВП.

Общие расходы на логистику, по данным грузоотправителей, составляют в среднем 12 % выручки от реализации их компаний. Общая сумма расходов на логистику включает транспортировку, распределение, складирование и услуги добавленной стоимости. Диапазон региональных различий варьируется от 11 % в Северной Америке, Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе до 14 % выручки компаний в

Латинской Америке. В среднем 42 % от этой суммы тратится на аутсорсинг.

Характеристика глобального рынка ЗРЛ-услуг:

- глобальный рынок ЗРЛ-услуг в 2011 г. составил 616,1 млрд дол. США;
- крупнейшие глобальные ЗРЛ-провайдеры оперируют в регионах, представляющих более 90 % мирового ВВП;
- темпы роста Азиатско-Тихоокеанского рынка ЗРЛ-услуг превышают среднее значение.

Сотрудничество в сфере транспортной логистики и оптимизации цепочек поставки товаров должно быть (экспертная оценка) реализовано по следующим основным направлениям:

В среднесрочной перспективе:

- **обмен информацией** о научно-технической политике и программах и формулирование на этой основе совместных долгосрочных проблемно ориентированных программ сотрудничества;
- **разработка принципов организационно-правового, финансового и кадрового обеспечения сотрудничества** в области развития транспортно-логистической

инфраструктуры, транспортной логистики и оптимизации цепочек поставки товаров в рамках БРИКС, включая формирование общих «технологических платформ», стимулирование совместного инвестирования в развитие современных технологий цепочек поставок товаров в международной торговле, расширение взаимодействия в области образования, подготовки научных кадров и реализации совместных исследовательских программ;

- **создание сети образовательных центров** по специализации «Логистика и управление цепями поставок» на базе ведущих национальных центров;

- **обмен информацией** о текущем состоянии рынков транспортно-логистических услуг, политике и правительственных программах в этой области и формулирование на этой основе совместных долгосрочных программ сотрудничества в области транспортной логистики и оптимизации цепочек поставки товаров;

- **изучение** государственными компаниями и бизнес-сообществом **механизмов сотрудничества**, обмена информацией и наилучшими национальными практиками;

- **создание сети национальных координаторов** по вопросам сотрудничества в области транспортной логистики и оптимизации цепочек поставки товаров (возможно, на базе существующей ЕвроАзиатской Логистической Ассоциации);

- **организация на регулярной основе встреч** старших должностных лиц государственных служб и бизнес-сообщества в области транспортной логистики и оптимизации цепочек товаров для решения текущих и перспективных вопросов БРИКС;

- **разработка принципов взаимодействия и обмена информацией** в сфере статистики грузопотоков по объемам и видам товаров, видам транспорта в целях оптимизации развития транспортно-логистической инфраструктуры и цепочек поставки товаров;

- **создание межгосударственного независимого рейтингового агентства**, призванного способствовать мониторингу формирования индикаторов по оценке уровня развития транспортно-логистического рынка и уровня конкурентоспособности национальных компаний на этом рынке, используя национальный опыт.

На долгосрочную перспективу:

- **разработка механизмов постепенной трансформации** сети национальных координаторов, играющих роль инструмента координации позиций по вопросам сотрудничества в области транспортной логистики и оптимизации цепочек поставки товаров, **в полноформатный механизм стратегического и текущего взаимодействия по ключевым вопросам в этой сфере;**

- **содействие в развитии и решении проблем развития транспортной инфраструктуры**, технологических проблем и проблем совершенствования нормативно-правовой базы функционирования новых маршрутов международных транспортных коридоров.

В целом представляется целесообразным инициировать создание Координационного комитета по совместному развитию транспортных коридоров стран БРИКС для координации работы по разработке и проектному оформлению Концепции развития логистической инфраструктуры, расположенной в местах прохождения международных транспортных коридоров на пространстве СНГ и БРИКС.

Актуальной международной задачей является также разработка Повестки дня – 2015 для БРИКС, что позволит создать концептуальную основу для выработки перспективного формата взаимодействия между странами-участницами, в число которых входят Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР. В центре внимания находятся также вопросы реформ для глобальных перемен в целях создания более рациональ-

ного мирового экономического порядка, обеспечения благополучия и процветания, построения гармоничного мира.

Требует глубокого анализа и проблема соотношения возникшей в условиях глобализации мировой экономики в конце XX века монополярной структуры мировой экономической системы с процессами формирования новых центров мировой экономической мощи, в частности, под воздействием выхода на мировую арену Китая и других стран БРИКС, исчезновения так называемого «второго мира», смягчения противостояния «восток-запад» и нарастания противоречий по оси «север-юг».

В заключение необходимо отметить следующее. В 2013 г. участились скептические высказывания в адрес БРИКС. Впрочем, есть и другие оценки, например, в публикации Института стратегических исследований ЕС (ноябрь 2013 г.): «Сохранится “Клуб” или нет – в этом или ином формате – но это звонок для ЕС, побуждающий ее к углублению своих двусторонних отношений с отдельными странами БРИКС и, возможно, к пересмотру своей позиции в формирующейся системе глобального управления. Как бы то ни было, Европе, возможно, требуется инвестировать больше в свои отношения с «остальными» – начав с БРИКС». Приведенная позиция не видится случайной. На наш взгляд, это первая «проба пера» Мира Глобализации (G-World). В новых условиях старые рецепты Мира Модерна еще используются, но мир стремительно меняется. Набирает силу процесс регионализации (как начальная фаза процесса глобализации), в рамках которого и происходит неуклонное укрепление статуса стран БРИКС как региональных экономических держав и акторов глобальной политики.

Процесс глобализации как «мэйнстрим» развития человеческой цивилизации все заметнее реализуется в мировой политике и экономике через трансформацию и формирование новых глобальных парадигм развития. Вовлеченность в этот процесс «больших экономик» Азии, Африки, СНГ

и Латинской Америки определяет роль и место стран-участниц и самих регионов в формировании нового мирового порядка. При этом креативно разрушается прежнее деление на «развитый» и «неразвитый» («догоняющий») миры. Происходящая смена парадигмы развития как самого ядра мировой экономики, так и ее периферии, оказывающейся заложником ограниченности финансовых ресурсов, актуализирует задачу осмысления происходящих процессов, особенно с участием Бразилии, России, Индии, Китая или стран «больших экономик», ищущих новые форматы вхождения в мировую политику. Наблюдаемая во второй декаде XXI в. активизация внешнеполитической деятельности стран Группы БРИКС интегрирует в мировой исторический процесс новые проекты.

Н.Н. Морозова

ОСОБЕННОСТИ АРАБО-АФРИКАНСКИХ МИГРАЦИЙ ВО ФРАНЦИЮ

В настоящее время в мире остро стоит проблема миграций. В частности, участились случаи миграции африканского и арабского населения в страны Европы. Сегодняшнее население Франции растет за счет прилива мигрантов из Северной Африки, а именно стран Магриба (Марокко, Тунис и Алжир). Именно эти территории в свое время входили в состав французской колониальной империи. Система колониализма, помимо географических и политических факторов, подразумевает и распространение идеологии, культуры, языка, правовой системы и других отраслей общественной жизни. Франция, демонстрируя свое преимущество в экономических и научно-технических сферах, предлагала странам Африки следовать ее путем развития. Миграции населения представляли собой сложный процесс, который затронул все стороны социально-экономической и политической жизни общества.

Переехавшие в другую страну мигранты, быстро ассимилируются на новом месте, заводят семьи, их родственники иммигрируют вместе с ними и живут по законам новой родины. По некоторым данным, выходцы из стран Африки составили около 13 % населения всей Франции, из которых 5,5 % алжирцы, марокканцы и тунисцы [1].

Основными причинами миграции в современные развитые страны является трудоустройство, а также поиск «лучшей жизни». Общеизвестно, что мигранты часто охотно берутся за ту работу, которую отказываются выполнять местные жители.

Первая волна миграции во Францию из Североафриканского региона развернулась в XIX–XX вв. по причине демографического и экономического кризиса в стране [2, с. 15].

Впервые мигранты из Североафриканского региона появились на территории Франции в 70-х гг. XIX в. Принято считать, что ими были торговцы из Алжира. 16 мая 1874 г. в созданном декрете были прописаны правила, разрешающие переезд жителей Алжира во Францию [3, р. 65]. Первая мировая война дала толчок к мобилизации североафриканского населения французским правительством на правах колонизаторов как дешевой рабочей силы, способной воевать. Что касается Марокко, то в послевоенный период в стране был разработан план об ограничении эмиграции населения во Францию. В 1938 г. в стране была создана специальная Служба эмиграции, с помощью которой к 1940-м гг. во Франции наблюдался прилив рабочей силы из Марокко [2, с. 21].

Алжир являлся колониальной территорией Франции с 1930 г. и оставался под ее влиянием около века. Отношение к иммиграции из Магриба в Европу менялось с изменением экономического и демографического статуса страны. При первой же необходимости в дешевой, а иногда даже практически бесплатной рабочей силе политическая верхушка метрополии в мгновении ока призывала на службу или работу выходцев из зависимой ими страны. Канун Второй мировой войны также не стал исключением, в этот момент африканцы воевали на различных фронтах.

Вторая мощная волна миграции из стран Магриба наблюдалась уже в конце 1930–1950-х гг. С периодом Второй мировой войны связано уменьшение количества мигрантов. Однако это не распространялось на выходцев из стран Магриба. Как и в Первую мировую войну, Франция активно задействовала солдат из Туниса, Алжира и Марокко в военных действиях против агрессора [2, с. 22–23]. После окончания войны демографическое и экономическое положение Франции снова пошатнулось, что побудило правительство страны в очередной раз провести миграционную реформу. Была создана Национальная иммиграционная служба, занимавшаяся контролем и наймом иностранной рабочей силы. По причине

запутанности процедур оформления вида на жительство распространялись случаи незаконной миграции, что привело к недовольству коренного населения Франции [3, р. 7].

Как известно, в основном причиной эмиграции является низкий уровень жизни на родине. Так, например, в 1954 г., в связи с войной в Алжире, большая волна эмигрантов прибыла во Францию. Убегая от разрухи, которая воцарилась в Алжире из-за нескончаемых военных действий, местные жители, в поисках лучшего существования, работы, покидали континент. В сложном положении приходилось жить мигрантам из Северной Африки. В то время во Франции к каждому мигранту из Алжира было предвзятое отношение к выходцам из бывшей колонии.

Длительная борьба алжирского населения за независимость собственной страны наложила свой отпечаток на социально-экономическую ситуацию. Считая Алжир продолжением территорий Франции, в ноябре 1954 г. министр колоний заявил: «Алжир – это Франция» [4, р. 23]. Французы расценивали борьбу за независимость как потенциальную опасность, возможную террористическую активность, что придавало конфликту дополнительную остроту характера. Более того, только в 1990-х гг. борьба за независимость в Алжире была признана «войной», до этого времени все действия расценивались исключительно как внутригосударственные волнения.

В период с 1954 по 1962 г. с большой скоростью росло количество иммигрантов из Африки и Магриба. По статистическим данным, с 1962 до 1990 г. количество мигрантов из Африки возросло с 20 до 45 % [2, с. 26]. Марокканская и тунисская миграции значительно уступали алжирской. Со временем французское правительство начинает активно поощрять семейную эмиграцию, поскольку данное явление выступало гарантом стабильности внутреннего рынка. В семейной эмиграции больше преуспели мигранты из Марокко. Именно оттуда к 1972 г. процент марокканского населения

возрос до 35 % [5, p. 27]. Однако со временем французские власти пытаются всячески ограничить приток семейных миграций. Так, для того чтобы получить разрешение на приезд семьи, эмигрант должен доказать, что он имеет возможность содержать ее членов, а также то, что он уважает демократические государственные признаки.

В 1998 г. «закон Шевенмана» приоткрыл возможности для высококвалифицированных специалистов, а также студентов, которые впоследствии должны были возвращаться на родину с целью развития местной экономики, укрепления двусторонних связей [6, с. 71]. Однако к началу XXI в. и во Франции возникла острая необходимость в существенных изменениях миграционной политики. В наши дни проблемы адаптации мигрантов решаются на новом более современном уровне. Существует ряд социальных структур, способствующих ассимиляции. Однако наряду с законной иммиграцией существуют также и эмигранты-нелегалы. Количество последних постоянно растет. С целью искоренить случаи нелегальной миграции, а также улучшения границ Европы, Франция предложила ЕС «Пакт по вопросам миграции и убежища», который был принят 14 октября 2008 года [7, p. 31].

Для всех стран можно выделить три характерные общие черты миграционной политики. Во-первых, контроль над въездом в страну. Во-вторых, пресечение нелегальной миграции. И, в-третьих, проведение политики реэмиграции [8, с. 21].

В 1960–1970-х гг. во Франции, в связи с кризисным положением страны, среди французов начали появляться расистские настроения. Начал усиливаться гнет на иностранных работников. Главной отличительной особенностью французской иммиграции, как и в ряде других стран Европы, стала высокая концентрация ее в определенных районах страны.

Несомненно, приток мигрантов сказывается на всех сферах общества. Каждый человек приносит с собой то, что ему дорого, с чем он привык жить, а именно семейный уклад, традиции, религиозные верования и многие другие аспекты их жизни. Адаптация мигрантов приносит глубокие изменения в принимающем обществе. По причине массовой миграции во Францию эта страна считается одной из самых исламских среди стран Европы. По данным на 2007 г., примерное количество населения, исповедующего ислам, составило около 8 % от всех опрошенных [9], на сегодняшний день на территории Франции проживает около 4–4,5 млн мусульман [10, с. 4].

В большинстве случаев миграция вносит свои изменения в жизненный уклад самих мигрантов, однако во взаимодействии французов и магрибинцев складывается совершенно иная ситуация. В сложившуюся веками французскую жизнь вливаются новые традиции. Культура исламского общества тесно проникает в культуру европейской традиции. В результате такого взаимодействия европейские страны стремятся проводить политику мультикультурализма, что позволяет иммигрантам жить своей привычной спокойной жизнью, сохраняя свои традиции и уклад. Однако данная политика полностью противоположна политической и национальной традиции Франции. Многочисленные столкновения между коренным населением и миграционным происходят по причине нежелания граждан сосуществовать с человеком другой культуры. Особенностью миграционной политики во Франции явилась модель «ассимиляции», подразумевавшая полное согласие мигранта на принятие нормы образа жизни принимающего общества, получение гражданства, а также добровольный отказ от собственных традиций.

Очень остро стоит конфессиональный вопрос во Франции. Для мусульман, проживающих там, ассимиляция создает угрозу отказа от ислама [11, р. 24]. Еще при прошлом президенте страны Николя Саркози был разработан законо-

проект о запрете на закрытие лица в общественных местах [12]. Данный законопроект вызвал негодование в мусульманских общинах. В мире пронеслись протесты, вызванные негодованием верующих. Произошел раскол в обществе, население разделилось на группы «за» и «против». Был также введен штраф за ношение одежды, закрывающей лицо, составляющий примерно 150 евро. Известно, что во Франции нашелся богатый человек, который согласился оплачивать штраф за девушек с целью сохранения их права на привычную им жизнь.

Исторически известно, что Франция всегда отделяла церковь от политики, что даже приводило к секуляризации. Этот факт, возможно, и вызвал столь большой резонанс. В исламской традиции многих стран религиозный аспект, наоборот, является одним из регуляторов политической жизни. В секулярной Франции проблема межконфессиональных споров стоит очень остро. Еще в 1990-х гг. мусульманской общине было предложено создать документ, связывающий ислам с государством. В середине десятилетия подобный документ был предложен – Хартия мусульманского вероисповедания во Франции [10, с. 124]. Однако не был подписан. Только в 2002 г. на конференции в Париже была создана организация «Французский совет по мусульманской религии».

Правление новой организации возглавили руководители трех ведущих мусульманских структур страны – Союза исламских организаций, Национальной федерации мусульман Франции и мечети Парижа. Председателем был избран имам парижской мечети Далил Бубакер, алжирец по этнической принадлежности. Основная задача новой организации заключалась в представлении мусульман страны и защите их интересов в государственных органах [13, с. 45].

Проблема взаимодействия приверженцев разных религий затрагивает практически любую страну. За последние несколько лет межрелигиозные противоречия практически достигли своей «точки кипения». Все большее количество

стран планирует введение законов о запрете ношения религиозной одежды в общественных местах, в частности в учебных учреждениях, опираясь на светский уклад государства. Так, например, летом 2013 г. в России Верховным Судом было вынесено решение о запрете ношения предметов религиозной одежды в школах [14].

Для Франции ислам стал второй религией по числу его приверженцев. Большая часть верующих – эмигранты из Магриба. В стране нет единой исламской общины, существуют различные сообщества, отличающиеся друг от друга этнически. Нельзя сказать, что межконфессиональные отношения во Франции налажены. Отношения между христианством и исламом весьма напряжены на массовом уровне. По мнению экспертов, к 2020 г. во Франции и Германии количество мусульман может превысить количество коренного населения [15, с. 19].

О количестве арабского населения в Париже, например, можно судить без дополнительной информации, достаточно просто пройтись по улицам города. Существуют целые арабские районы, не только во Франции, но и в Бельгии, Дании, Германии, Италии и ряде других европейских стран. На улицах можно увидеть множество магазинов, хозяевами которых являются этнические арабы. Именно во Франции арабские иммигранты интегрируются особо быстро.

В современном мире интерес к Востоку и исламу растет с огромной скоростью. Растет количество приверженцев этой религии, исламская традиция проникает в привычную мирскую жизнь немусульман: изречения, одежду, еду и т.д. В мире появилось такое понятие, как «евроислам», которое включает в себя сближение исламской и европейской культур. Евроислам широко распространяется по миру, отличием от традиционного ислама является фактически минимальное религиозное значение. А именно евроислам направлен в большей части на светскую жизнь его последователей, нежели на соблюдение религиозных обычаев. Такая форма прояв-

ления религии вызывает резкое осуждение со стороны приверженцев традиционного ислама.

Однако наряду с достаточно лояльным евроисламом существует и ряд радикально направленных ответвлений ислама. Мусульмане-радикалы всячески противятся европейским законам и убеждают мусульманские общины в необходимости борьбы за «истинно верное» развитие мира. Основываясь на традиционных догмах, на законах шариата, радикальные исламисты вербуют верующих вступать в экстремистские группировки.

Европейские страны до сих пор не могут найти подход к решению иммиграционной проблемы и вопросу проживания мусульманских общин. Сделать односложное заключение по проблеме иммиграции невозможно. Несомненно, иммиграция влияет на все структуры общества, что влечет за собой как положительные, так и отрицательные аспекты. Чтобы снизить коэффициент иммиграции, следует рассматривать возможности улучшения жизни стран-реципиентов.

Л и т е р а т у р а

1. INSEE «Иммиграция во Францию по странам». URL: http://jg154.org/goxaisaistoe/%D0%98%D0%BC%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%B2%D0%BE_%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8E
2. *Синяткин И.В.* Североафриканская иммиграция во Франции: социокультурный и конфессиональный аспекты. – М., 2002.
3. L'Immigration maghrebine // Hommes et migrations. – 1988. – № 1114.
4. *Stora B.* Le traumatisme de la guerre d'indépendance algérienne // Maghreb: peuples et civilisations. – Paris, 1955.
5. Maghreb. – 1974. – № 61.

6. *Стрельцова Я.* Франция и проблема интеграции мигрантов // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2005. – № 9.
7. *Setton Ph.* Les enjeux de la présidence française du Conseil de l'Union européenne en matière migratoire Regards sur l'actualité. – Paris, 2008. – № 340.
8. *Судоплатов П.А.* Миграционная политика стран Евросоюза. – М.: ИСПИ РАН, 2006.
9. Catholic World News. France is No Longer Catholic // *Survey Shows.* – 2003.
10. *Соболев В.Г.* Мусульманские общины в государствах Европейского союза: Проблемы и перспективы. – СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 2003.
11. *Les musulmans en France // Religion et culture.* – P., 1985.
12. URL: <http://www.km.ru/news/zapret-na-noshenie-khidzhabov-vo-frantsii-vstupayet-v-silu>
13. *Кудрявцев А.В.* Мусульмане на Западе // *Мусульмане во Франции.* – М., 2002.
14. Информационное агентство ИТАР-ТАСС // URL: <http://itar-tass.com/obschestvo/779780>
15. *Кондратьева Т.С., Новоженова И.С.* Иммигранты в Европе: Модели интеграции // *Актуальные проблемы Европы. Иммигранты в Европе: Проблемы социальной и культурной адаптации: сб. науч. трудов.* – М.: ИНИОН РАН, 2006.

К.М. Беликова, В.Ю. Ифраимов

МЕСТО ДОГОВОРА В ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ И ПРАКТИКЕ ЮАР: ИСТОКИ И РАЗВИТИЕ

ЮАР характеризуется наличием смешанной (гибридной) правовой системы и сочетает в себе черты романо-германского, англо-саксонского и обычного права¹ [2, с. 940; 15, с. 507–508]. В целом договорное право ЮАР развивается в русле романо-германской правовой семьи, сохраняя ее традиционные понятийные основы, но в то же время включает в себя некоторые элементы договорного права стран англо-саксонской правовой семьи (например, классификация условий договора в доктрине и судебной практике) [2, с. 941]. Поэтому говоря об истории становления договоров в романо-германской правовой системе, южно-африканские исследователи подчеркивают, что еще римское право включало в себя положения о договорном праве как о совокупности правовых норм, регулирующих отношения по поводу заключения, исполнения и прекращения договоров. Также римскому ча-

¹ Римское право в Голландии было реципировано в форме, которую ему придали глоссаторы и комментаторы. В течение XVII–XVIII вв. известные голландские правоведы, такие как Гуго Гроций (1583–1645), Арнольд Винний (1588–1657), Иоганн Вет (1647–1713), Корнелий ван Бинкерсхек (1673–1743), Дионисий ван дер Кессель (1738–1816), исследовали римское право с исторической точки зрения и приспособляли его к современным им практическим потребностям. В начале XIX в. в самой Голландии право было преобразовано по французскому образцу (на основе кодексов Наполеона), но в колониях, захваченных в начале XIX в. англичанами (в Южной Африке, на Цейлоне и т.д.), бургских республиках Трансвааль и Оранжевая оно действовало практически в первоначальном виде.

стному праву были известны различные виды договоров [9, с. 11]. Этот подход воспринят и южно-африканской доктриной: с формированием романо-германского правового наследия процесс обобщения римских частноправовых норм был завершен, а его основные правовые принципы, такие как соблюдение добрых нрав (*good faith*) и обязательность исполнения договоров (*pacta sunt servanda*) были сохранены, в том числе и в праве ЮАР [15].

Говоря же о современном договорном праве ЮАР, в первую очередь необходимо обратить внимание на одну из его значительных особенностей, вытекающих из особенности правовой системы ЮАР в целом, в рамках которой Южная Африка в настоящее время имеет некодифицированную систему права; два главных источника современного южноафриканского права – это законодательство и прецедентное право – сфера договорного права ЮАР, в отличие от остальных стран БРИКС, не располагает единым нормативно-правовым актом, устанавливающим правовые основы заключения, исполнения и прекращения договоров². В связи с отсутствием в ЮАР специального закона о договоре (иного специального нормативно-правового акта со сходным предметом регулирования) основными правовыми источниками, регулирующими порядок заключения, исполнения и прекращения договоров являются прецеденты и иные законы, не содержащие положений непосредственно о договорах, но в той или иной мере отражающие положения о договорных правоотношениях с участием тех или иных категорий лиц.

² В праве остальных странах БРИКС, как отмечалось выше, положения о договорах регулируются либо отдельным законом (Индия (Contract Act No. 9 of 1872) и Китай (Закон КНР от 15.03.1999 г. «О договоре»), либо кодифицированным актом – Гражданским кодексом (Бразилия (Código Civil. Lei nº 10.406, de 10.01.02.) и Россия (Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 02.07.2013)).

Примером подобного закона может послужить Закон ЮАР «О защите прав потребителей» 2008 г. [7], регулирующий отношения сторон по договору поставки товаров. В частности, в ст. 48 данного закона говорится о необоснованных, неразумных и несправедливых условиях договора (unfair, unreasonable или unjust contract terms).

Так, поставщик не вправе: 1) предлагать к поставке, поставлять либо включать в договор поставки любые товары или услуги: а) по необоснованной, неразумной или несправедливой цене; б) на необоснованных, неразумных или несправедливых условиях; 2) продавать любые товары или услуги либо вести переговоры по включению или включать в договор поставки товары и услуги необоснованными, неразумными или несправедливыми способами; 3) требовать от потребителя или иного лица, которому товары или услуги были поставлены по указанию потребителя: а) отказаться от любых имеющихся у него прав; б) принять на себя любые обязательства; в) отказаться от любой ответственности поставщика на необоснованных, неразумных или несправедливых условиях либо принять на себя любые такие условия по вступлении в соглашение. Наряду с вышперечисленными условиями основанием для признания договора поставки товаров необоснованным, неразумным или несправедливым являются случаи, когда: 1) договор носит чрезмерно односторонний характер, когда его положения направлены в пользу любого лица, кроме потребителя или иного лица, которому должен быть поставлен товар; 2) условия договора слишком неблагоприятны для потребителя; 3) потребитель надеялся на ложное, вводящее в заблуждение и обманчивое представление относительно предмета договора, озвученное поставщиком (п. 2 ст. 48 Закона ЮАР «О защите прав потребителей» 2008 г.).

В определенной степени развитию института договорного права также способствует доктрина, которая, как правило, поднимает ряд определенных, вполне актуальных

вопросов для научного обсуждения. Так, например, в ЮАР существует мнение о необходимости включения в нормативно-правовые акты страны положений доктрины о недобросовестности (*unconscionability doctrine*) при заключении тех или иных договоров [15, с. 508]. Суть этой доктрины, известной таким странам общей системы права, как Австралия, Канада и др., в том, что договор, чрезвычайно несправедливый по отношению к одной из его сторон и чрезмерно выгодный для другой, обладающей заведомо большими переговорными возможностями (*superior bargaining power*) признается противоречащим доброй совести (*good conscience*) и, как следствие, не подлежит принудительному исполнению (*is held to be unenforceable*) по причине того, что ни один разумный или информированный человек (*reasonable or informed person*) не согласился бы по доброй воле на его условия [4, с. 68]. А пока такой нормы в законодательстве нет, отсутствие императивных положений такого рода позволяют стороне, недобросовестно исполняющей свои договорные обязательства, избегать наказания, в связи с чем другая сторона подвергает себя серьезным рискам при вступлении в договорные отношения, чувствуя при этом правовую незащищенность.

В современном южно-африканском праве существует множество определений договора. Так, Дэйл Хатчинсон и Крис-Джеймс Преториус определяют договор (*contract*) как соглашение (*agreement*), заключенное между двумя или более лицами с целью создания юридического обязательства или обязательств [13, с. 6]. Согласно данному определению не всякое соглашение является договором. Договор требует наличия серьезной цели у сторон по созданию юридически закрепленного обязательства, именуемого *animus contrahendi* (намерение вступить в договорные отношения). Фарлам и Хатвэй определяют договор как правоотношение, включающее в себя совокупность прав и обязанностей субъектов права [10, р. 1]. Лин Берат под договором понимает соглашение между двумя или более лицами об установлении взаимных

прав и обязанностей [15, с. 513]. Эти определения позволяют заключить, что не всякое соглашение, по мнению доктрины ЮАР, может признаваться договором.

Рассмотрим положения ряда нормативно-правовых актов, закрепляющих определение понятия «соглашение» (agreement). Согласно ст. 1 Закона ЮАР «О защите прав потребителей» 2008 г. [7] и ст. 1 Закона ЮАР «О национальном потребительском кредитовании» 2005 г. [16] (далее – Закон о потребительском кредитовании), соглашением является договоренность или взаимопонимание между двумя или более сторонами об установлении между ними правовых отношений. Согласно Закону ЮАР «О компаниях» 2008 г. [5], «соглашением, включая договор, является договоренность или взаимопонимание между двумя или более сторонами, об установлении прав и обязанностей между ними». Закон ЮАР «Об отчуждении земель» 1981 г. [3] (далее – Закон об отчуждении земель) определяет договор как соглашение или несколько соглашений, вместе составляющие одно целое, вне зависимости от своей формы. Этот небольшой обзор законов ЮАР также показал, что законодательство содержит определение понятия «соглашение», выступающее более общим понятием по сравнению с понятием «договор».

Ряд исследователей [19, с. 9–64; 20] полагает, что к договорам относятся лишь те соглашения, которые включают в себя ряд существенных элементов: 1) соглашение должно быть направлено на исполнение обязательств сторонами в будущем либо на воздержание от совершения действия, составляющего суть обязательства; 2) стороны должны быть дееспособными; 3) стороны должны иметь серьезные намерения по исполнению возложенных на них договором обязательств, либо воздержанию от совершения действия, составляющего суть обязательства; 4) соглашение должно быть заключено в письменном виде, а в некоторых случаях и с соблюдением определенных формальных требований (например, нотариальное удостоверение брачного договора); 5) со-

глашение не должно противоречить статутному праву, публичному порядку и добрым нравам при его заключении, во время исполнения и по достижении конечной цели. При наличии вышеперечисленных пяти существенных элементов соглашение становится юридически обязательным договором для каждой из сторон.

Наличие *встречного удовлетворения* (consideration), характерное для стран англо-саксонской правовой семьи [1, с. 530, 544–548], не является обязательным условием действительности договора в праве ЮАР. Надо сказать, что споры относительно того, является ли встречное удовлетворение необходимым элементом договора, велись в южноафриканской правовой доктрине долгое время [17, с. 166–173]. Так, например, к концу XIX в. под влиянием английского общего права, в частности доминирующих взглядов председателя Высокого суда, Лорда Генри де Вильерса, суды придерживались точки зрения, согласно которой встречное удовлетворение представляет собой «услугу за услугу» (*quid pro quo*) и таким образом является необходимым элементом договора, отсутствие которого делает договор недействительным. Спустя почти полвека позиция судов изменилась, и уже в деле *Conradie v. Rossouw* в 1919 г. суд постановил, что договор (contract), имеющий юридическую силу, может состоять из любого серьезного и обдуманного соглашения (agreement), совершенного с целью создания правового обязательства [6, с. 35]. В настоящее время наличие встречного удовлетворения существенным элементом договора в праве ЮАР не является.

Характерные черты договора в праве ЮАР проявляются в следующем: 1) договор является юридическим действием. Это означает, что закон придает определенные правовые последствия намерениям сторон. Стороны должны быть осведомлены о том, что своими действиями создали правовые обязательства; 2) договор – это всегда двухстороннее либо многостороннее соглашение. Договор не может быть

односторонним; 3) договор является обещанием одной или обеих сторон по исполнению ряда обязательств: дать что-либо, сделать что-нибудь либо воздержаться от совершения какого-либо действия. Исполнимость обещаний в праве ЮАР обеспечивается в основном путем облечения договора в письменную форму, а также нотариальным удостоверением, государственной регистрацией (для договоров по отчуждению земель) и т.д. [14]; 4) договор, как правило, является возмездным, т.е. обязательство одной стороны совершается в обмен на исполнение обязательства другой стороной. Если в торговом обороте возмездность договоров презюмируется [1, с. 498]; то в гражданском обороте могут встречаться договоры, которые по своему характеру могут быть и безвозмездными (например, договор дарения).

Наличие юридически обязывающего характера договора еще не означает, что закон неизбежно вынуждает его стороны к исполнению своих обязательств, поскольку законом не предусмотрена возможность вынуждать лиц, заключивших договор, исполнять его положения. Наличие юридически обязывающего характера всякого договора лишь говорит о том, что каждая сторона должна в срок и надлежащим образом исполнить его условия. Несоблюдение данных положений приводит к возникновению у другой стороны (исполняющей свои обязательства в должном и предусмотренном договором порядке) права на подачу искового заявления в суд о возмещении убытков (*action for damages*) за неисполнение либо ненадлежащее исполнение договорных условий. При этом бремя доказывания наличия договора возлагается на сторону, которая утверждает, что договор существует [9, с. 20].

К основным принципам, на которых основывается договор, относятся: 1) принцип свободы договора (*freedom of contract*), который не нуждается в комментариях ввиду его интернациональности; 2) принцип неприкосновенности договора (*sanctity of contract*), тесно примыкающий к принципу

свободы договора, согласно которому стороны, правомерно вступившие в договор, должны почитать свои обязанности (honor their obligations), вытекающие из такого договора; 3) принцип соблюдения добрых нравов (good faith), согласно которому, вступая в договорные отношения, стороны должны действовать честно и справедливо, а также таким образом, чтобы не нарушать права друг друга, связанные с исполнением договора; 4) принцип (доктрина) «договорной связи» (privity of contract), воспринятый из Англии, в рамках которого договор в пользу третьего лица не имеет правового основания и может служить источником прав и обязанностей только для его участников [1, с. 501; 9, р. 21].

В правовой доктрине ЮАР также выделяются три основные теории, претендующие на объяснение сущности договора: 1) теория воли сторон (will theory); 2) заявительная теория (declaration theory); 3) теория предположения (reliance theory). Каждая из них имеет свои особенности. Так, согласно *теории воли*, в основу любого договора входит воля сторон, т.е. встреча намерений сторон для достижения согласия (meeting of the minds of the parties). При этом, если одна из сторон была введена в заблуждение относительно одного из существенных элементов договора, такой договор считается не заключенным; ни одна из сторон не связана условиями данного договора, и каждая из них может требовать возвращения фактически исполненного. Согласно *заявительной теории* основу договора составляет не столько наличие в нем (содержательно) совпадающих волей сторон, сколько их внешнее выражение, которое должно быть проявлено в действиях сторон вовне. Данная концепция была впервые разработана в 1924 г. в деле *South African Railways & Harbours v. National Bank of South Africa, Ltd.* Судья по итогам рассмотрения дела заявил следующее: «Закон не может регулировать намерения сторон договора, но может распространять свое действие на их внешние проявления. Даже если с философской точки зрения намерения сторон не совпали, а их дейст-

вия говорят об обратном, законом будут приняты во внимание действия и будет определено, что намерения сторон договора совпали и что стороны заключили договор на тех условиях, на которых изначально рассчитывали или подразумевали. Это единственный практический путь, по которому суд может определить истинные условия договора» [18]. В правовой доктрине ЮАР высказывается критика в адрес данной теории [14, с. 20–25]. Суть *теории предположения* в том, что договор считается основанным на намерении одной из сторон соглашения, а также на ее разумном представлении или предположении о том, что другая сторона имеет такие же намерения. Эта теория в какой-то степени дополняет теорию воли: так, если обе стороны имеют одинаковые намерения, считается, что их действия согласованы, а выяснение наличия какого-либо представления у одной стороны относительно намерений другой не требуется. Если одной или обеими сторонами были допущены существенные нарушения в части фактического исполнения условий договора, в связи с чем констатируется отсутствие согласованности, – теория предположения признает соглашение договором, если одна из сторон в разумных пределах предполагала, что намерения сторон договора были согласованными. Теория предположения была применена в деле *Hodgson Brothers v. South African Railways and Harbours* 1928 г. [12]. Таким образом, согласно теории предположения, сторона, которая хочет, чтобы его предположение было признано судом, должна доказать, что предположение было разумным в пределах имевшихся обстоятельств.

В отношении классификации договорных условий современная доктрина и судебная практика ЮАР представляют собой смесь между континентальной и англо-саксонской моделями, с превалированием подходов англосаксонской системы права. Отметим в этой связи, что в праве стран континентальной Европы договорные условия принято делить на: 1) основные (*essentialia*) – условия без которых договор не

может существовать (например, вещь в договоре купли-продажи имущества); 2) обыкновенные (*naturalia*) – условия, которые соответствуют диспозитивным нормам права (например, указание времени, когда договор вступает в силу) и случайные (*accidentalia*) – условия, которые по своей природе и характеру не являются ни основными, ни обыкновенными, а устанавливаются для конкретного договора между конкретными сторонами (например, указание в договоре купли-продажи имущества условия о том, что сумма по договору может быть оплачена только в определенных банковских учреждениях). А в праве Англии и США судебная практика выработала иную классификацию условий договора: они делятся на 1) прямо выраженные и 2) подразумеваемые условия (*express and implied terms*) [1, с. 518–521]. *Прямо выраженные* условия конкретно и однозначно согласуются сторонами и формулируются при составлении договора (устного или письменного). Такие условия также могут быть включены в договор посредством ссылки на один или несколько документов. *Подразумеваемые условия* однозначно сторонами не согласуются, но, тем не менее, являются составной частью договора. Они также являются обыкновенными условиями и обычно влекут за собой правовые последствия, однако в некоторых случаях могут быть изменены или исключены сторонами.

В ЮАР законодательство, например, в сфере защиты прав потребителей применительно к условиям договора устанавливает, что внимание потребителей, прежде всего, должно быть обращено на определенные категории оговорок и предупреждений, которые могут говорить о возможном нанесении им ущерба (напр., ст. 49 Закона ЮАР «О защите прав потребителей» 2008 г.). В отношении существенных или непредвиденных рисков потребители должны выразить свое согласие путем проставления подписи на соответствующих документах. Таким образом, такого рода условия никогда не могут быть подразумеваемыми, но должны обо-

значаться как явно выраженные. Как правило, подразумеваемые условия договора вытекают из положений общего или статутного права, а также торгового обычая или обыкновения. Для своего применения последние должны соответствовать нескольким требованиям: 1) быть постоянными и универсальными; 2) быть разумными и известными подавляющему большинству людей, занимающихся торговлей; 3) существовать на протяжении долгого времени; 4) не противоречить действующему законодательству страны и прямо выраженным условиям договора. Такие требования к торговым обыкновениям были выработаны судьей Корбэтом в деле *Golden Cape Fruits v. Fotoplate* в 1973 г. [11]. В качестве примера применения торговых обыкновений как подразумеваемых условий договора до 1973 г. можно привести также прецедент на основе дела *Coutts v. Jacobs* 1927 г. [8]. Так, в данном деле Джейкобс передал товар Коутсу (агенту по продажам товаров), который, продав их, потребовал от первого комиссионные. Джейкобс отказался их платить, и Коутс обратился в суд. Суд постановил, что оплата комиссионных агентам по продажам товаров из шерсти является торговым обыкновением.

Выявленная и применяемая в ЮАР классификация договорных условий была выработана доктриной и судебной практикой. Однако приверженность выявленным общепринятым моделям классификаций договорных условий не говорит о том, что право ЮАР ограничивается лишь простым дублированием их положений. Так, например, профессор Университета Родса (Rhodes University) А.Д. Керр предложил собственную классификацию договорных условий для договорного права ЮАР [14]. Она довольно широко применяется в ЮАР. Так, проф. А.Д. Керр делит все договорные условия на: 1) постоянные (неизменные) условия (*invariable terms*) – без которых договор не может существовать и которые стороны не вправе изменить. К ним относятся: а) основные условия (*essentials terms*); б) условия, возложенные ста-

тутным правом (terms, imposed by statute); 2) прямо выраженные условия (expressed terms) – устанавливаются сторонами; 3) подразумеваемые условия (implied terms) – включаются в договор по смыслу; 4) остальные условия (residual terms) – они могут быть возложены законом и включаются в договор в случае отсутствия трех вышеперечисленных условий. Подобная классификация служит подтверждением смешанного характера некоторых положений доктрины в договорном праве ЮАР в части классификации условий договора, поскольку включает в себя как характерные для стран англо-саксонской правовой семьи, прямо выраженные и подразумеваемые условия, так и элементы, характерные для стран континентальной правовой семьи (например, основные условия).

Л и т е р а т у р а

1. Гражданское и торговое право зарубежных государств. Т. I / отв. ред. Е.А. Васильев, А.С. Комаров. – М.: Международные отношения, 2006.
2. Правовые системы стран мира: энциклопедический справочник / отв. ред. А. Я. Сухарев. – М.: Изд-во НОРМА, 2003.
3. Alienations of Land Act No. 68 of 1981 (as amended by Act No. 103 of 1998) // Government gazette, Vol. 401, 27 November of 1998, № 19517. URL: http://www.sapoa.org.za/images/legal/acts/Alienation_of_Land_Act_68_of_1981.pdf (дата обращения: 05.08.2013).
4. *Black Alexander J.* Undue Influence and Unconscionability in Contracts and the Equitable Remedy of Rescission in Canada // *New England Journal of International and Comp. Law*, v. XVII, 2011.
5. Companies Act No. 71 of 2008 // Government gazette, Vol. 526, 9 April of 2009, № 32121. URL: <http://www.info.gov.za/view/DownloadFileAction?id=98894> (дата обращения: 05.08.2013).
6. *Conradie v. Rossouw* 1919 AD 279 at. 324. Цит. по: Frans Rautenbach. The history of the Cape Provincial Division // *Advocate*. – April 2010. URL: <http://www.sabar.co.za/law-journals/2010/april/2010-april-vol023-no1-pp34-36.pdf> (дата обращения: 05.08.2013).

7. Consumer Protection Act No. 68 of 2008 // Government gazette, Vol. 526, 29 April of 2009, № 32186. URL: <http://www.info.gov.za/view/DownloadFileAction?id=99961> (дата обращения: 05.08.2013).
8. *Coutts v. Jacobs*. 1927 EDL 120.
9. *Du Plessis, Jacques et al. Dale Hutchison, Chris-James Pretorius, Mark Townsend and Helena Janisch, ed.* The Law of Contract in South Africa. Cape Town, Western Cape: Oxford University Press, 2010.
10. *Farlam and Hathaway*. Contract: cases, materials and commentary / G.F. Lubbe and C.M. Murray (Eds). 3rd ed., Cape Town: Juta and Co., 1988.
11. *Golden Cape Fruits v. Fotoplate*. 1973 (2) SA 642 (C).
12. *Hodgson Brothers v. South African Railways and Harbours*. 1928 CPD 257.
13. *Hutchison D., Pretorius C-J. et al.* The Law of Contract in South Africa. South Africa: Oxford University Press, 2009, 1st ed.
14. *Kerr A.J.* The Principles of the Law of Contract. 6th edition, Butterworths: Durban, 2002.
15. *Lynn Berat*. South African Contract Law: The Need for a Concept of Unconscionability // Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review. Vol 4. Issue 3. 1992. URL: <http://digitalcommons.lmu.edu/ilr/vol14/iss3/4> (дата обращения: 05.08.2013).
16. National Credit Act No. 34 of 2005 // Government gazette. Vol. 489. 15 March of 2006. № 28619. URL: <http://www.info.gov.za/view/DownloadFileAction?id=67888> (дата обращения: 05.08.2013).
17. *Richard Zimmermann, Daniel Visser, ed.* Southern Cross: Civil law and common law in South Africa. Oxford University Press, 1996.
18. *South African Railways & Harbours v. National Bank of South Africa, Ltd* 1924 AD 704 (SA Railways) at 715-6.
19. *Wessels J.W.* The law of contract in South Africa. 1951. P. 12–24;
20. *Farlam I.G., Hathaway E.W.* A casebook on the South African law of contract. – Juta, 1979.

А.Е. Конева

ПРАВООЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СООБЩЕСТВА РАЗВИТИЯ ЮЖНОЙ АФРИКИ*

Сообщество развития Южной Африки (САДК) представляет собой субрегиональное интеграционное объединение в Южной Африке, целью которого является создание зоны свободной торговли на территории государств-членов. САДК было создано в результате преобразования Координационной Конференции по развитию Юга Африки в 1992 г. в международную организацию. В состав САДК входит 15 стран: Ангола, Ботсвана, ДРК, Лесото, Мадагаскар, Малави, Мавритания, Мозамбик, Намибия, ЮАР, Танзания, Свазиленд, Замбия и Зимбабве.

В соответствии с Учредительным договором САДК [1] основной целью Сообщества является укрепление сотрудничества в сфере экономики, политики и безопасности в регионе. В частности, Сообщество стремится к улучшению экономического благосостояния стран-участников, большей интеграции экономик, преодолению бедности и повышению уровня жизни людей, проживающих в его странах.

В соответствии со ст. 4 Учредительного договора к организационным принципам, которым обязаны следовать государства-члены, относятся уважение прав человека, демократическое правление и верховенство права. Интересно, что на положения именно этой статьи ссылались главы государств – членов САДК, принимая решение о приостановлении членства Мадагаскара после государственного переворота в 2009 г. [2]. Данный факт, безусловно, подчеркивает важность принципа защиты прав человека для Сообщества.

Правозащитная деятельность САДК развивается по нескольким направлениям.

* Статья публикуется в рамках гранта РГНФ (Проект №12-33-01428).

Нищета и низкий уровень развития являются важнейшими проблемами, которые препятствуют прогрессивному социальному и человеческому развитию САДК. В соответствии с данными, представленными Международным Советом по Социальному Благосостоянию, примерно половина населения региона живет за чертой бедности согласно международному стандарту бедности, установленному в размере 1 доллар в день [4]. Такие показатели обусловлены рядом факторов: 1) высокие уровни заболеваемости, в особенности ВИЧ/СПИД, малярией и туберкулезом; 2) социальные и гражданские конфликты; 3) природные катастрофы; 4) периодические засухи, такие как периодические засухи и наводнения, которые снижают уровень продовольственной безопасности; 5) безработица; 6) низкий рост промышленного производства и производительности, что усиливается высоким уровнем миграции квалифицированной рабочей силы из региона.

Озабоченные данными вызовами, государства – члены САДК приняли Региональный индикативный стратегический план 2003 г. Этот документ обозначил **ряд долгосрочных целей в области социального и человеческого развития**, которые, как представляется, во многом соответствуют Целям развития тысячелетия, предусмотренным в Декларации тысячелетия 2005 г. [5] Так, государства – члены САДК поставили перед Сообществом следующие цели:

1) все государства-члены должны ввести всеобщее начальное образование и предоставить гарантии прохождения полного курса начального обучения для всех детей к 2015 г.;

2) сократить разрыв в темпах зачисления в учебные заведения между девочками и мальчиками не позднее чем к 2015 г.;

3) сократить смертность детей в возрасте до 5 лет на две трети по сравнению с уровнем смертности в 1990 г. во всех государствах-членах к 2015 г.;

4) сократить материнскую смертность на две трети по сравнению с уровнем 1990 г. во всех государствах-членах к 2015 г.;

5) все государства-члены должны остановить прогрессирующее и обратить вспять распространение малярии и других серьезных заболеваний к 2015 г.

Для усиления мер, предпринимаемых в регионе в целях борьбы с нищетой, 20 апреля 2008 г. государства – члены САДК подписали Декларацию по искоренению нищеты и устойчивому развитию, в которой государства-члены признают необходимость удвоить свои усилия по достижению Целей развития тысячелетия, уделяя особое внимание таким проблемам, как нехватка продовольствия, изменение климата и низкий уровень развития инфраструктуры.

В рамках САДК предпринимаются попытки улучшения уровня жизни населения путем устранения препятствий для **доступа к достаточному питанию**. С этой целью была разработана Декларация о сельском хозяйстве и продовольственной безопасности 2004 г. [6], которая подтверждает приверженность государств к совершенствованию сельского хозяйства как средства улучшения доступа людей к питанию в регионе. Государства-члены соглашаются выполнять цели краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного характера.

Значительные усилия также направлены на охрану здоровья населения региона. Государства – члены САДК стремятся обеспечить приемлемый уровень здоровья всех жителей и осуществить задачи, поставленные в рамках провозглашенной Всемирной организацией здравоохранения стратегии «Здоровье для всех» к 2020 г. С этой целью Сообщество разработало Политику в области здравоохранения САДК, одобренную Советом министров САДК в 2000 г., которая направлена на повышение уровня здоровья до приемлемого путем поощрения, координации и поддержки инициатив государств-членов по увеличению доступа к высокоэффективной медицинской помощи.

Одним из важнейших инструментов, гарантирующих **право на здоровье** в САДК, является Протокол о здоровье 1999 г. (вступил в силу в 2004 г.) [7]. Этот документ предусматривает необходимость сотрудничества в борьбе с инфекционными и неинфекционными заболеваниями, а также решении общих проблем здравоохранения, включая предоставление экстренных медицинских услуг, управление действиями по ликвидации последствий стихийных бедствий, а также массовые закупки основных лекарственных средств.

В регионе Южной Африки отмечается самый высокий в мире уровень заболеваемости ВИЧ/СПИД [8]¹, что ставит под угрозу устойчивое развитие САДК и является одной из самых серьезных проблем, стоящих перед САДК.

В этой связи 4 июля 2003 г. государства – члены Сообщества подписали Декларацию по борьбе с ВИЧ/СПИД в регионе САДК, тем самым подтвердив приоритетное значение ВИЧ/СПИД в борьбе с эпидемиями в Южноафриканском регионе.

В данной Декларации государства-члены согласились: 1) направлять усилия на учреждение кампаний по предотвращению и социальной мобилизации, 2) создавать благоприятные условия для искоренения болезни, 3) обеспечивать необходимое финансирование в области здравоохранения, 4) направлять соответствующие ресурсы на выполнение Стратегических рамок по борьбе с ВИЧ/СПИД по 2010–2015 гг., 5) укреплять механизмы по мониторингу и оценке в целях улучшения обмена информацией.

В области образования и профессиональной подготовки государства-члены САДК исходят из факта права каждого государства суверенно разрабатывать собственную политику. Они полагают также вывести укрепление сотрудни-

¹ Согласно данным Объединенной программы ООН по ВИЧ/СПИДу (ЮНЭЙДС), в 2009 г. около 34 % всех людей, живущих с ВИЧ/СПИД, являются жителями региона САДК.

чества и взаимной помощи в данной сфере на качественно новый уровень посредством гармонизации и стандартизации национальных стратегий в области образования и профессиональной подготовки в государствах региона Южной Африки.

Протокол о развитии образования и профессиональной подготовки в САДК 1997 г. определяют следующие сферы сотрудничества: начальное образование, среднее образование и профессиональная подготовка, высшее образование и профессиональная подготовка, научные исследования и разработки, непрерывное образование, издательские и библиотечные ресурсы.

Немаловажно отметить, что помимо вышеобозначенных достижений, Южноафриканский регион добился значительных успехов в усилении **участия граждан в процессах принятия решений**, а также укреплении демократических практик и деятельности демократических институтов. В ст. 5 Учредительного договора САДК обязывает государства-члены содействовать продвижению общих политических ценностей, которые реализуются посредством создания легитимных и эффективных демократических институтов.

В 2001 г. государства – члены САДК подписали Протокол САДК по вопросам политики, обороны и безопасности [3], который обозначил цели созданного в 1996 г. Органа САДК по вопросам политики, обороны и безопасности, а именно: разработку общей внешней политики в регионе, предотвращение и урегулирование внутри- и межгосударственных кризисов в регионе, включая проведение миротворческих операций, ликвидацию последствий стихийных бедствий, а также подготовку и проведение совместных учений государствами – членами Сообщества. Примечательно, что в задачи Органа входит поощрение развития демократических институтов и практик на территории государств – членов Сообщества, а также содействие защите универсальных прав человека, закрепленных в Уставе ООН и конвенциях, соз-

данных в рамках ООН и Африканского Союза (п. g) п. 2 ст. 2 Протокола.

Помимо вышеуказанных документов, особого внимания заслуживают Принципы и руководства САДК по проведению демократических выборов (**Principles and Guidelines Governing Democratic Elections**), принятые на саммите глав государств САДК в 2004 г., которые являются необходимым базисом обеспечения **гражданских и политических прав** граждан в регионе. Они фокусируют свое внимание на праве граждан участвовать в управлении страной, принимать участие в политических решениях, создавать институты гражданского общества и свободно критиковать власть, если она не удовлетворяет потребности граждан. Также предусматривается создание миссий САДК для наблюдений за выборами, и каждое государство – член Сообщества может пригласить эту миссию во время выборов, в подтверждение честности проводимых выборов.

В 2003 г. в рамках Сообщества был принят важнейший документ, декларирующий **экономические и социальные права** человека – Хартия об основных социальных правах человека [9], которая направлена на **создание гармоничных трудовых отношений** в регионе путем поощрения тесных и активных консультаций между социальными партнерами. Хартия способствует разработке и согласованию правовых, экономических и социальных стратегий и программ, которые направлены на предоставление возможностей трудоустройства для всех категорий людей. Она гарантирует право каждого человека на справедливое вознаграждение за свой труд, право на достойные условия труда, право создавать и вступать в ассоциации работников, право на здоровье и питание, право на образование. Вместе с этим в Хартии получили закрепление права отдельных категорий лиц: женщин, детей, молодежи и людей с ограниченными возможностями.

Особое место в правозащитной деятельности САДК занимает **защита прав женщин**. Помимо Учредительного договора САДК, в котором закреплен запрет на дискриминацию по признаку пола (ст. 6 (2)), государства – члены САДК также приняли Декларацию САДК по вопросам гендерных отношений и развития в 1997 г. и в 1998 г. Приложение к ней по вопросам насилия [10]. Декларация объединила в себе положения ряда международных документов: Найробийские перспективные стратегии в области улучшения положения женщин 1985 г., Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., Пекинская декларация 1995 г. и Пекинская платформа действий 1995 г. Страны САДК взяли на себя обязательство уделять самое пристальное внимание защите интересов женщин в социально-экономической, культурной и политической сферах. Государства – члены САДК также взяли на себя обязательства обеспечить более свободный доступ женщин к таким производственным ресурсам, как землепользование [11], и увеличить степень занятости среди женщин, что должно позволить снизить уровень бедности (ст. Н (iii) Декларации), а также значительно облегчить женскому населению доступ к образованию и медицинскому обслуживанию. Основываясь на ст. 18 (2) Африканской хартии по правам человека и народов 1981 г., авторы Декларации САДК по вопросам гендерных отношений и развития потребовали от стран-участниц обеспечить активное продвижение прав женщин и детей (ст. Н (x) Декларации).

Важнейшим этапом на пути усиления защиты и расширения прав женщин стало принятие в 2008 г. *Протокола по гендерному равенству и развитию* [12], в котором признается необходимость равенства в правах мужчин и женщин, ограничение насилия в отношении женщин и детей, необходимость свободного доступа женщин к работе и феминизации власти, уравнение семейных прав и обязанностей мужчины и женщины. В преамбуле Протокола содержится ссыл-

ка на Протокол по правам женщин 2003 г. [13] к Африканской хартии по правам человека и народов 1981 г. (Протокол Мапуту). Этот Протокол 2008 г. обязал государства – участники САДК к 2015 г. принять законодательные меры для закрепления гендерного равенства, а также принять иные меры, которые необходимы для искоренения насилия в отношении женщин и детей, часто оправдываемые религиозными обрядами и традициями. В Протоколе САДК зафиксированы 23 прогрессивные цели, которые должны быть достигнуты к 2015 г. Среди основных целей можно отметить следующие: женщины будут занимать 50 % руководящих должностей в частном и государственном секторах (сегодня, к примеру, в парламенте ЮАР женщины составляют 45 %, в Мозамбике – 39,2 %, Анголе 36,6 %, Танзании – 36 % и т.д.) [14]; обеспечение равного участия женщин и мужчин в экономической разработке и осуществлении политики; принятие комплексного подхода к снижению гендерного насилия в два раза. Протокол призывает к активизации профилактики, лечению и поддержке ВИЧ-инфицированных и больных СПИД.

Примечательно, что Протокол по гендерному равенству и развитию вступил в силу в 2013 г., когда количество его ратификаций достигло необходимых двух третей от числа государств – членов САДК [15].

Следует отметить, что, несмотря на достигнутый успех, в Южноафриканском регионе большинство женщин до сих пор находятся во власти культурных традиций и предрассудков, оправдывающих нарушение их прав и свобод. Исходя из этого представляется, что в рамках САДК необходимо приложить как можно больше усилий для предоставления женщинам прав и возможностей и улучшения их экономического, политического и социального статуса как в рамках семьи, так и на общенациональном и региональном уровнях. В этой связи, в частности, необходимо принимать меры по повышению уровня правосознания жителей региона САДК.

Говоря о правозащитной деятельности, реализуемой в рамках САДК, необходимо обратиться к судебному органу Сообщества – **Трибуналу САДК** (см. [16]). Главы государств – членов САДК приняли Протокол о Трибунале САДК и его Правила процедуры в 2000 г. [17], в которых уточняются его полномочия. Трибунал САДК может толковать положения Учредительного договора САДК 1992 г., Протоколы к нему, более того, юрисдикция суда распространяется на все вопросы, регулируемые другими соглашениями, заключенными в рамках Сообщества и признающими юрисдикцию Трибунала (ст. 14 Протокола). Суд может рассматривать споры между государствами и индивидуальными лицами или юридическими лицами при условии исчерпания всех возможных внутренних средств правовой защиты.

Дела о нарушении конкретных прав человека не упоминаются в учредительных документах, однако судьи Трибунала САДК усмотрели компетенцию суда рассматривать индивидуальные жалобы на нарушение прав человека путем толкования положений Протокола в совокупности с преамбулой Учредительного договора и его статьями.

С самого начала своей работы Трибунал подвергался критике за превышение своего мандата ввиду рассмотрения дел, связанных с нарушением прав человека, поскольку содержание положений о правах человека Учредительного договора имело второстепенное значение [18, р. 109] и Трибунал был создан в основном для разрешения споров, связанных с осуществлением экономических и политических программ внутри Сообщества, а не споров о нарушении прав человека.

В отличие от Трибунала САДК, компетенция в области разрешения споров о нарушении прав человека Суда Экономического Сообщества Западноафриканских государств (ЭКОВАС) четко прописана в Дополнительном протоколе, изменяющем Протокол о Суде ЭКОВАС 2005 г.

Более того, Трибунал не имел четкого механизма принудительного обеспечения выполнения его решений. Согласно ст. 24 Протокола, решения Трибунала являются окончательными и обязательными. Государства обязаны придавать им юридическую силу в национальных правовых системах (ст. 32). Предполагалось, что саммит глав – государств САДК мог вмешаться в ситуацию в случае невыполнения решений Трибунала (ст. 33). Такой механизм был охарактеризован в доктрине как «тигр без зубов» [19, p. 179].

Трибунал САДК рассмотрел ряд споров, связанных с защитой прав человека, что в конечном счете привело к тому, что деятельность Трибунала была де-факто приостановлена в 2010 г. на саммите САДК, а 17 августа 2012 г. саммит САДК в Мапуту (Мозамбик) принял решение, что мандат Трибунала должен ограничиваться интерпретацией Учредительного договора САДК и протоколов, касающихся споров между государствами – членами САДК.

Представляется целесообразным изложить суть дела «*Майк Кэмбелл против Зимбабве*» [20], которое послужило поводом для ограничения юрисдикции Трибунала. Дело было инициировано Майклом Кэмбеллом – белым фермером, чьи земли были отчуждены в рамках проводимой правительством Зимбабве государственной земельной реформы. К его иску присоединились другие белые фермеры, которые тоже были незаконно выселены со своих земель и не получили удовлетворения в национальных судах. Основанием жалобы явилось нарушение права на надлежащую правовую процедуру и расовая дискриминация. Трибунал заключил, что он обладает юрисдикцией для рассмотрения дела, поскольку спор касается «прав человека, демократии и верховенства закона», которые являются обязательными принципами для государств – членов САДК. В своем решении в 2008 г. Трибунал постановил, что г-н Кэмбелл и другие землевладельцы были лишены права на справедливое судебное разбирательство в своей стране. Более того, Трибунал постановил, что

метод осуществления реформы, проводимой правительством Зимбабве, является дискриминационным, так как больше притесняет права белых фермеров. Трибунал признал за истцами право на справедливую компенсацию за отчужденные земли [21].

Решение не получило поддержку со стороны Зимбабве, после указанного решения Трибунала САДК в 2009 г. министр юстиции Патрик Чинамаса письменно уведомил Трибунал о том, что не считает решение легитимным, так как Трибунал не обладал юрисдикцией принимать такое решение. Верховный суд Зимбабве также отказался исполнить решение Трибунала, так как оно подрывало бы авторитет Верховного суда, вынесшего до этого по данному делу иное решение, и нарушало бы Конституцию Зимбабве, которая обладает высшей юридической силой.

Истцы обратились в Трибунал повторно в попытке призвать государство выполнить решение. В июле 2011 г. в решении по делу «Флик против Зимбабве» (совместная жалоба с истцами по делу «Майк Кэмпбелл») Трибунал удовлетворил требования истцов и подтвердил обязательство Зимбабве выполнить решение.

В ответ на это министр юстиции Зимбабве Патрик Чинамаса совершил серию визитов в государства – члены САДК и начал уговаривать своих коллег поддержать его позицию и приостановить деятельность Трибунала САДК [22].

В ходе саммита глав государств – членов Сообщества в 2010 г. было принято решение о пересмотре роли и функций Трибунала. По причине проведения данной процедуры Трибунал должен был приостановить свою деятельность.

На встрече глав государств – членов САДК в 2012 г. была принята резолюция, устанавливающая, что необходимо принять новый протокол, касающийся деятельности Трибунала САДК. Более того, в резолюции было указано, что его будущая деятельность должна ограничиться толкованием

Учредительного договора САДК и протоколов к нему в ходе разрешения споров между государствами-членами.

Такая мера не осталась незамеченной и вызвала резкую реакцию среди правозащитных кругов в Африке. В этом контексте необходимо отметить жалобу двух фермеров из Зимбабве², поданную в Африканскую комиссию по правам человека и народов (далее – Комиссия) [23, с. 22–25]. Комиссия приняла к рассмотрению дело о том, что решение глав государств – членов САДК о прекращении деятельности Трибунала нарушает положения Африканской хартии по правам человека и народов 1981 г. (далее – Хартия). Каждый из 15 государств – членов САДК является ответчиком по делу. Примечательно, что иные заинтересованные стороны – неправительственные организации Southern African Litigation Centre (SALC) и Pan African Lawyers Union (PALU) – также предпринимают попытки оспорить решение о роспуске Трибунала путем обращения в Африканский Суд по правам человека и народов с просьбой о вынесении им консультативного заключения о легитимности процесса роспуска Трибунала. Африканский Суд по правам человека и народов должен принять решение о том, нарушили ли меры, принятые на саммите САДК, право на справедливое судебное разбирательство, право на эффективное средство правовой защиты, а также право на независимый и беспристрастный суд [23].

Однако Африканский суд по правам человека и народов должен воздержаться от принятия консультативного заключения в случае, если Комиссия приняла к рассмотрению жалобу по аналогичному вопросу. В любом случае или Суд, или Комиссия должны высказаться по этому вопросу.

Таким образом, сложилась очень непростая ситуация. С одной стороны, не следует забывать, что государства обла-

² Дело Майка Кэмпбелла получило продолжение в лице преемников авторов жалобы – один из истцов в жалобе, поданной в Комиссию, является сыном одного из фермеров, подавших жалобу в деле Майка Кэмпбелла.

дают суверенитетом и свободны заключать и расторгать международные договоры. С другой стороны, доводы руководства Зимбабве о том, что решение Трибунала не является легитимным, так как оно подрывает авторитет Верховного суда и противоречит Конституции Зимбабве, противоречат положению Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 г. [24, р. 417] о недопустимости обоснования невыполнения международных обязательств ссылкой на положения национального права (ст. 27 Конвенции). Примечательно, что судебные органы ЮАР рассмотрели жалобы некоторых фермеров, лишенных своих земель в Зимбабве, об исполнении предписания Трибунала САДК о выплате компенсации, адресованного властям Зимбабве, и обращении взыскания на имущество Зимбабве, находящееся на территории ЮАР. Конституционный суд ЮАР постановил, что, невзирая на факт прекращения деятельности Трибунала САДК, его решения подлежат исполнению, и поддержал решение, вынесенное субрегиональным судом, который вынес приказ об обращении взыскания на недвижимое имущество Зимбабве [25].

В то же время необходимо четко обозначить мандат судебного органа Сообщества, так как недостаток ясного и убедительного изложения полномочий Трибунала относительно защиты прав человека в документах организации, в отличие от Дополнительного протокола о Суде ЭКОВАС, мог привести к убежденности государств в превышении Трибуналом своей компетенции.

Более того, необходимо усилить механизм исполнения решений Трибунала САДК. Трибунал САДК обладает широкими возможностями для оказания положительного воздействия в направлении более глубокой гармонизации законодательства и судебной практики стран субрегиона, при условии усиления механизмов контроля за исполнением решений Трибунала.

Государствам – членам САДК, как представляется, следует вступить в открытый диалог с целью достичь согласия относительно соотношения и обеспечения баланса между принципами суверенитета, регионализма, выполнения международных обязательств, верховенства закона и защиты прав человека [26]. Свой вклад в обеспечение верховенства права в Южной Африке могут внести решения Комиссии или Африканского суда, что объективно усилит роль субрегиональных механизмов по защите прав человека на континенте.

В целом в рамках САДК ведется активная деятельность в области защиты и поощрения прав человека, хотя это и не относится к основным целям Сообщества. Деятельность по защите прав человека в Южноафриканском регионе во многом способствует достижению Целей развития тысячелетия. В том числе значительные усилия государств – членов САДК направлены на поощрение равенства мужчин и женщин и расширение прав и возможностей женщин. Важнейшим достижением в этой сфере является разработка и принятие Протокола САДК по гендерному равенству и развитию 2008 г., который вступил в силу в 2013 г. Можно выразить надежду, что вступление в силу данного документа позволит вывести защиту прав женщин в регионе на новый уровень. Особого внимания заслуживает Трибунал САДК, восстановление функционирования которого может внести значительный вклад в защиту прав человека в регионе, поскольку права человека сегодня стали одним из основных критериев оценки экономической развитости и благополучия в данном регионе и с каждым днем они играют все большую роль в деятельности САДК и региона Африки в целом.

Л и т е р а т у р а

1. Treaty of the Southern African Development Community (SADC), 17.07.1992. URL: www.iss.co.za/AF/RegOrg/unity_to_union/pdfs/sadc/8SADC_Treaty.pdf

2. Communiqué of the Extraordinary Summit of SADC Heads of State and Government, 30 March 2009. URL: http://www.sadc.int/files/8213/5292/8385/SADC__Extraordinary_Summit-_March_2009.pdf.
3. Protocol on Politics, Defence and Security Co-operation 2001. URL: http://www.sadc.int/files/3613/5292/8367/Protocol_on_Politics_Defence_and_Security20001.pdf.
4. См. официальный сайт САДК. URL: <http://www.sadc.int/themes/social-human-development/>.
5. Резолюция ГА ООН 55/2 от 18.09.2000 г. Док. ООН A/RES/55/2.
6. Declaration on Agriculture & Food Security 2004. URL: http://www.sadc.int/files/6913/5292/8377/Declaration_on_Agriculture_Food_Security_2004.pdf
7. Protocol on Health 1999. URL: http://www.sadc.int/files/7413/5292/8365/Protocol_on_Health1999.pdf.
8. URL: <http://www.sadc.int/issues/hiv-aids/>.
9. Charter of the Fundamental Social Rights in SADC 2003. URL: http://www.sadc.int/files/6613/5292/8383/Charter_of_the_Fundamental_Social_Rights_in_SADC2003.pdf.
10. Gender and Development: A Declaration by Heads of State or Government of the Southern African Development Community (SADC) 1997; The Prevention and Eradication of Violence against Women and Children, An Addendum to the 1997 Declaration on Gender and Development by SADC Heads of State or Government, 1998. SADC Gender Monitor (1999) 1 at 33 and 37.
11. *Butegwa F.* Using the African Charter on Human and Peoples' Rights to Secure Women's Access to Land in Africa // *Human Rights of Women: National and International Perspectives* / ed. by R. Cook. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2004. – P. 495.
12. SADC Protocol on Gender and Development (17 August 2008). Текст Протокола доступен на сайте: http://www.sadc.int/files/8713/5292/8364/Protocol_on_Gender_and_Development_2008.pdf.
13. *Самке А.* Протокол к Африканской Хартии прав человека и народов 2003 года и защита прав женщин в Африке // Сборник научных трудов SWorld. По материалам международной

научно-практической конференции «Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития 2011». Т. 8. Юридические и политические науки. – Одесса: Черноморье, 2011. – С. 10-12.

14. *Takura Chamuka*. The SADC Gender Protocol: Are the 2015 Objectives Achievable? URL: <http://www.ngopulse.org/article/sadc-gender-protocol-are-2015-objectives-achievable>.

15. SADC gender protocol enters into force, Southern African News Features 13 No 5, February 2013. URL: <http://www.sardc.net/editorial/newsfeature/13050213.htm>.

16. *Солнцев А.М., Базадзе Д.М.* Субрегиональные механизмы защиты прав человека в Африке // Африка в поисках источников мира и развития: Ежегодник – 2013: сб. статей / под ред. Н.С. Кирабаева, Л.В. Пономаренко, В.И. Юртаева, Е.А. Долгинова. – М.: РУДН, 2013. – С. 116–134.

17. Protocol on Tribunal in Southern African Development Community and Rules of Procedure of the Southern African Development Community Tribunal. URL: http://www.sadc.int/files/1413/5292/8369/Protocol_on_the_Tribunal_and_Rules_thereof2000.pdf

18. *Kaime T.* SADC and Human Rights: Fitting Human Rights into the Trade Matrix // African Security Review. – 2004. – № 13 (1).

19. *Ruppel Oliver C., Bangamwabo Francois X.* The SADC Tribunal: A Legal Analysis of its Mandate and Role in Regional Integration // Monitoring Regional Integration in Southern Africa Yearbook. – 2009. – № 8.

20. Mike Campbell (Pvt) Limited and Others v Zimbabwe (2008) AHRLR 199 (SADC 2008). URL: <http://www1.chr.up.ac.za/index.php/human-rights-news/509-zimbabwe-mike-campbell-pvt-limited-and-others-v-zimbabwe-2008-ahrlr-sadc-2008.html>.

21. *Naldi Gino J.* Mike Campbell (Pvt) Ltd et al v The Republic of Zimbabwe: Zimbabwe's land reform Programme Held in Breach of the SADC Treaty // 53 Journal of African Law. – 2009. – P. 311.

22. Nathan, Solidarity Triumphs over Democracy – The Dissolution of the SADC Tribunal // 57 Development Dialogue, 2011. URL: <http://www.dhf.uu.se/publications/developmentdialogue/dd57/>.

23. *Абашидзе А.Х., Солнцев А.М.* Юбилей африканской системы прав человека и народов // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 2 (45).

24. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 года // UNTS. – 1980. – Vol. 1155, 1-18232.

25. *Kameel Premhid, Bob Fights Back: Robert Mugabe and the Sadc Tribunal*, 11 July 2013. URL: <http://voices.news24.com/kameel-premhid/2013/07/bob-fights-back/#.Ud7nip00LBw.email>.

26. Harare, Regionalism, sovereignty threaten SADC, 29 March 2011. URL: <http://sap4africa.net/news/regionalism-sovereignty-threaten-sadc>.

В.В. Голубев

СУД ЭКОВАС: ЮРИСДИКЦИЯ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ СТРУКТУРА *

Современное экономическое развитие государств отличается динамичный количественный рост интеграционных процессов, реализуемых в различных территориальных рамках и охватывающих широкие сферы человеческой деятельности.

Помимо стремления государств к созданию единой всеобъемлющей торговой системы на базе Всемирной торговой организации (ВТО) одним из основных направлений сближения государств в области международной торговли товарами и услугами является процесс региональной интеграции, который выражается в создании различного рода региональных интеграционных объединений между соседствующими странами.

Подавляющее большинство государств – членов Всемирной торговой организации состоят, по меньшей мере, в одном региональном интеграционном объединении. К ноябрю 2012 г. ВТО было получено более 500 уведомлений о заключении региональных торговых соглашений, при этом 242 из них к настоящему моменту остаются в силе [3].

Межгосударственные интеграционные процессы получили повсеместное развитие практически на всех крупнейших континентах. На европейском континенте странам – членам Европейского союза (ЕС) удалось достичь наиболее продвинутой из существующих форм интеграционных объединений – валютного и экономического союза. Также существенным образом происходило сближение стран в Северной и Южной Америке, что привело к созданию таких интеграционных образований, как Североамериканская зона свобод-

* Статья публикуется в рамках гранта РГНФ (Проект №12-33-01428).

ной торговли (НАФТА) и Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР).

Важно отметить, что развитие интеграционных процессов также продолжается и на уровне сотрудничества интеграционных объединений друг с другом. Так, ЕС и МЕРКОСУР подписали Рамочное межрегиональное соглашение о сотрудничестве, в котором стороны приходят к необходимости постепенной либерализации международной торговли и подготовке к созданию межрегиональной ассоциации [4]. В 2008 г. между ЕС и государствами, образующими Карибский форум (КАРИФОРУМ), было заключено Соглашение об экономическом партнерстве, которое содержит в себе положения о всеобъемлющем сотрудничестве в области международной торговли и существенном снижении импортных тарифов [10]. Также следует отметить и последние переговоры между интеграционными объединениями, а также входящими в них государствами по образованию континентальных зон преференциальной и свободной торговли. К таким перспективным проектам можно отнести Зону свободной торговли Америк (ФТАА) и Азиатско-Тихоокеанскую зону свободной торговли (ФТААП).

Однако никакая межгосударственная интеграция не может проистекать без наличия соответствующей нормативно-правовой базы и постоянных процессов по гармонизации действующего национального законодательства государств-членов. Опыт Европейского союза в данной области наиболее важен, так как показывает нам возможность взаимодействия и создания норм права не только на локальном и международном уровне, а также ставит вопрос о прямом действии наднационального права, создаваемого органами интеграционного объединения и существующего в качестве самостоятельной правовой системы [9].

Следовательно, основными элементами нормативно-правовой базы интеграционных объединений являются международно-правовые нормы и обычаи, принятые на универ-

сальном уровне, нормативные положения соглашения об учреждении того или иного интеграционного объединения, а также иные межгосударственные договоры, заключенные в развитие основного соглашения об учреждении. В случае создания наднациональных органов управления и передачи им определенных компетенций нормативно-правовая база объединений также дополняется решениями вышеуказанных органов, которые носят обязательный для государств-участников характер и способствуют процессам интенсификации унификации национального законодательства сторон.

Структура органов управления в различных интеграционных объединениях, находящихся на одном уровне интеграционного развития, отличается определенным единообразием, а основные отличия прослеживаются лишь в объеме переданных компетенций и правилах процедуры.

Что касается судов, то это наиболее характерный орган существующих интеграционных объединений. Предварительно создаваемые в качестве механизмов разрешения споров между государствами-членами интеграционных объединений, они постепенно становятся постоянно действующими органами, обеспечивающими исполнение нормативно-правовых актов интеграционного объединения как со стороны государств-членов, так и со стороны самого интеграционного объединения, что приводит к надлежащему контролю за соответствием издаваемых наднациональными органами законодательных актов нормам действующего международного права, их единому толкованию, а также последующей надлежащей унификации национального законодательства государств-членов.

Как было отмечено выше, суды интеграционных объединений обладают схожей компетенцией, так как имеют единые цели и задачи, однако такие существенные элементы эффективности отправления правосудия, как наличие процедуры, обеспечивающей назначение независимых и профессиональных судей, отсутствие ограничений на доступ к пра-

восудию, возможность апелляционного обжалования, исполнимость решения суда на национальном уровне и др., существенно влияют на эффективность защиты и последующее восстановление нарушенных прав. Следовательно, отсутствие указанных элементов создает лишь видимость существования контрольного механизма, не обеспечивающего на практике надлежащего уровня охраны прав.

С учетом изложенного особый интерес вызывают интеграционные объединения, расположенные на территории Африканского континента и судебные органы, созданные в рамках таких объединений.

Создание интеграционных объединений на Африканском континенте проходило под знаком падения колониального режима. При этом в условиях быстрого роста процессов глобализации региональная интеграция в Африке являлась практически единственным направлением развития континента как со стороны повышения конкурентоспособности в глобальной торговле, так и со стороны предотвращения конфликтов и дальнейшего укрепления экономических и политических реформ.

По меньшей мере, четырнадцать существующих в настоящее время на Африканском континенте региональных интеграционных объединений и стран, являющихся членами, как минимум двух из таких объединений, осложняют и запутывают интеграционные процессы в регионе, «что препятствует дальнейшей региональной интеграции вследствие создания комплекса неопределенных политических обязательств и институциональных требований» [1].

Указанные выше ситуации, когда государства являются членами одновременно нескольких однотипных интеграционных объединений, создают сложную сеть конкурирующих обязательств, которые, в сочетании с различными условиями, приводят к высокой стоимости межгосударственной торговли, что, по сути, подрывает заложенные основы интеграции.

Ассамблея Африканского союза в своем решении, принятом в рамках седьмой ежегодной сессии, проходившей в Банжуле в июле 2006 г., официально признала лишь восемь региональных интеграционных объединений, вокруг которых будут осуществляться региональные интеграционные процессы [8].

К таким организациям также было отнесено Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС; Сообщество). В рамках данного объединения был создан собственный судебный орган, об особенностях правового положения и функционирования которого речь пойдет в настоящей работе.

Суд ЭКОВАС (далее – Суд; Суд Сообщества) был создан в 1991 г. на основании Протокола о суде сообщества. Однако в основное соглашение о создании ЭКОВАС положения о едином судебном органе сообщества были включены лишь в 1993 г., при принятии новой редакции данного соглашения. Фактически суд приступил к выполнению своих обязанностей в 2001 г. В соответствии со статьями 6 и 15 Пересмотренного соглашения о создании ЭКОВАС Суд является одним из институтов Сообщества, а его решения носят обязательный характер для государств – членов Сообщества, его институтов, частных и юридических лиц [5].

В соответствии с Протоколом о суде сообщества 1991 г. Суд является основным юрисдикционным органом ЭКОВАС, обладающим юрисдикцией в отношении урегулирования споров между государствами – членами Сообщества либо государствами-членами и самим Сообществом, связанных с толкованием и применением положений Соглашения о создании ЭКОВАС, а также принятых к нему дополнительных протоколов и конвенций [7]. Также в компетенцию Суда входит дача консультативных заключений по вопросам толкования норм соглашений, заключенных в рамках ЭКОВАС, по запросу государств-членов и институтов сообщества.

Протоколом о суде сообщества установлена исключительная подсудность Суда по делам, отнесенным к его компетенции, а также установлено, что никакой спор, касающийся применения положений Соглашения о создании ЭКОВАС, а также принятых к нему дополнительных протоколов и конвенций, не может быть урегулирован иначе, кроме как способом, предусмотренным Соглашением о создании ЭКОВАС и Протоколом о суде сообщества.

Суд ЭКОВАС состоит из семи независимых судей (членов суда), назначаемых на пятилетний срок, с возможностью продления полномочий еще на один пятилетний срок. Кандидаты в судьи выдвигаются государствами-членами и представляются Конференции глав государств и правительств (высший орган власти Сообщества) для рассмотрения и последующего назначения. Все кандидаты в судьи должны обладать высокими моральными качествами и иметь квалификацию, которая позволила бы им занимать высшие судебные должности в их государстве, либо являться юристами с признанной компетенцией в области международного права. При этом государство-член может представить на рассмотрение лишь одного кандидата, с учетом установленного возрастного ценза: кандидаты в судьи не могут быть младше 40 и старше 60 лет. Судьи выбирают из своего состава Президента и Вице-президента сроком на три года. Президент несет ответственность за управление делами Суда, он же председательствует на судебных заседаниях и на тайных совещаниях, предшествующих вынесению решения.

Установлено, что никто из членов Суда не может занимать никаких политических или административных должностей или заниматься какой-либо другой деятельностью на профессиональной основе.

Судьи в период их пребывания в должности обладают привилегиями и иммунитетами идентичными тем, которыми пользуются дипломатические миссии и дипломатические агенты на территории государств-членов, а также теми, кото-

рые обычно предоставляются членам международных судов. Судьи не могут быть подвергнуты уголовному преследованию или быть арестованы за действия или заявления, сделанные ими при выполнении своих обязанностей.

Суд осуществляет свою работу на сессионной основе, при этом количество и продолжительность таких сессий устанавливаются Президентом Суда и закрепляются в официальных документах Суда.

Суд при необходимости и возникших потребностях может образовывать одну или несколько камер в составе трех и более судей для рассмотрения дел, однако в любом случае число присутствующих судей должно быть нечетным.

Каждая из сторон в споре должна быть представлена в суде одним или несколькими представителями. В свою очередь представители могут обратиться за юридической помощью к одному или нескольким адвокатам или консультантам, которые в соответствии с законами и правилами государств-членов уполномочены выступать в суде в соответствующей юрисдикции.

В соответствии с действующими Правилами процедуры на представителей сторон, адвокатов и консультантов распространяются иммунитеты от сказанного и написанного в рамках конкретного дела. Для того чтобы воспользоваться предоставленными иммунитетами, последние обязаны направить в канцелярию суда документы, подтверждающие их статус и полномочия для участия в деле [6].

По общему правилу все заседания суда являются открытыми и публичными. Процедура рассмотрения дел в суде состоит из двух частей: письменной и устной. Под письменной частью подразумевается процесс подачи жалобы и отзыва на жалобу, а также предоставление иных документов и письменных доказательств, подтверждающих позиции сторон. Устное разбирательство представляет собой устные слушания, выступления представителей сторон, свидетелей, экспертов, адвокатов или консультантов.

Также Суд по собственному усмотрению и в соответствии со своими Правилами процедуры уполномочен вызывать и отправлять запросы любому лицу, организации или учреждению для дачи необходимых пояснений и предоставления экспертных заключений, что позволяет Суду получать наиболее полную информацию и консультации в специальных сферах и областях, где Суд не является экспертом.

Суд рассматривает спор в соответствии с положениями Соглашения о создании ЭКОВАС, Протокола о суде Сообщества, а также Правил процедуры. Согласно ст. 19 Протокола о суде Сообщества, при необходимости, Суд также вправе основывать свое решение на источниках права, установленных в ст. 38 Статута Международного суда, то есть применять международные конвенции, международные обычаи, общие принципы права, а также судебные решения и доктрины в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм. Помимо прочего Суд при выполнении своих функций обязан обеспечивать надлежащее соблюдение норм права и принципов справедливости.

Решение суда должна быть оглашено в открытом судебном заседании и содержать в себе основные положения, которые являлись ключевыми и основополагающими при вынесении решения. Обсуждение выносимого решения должно осуществляться тайно и быть принято большинством голосов судей.

Протокол о суде сообщества также допускает возможность пересмотра вынесенного судом решения в течение пяти лет с даты его принятия. Заявление о пересмотре решения суда может быть признано приемлемым лишь в том случае, если оно основано на обстоятельствах, которые могут иметь решающее значение для дела и не могли быть известны Суду при вынесении решения. При этом предусматривается, что заявитель должен действовать добросовестно, подтверждая, что отсутствие информации о новых фактах не было вызвано небрежностью с его стороны.

Для полноценной реализации права на судебную защиту Протоколом о суде сообщества на государства – члены ЭКОВАС и соответствующие институты Сообщества была возложена обязанность воздерживаться от любых действий, которые могут препятствовать урегулированию спора, а также обязанность по принятию всех необходимых мер для обеспечения исполнения решения суда. Кроме того, предусматривается, что решение суда имеет обязательную силу только для сторон спора и в отношении данного конкретного случая.

В 2005 г. после принятия Дополнительного протокола, изменяющего Протокол о суде Сообщества (далее – Дополнительный протокол), юрисдикция Суда была значительно расширена. Согласно положениям Дополнительного протокола юрисдикция Суда была распространена, в том числе, на следующие ситуации:

- споры, возникающие из толкования и применения правил, директив, решений и других вспомогательных правовых актов, принятых Сообществом;
- споры между Сообществом и его должностными лицами;
- иски против институтов Сообщества или их должностных лиц о возмещении ущерба.

Также Суд получил право определять любой тип внедоговорной ответственности, возникающей у Сообщества и, следовательно, возможность обязать Сообщество возместить ущерб, который явился следствием действий или бездействия любого института Сообщества либо его должностного лица.

Дополнительным протоколом также был установлен общий срок исковой давности для подачи жалобы на любые действия институтов Сообщества и государств-членов, который составляет три года и подлежит исчислению с момента возникновения права на обращение в Суд.

Важно отметить и то, что Суд получил возможность выступать в качестве международного арбитражного трибу-

нала для сторон вплоть до момента создания отдельного арбитражного трибунала в структуре ЭКОВАС, что предусматривается ст. 16 Соглашения о создании ЭКОВАС.

Однако одним из главных достижений Дополнительного протокола явилась передача Суду полномочий по рассмотрению случаев, связанных с нарушением прав человека в государствах – членах Сообщества. Вследствие чего в Протокол о суде сообщества была добавлена соответствующая статья, которая открывает доступ к правосудию физическим и юридическим лицам по делам о признании действий (бездействий) должностных лиц Сообщества нарушающими соответствующие права физических и юридических лиц, а также физическим лицам – в случаях нарушения присущих им прав (прав человека). При этом было установлено, что жалоба на нарушения прав человека может быть признана приемлемой при соблюдении следующих условий:

- жалоба не должна быть анонимной;
- жалоба не должна являться предметом рассмотрения в ином международном суде.

Следовательно, у заявителей отсутствует необходимость в использовании всех внутренних средств защиты в государстве (исчерпание внутренних средств защиты) перед обращением в Суд Сообщества.

Последним, но не менее важным дополнением также явилось включение в Протокол о суде Сообщества положений о способе реализации вынесенных Судом постановлений, которые несут в себе финансовые последствия для граждан государств-членов и самих государств-членов. Исходя из содержания данных норм, исполнение любого решения Суда происходит путем направления исполнительного документа в адрес соответствующего государства-члена для его исполнения на месте в соответствии с принятыми правилами гражданского судопроизводства. При этом устанавливается обязанность для государств-членов по определению компетентных национальных органов, призванных осуществлять

исполнение, а также впоследствии уведомлять Суд Сообщества о процессе и результатах такого исполнения.

Хотя вышеуказанная процедура по приведению в исполнение решений Суда Сообщества на уровне государств имеет довольно прогрессивный характер, однако на практике такой механизм не выглядит столь эффективным.

Так, к настоящему моменту Судом было рассмотрено около 127 дел и вынесено 108 решений, при этом более 60 процентов вынесенных решений так и остаются неисполненными. Однако ситуация усугубляется также и тем, что всего три государства – члена ЭКОВАС (Нигерия, Гвинейская Республика и Республика Нигер) уведомили Суд о назначенных национальных органах, ответственных за исполнение решений Суда Сообществ [2], что позволяет сделать вывод о необходимости принятия срочных мер на межгосударственном уровне с целью ускорения процессов исполнения норм, закрепленных в Протоколе о суде сообщества. При этом важно понимать, что проблема надлежащего исполнения, а также сложность обеспечения принудительного исполнения решений международных судов присуща не только Суду ЭКОВАС, а является «ахиллесовой пятой» всего современного международного права.

В заключение хотелось бы отметить, что Суд ЭКОВАС является одним из наиболее прогрессивных судов на Африканском континенте, внося своей деятельностью неоценимый вклад в процессы интеграции. Однако, помимо вопросов, связанных с обеспечением исполнения решений, важно отметить, что документы, составляющие основу деятельности Суда, в большинстве своем носят рамочный характер и не обладают достаточной степенью нормативной детализации, а процедура назначения судей не может гарантировать независимость и беспристрастность судейского корпуса, что имеет большое значение для осуществления международного правосудия.

Литература

1. *Alves P., Draper P., Halleson D.* Regional Integration and the Overlap Issue in Southern Africa: From Spaghetti to Cannelloni? // South African Institute of International Affairs, Johannesburg, South Africa, Policy Report No 15, January 2007.
2. Информационный доклад от 25 сентября 2012 года от New Agency of Nigeria. URL: <http://www.nanngronline.com/section/africa/60-of-ecowas-court%E2%80%99s-judgments-not-enforced-chief-registrar>
3. Информационная система уведомлений ВТО о заключенных торговых соглашениях (RTA-IS). Доступно по адресу: <http://rtais.wto.org/UI/PublicAllRTAList.aspx> (дата посещения: 01.11.2012 г.).
4. Межрегиональное рамочное соглашение о сотрудничестве между ЕС и МЕРКОСУР от 22 марта 1999 года. URL: http://europa.eu/legislation_summaries/external_relations/relations_with_third_countries/latin_america/r14013_en.htm;
5. Пересмотренное соглашение о создании ЭКОВАС, 1993 год. URL: http://www.courtecowas.org/site2012/pdf_files/revised_treaty.pdf;
6. Правила процедуры суда ЭКОВАС, 2002 год. URL: http://www.courtecowas.org/site2012/pdf_files/rules_of_procedure.pdf
7. Протокол о суде сообщества (A/P1/7/91), 1991 год. URL: http://www.courtecowas.org/site2012/pdf_files/protocol.pdf;
8. Решение Ассамблеи Африканского союза о приостановлении признания региональных экономических объединений от 1 июля 2006 года. URL: http://www.africa-union.org/root/au/Conferences/Past/2006/july/summit/doc/Decisions_and_Declarations/Assembly-AU-Dec.pdf
9. Решение Суда ЕС от 15 июля 1964 г. Дело 6/64. (*Costa v. ENEL*). URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:61964CJ0006:EN:PDF>
10. Соглашение об экономическом партнерстве между ЕС и КАРИФОРУМ от 15 октября 2008 года. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2008:289:0003:1955:EN:PDF>

МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫЕ РЕСУРСЫ

С.В. Пичугин

МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВАЯ БАЗА РЕСПУБЛИКИ ГАНА И ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ И ДОБЫЧИ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

1. Общие сведения

Республика Гана расположена на побережье Гвинейского залива. Граничит с Буркина-Фасо, Того, Кот-д'Ивуаром (см. рис. 1).

Климат – экваториально-муссонный, сезон дождей – с апреля по июнь и с сентября по ноябрь, сухой сезон – с ноября по апрель.

Население – около 24,2 млн чел. Основные этнические группы – акан (ашанти, фанти, тви и пр.) – 50 %, эве, гуан, хауса. Территория – 238,5 тыс. кв. км.

Административное деление. Территория страны разделена на 10 областей. Столица – Аккра (около 3 млн человек). Национальный праздник – День независимости – 6 марта (1957 г.). Государственный язык – английский.

Религия. Около 70 % населения – христиане (в основном католики и протестанты), свыше 16 % – мусульмане, до 9 % населения придерживается традиционных местных верований.

Государственное устройство. Республика с президентской формой правления. Действующая конституция принята 28 апреля 1992 г. Глава государства – Президент Джон Эванс Атта Миллс (с января 2009 г.) Вице-президент –

Джон Драмани Махама. Министр иностранных дел – М. Му-
муни. Главный законодательный орган – однопалатный пар-
ламент, состоящий из 230 депутатов, который избирается пу-
тем прямого тайного голосования на 4 года.

Рис. 1. Общая карта Республики Гана

Экономика. Объем ВВП – ок. 30 млрд дол. США. Темпы роста – 6,6 %. Доход на душу населения – 1318 дол. США. Уровень инфляции – 8,5 %. Денежная единица – ганская седи (курс 1 USD = 1,48 ганской седи).

Сельское хозяйство является основой экономики страны (30 % ВВП). В сельскохозяйственном секторе занято около 60 % населения. Основные статьи экспорта – какао-бобы и какао. В стране выращиваются рис, кукуруза, кассава, тропические плодовые культуры. Большую активность в последнее время приобрело производство пальмового и ятрофинового масел, а также масла ши.

Продукция промышленного производства составляет 18 % в структуре ВВП. Основные отрасли промышленности – горнодобывающая (имеются запасы золота, серебра, алмазов, бокситов, марганца). С 2010 г. на шельфе начали разрабатываться крупные нефтяные месторождения.

На сферу услуг приходится около 50 % ВВП. Динамично развиваются связь, телекоммуникационные технологии, туризм, ресторанный и гостиничный бизнес, транспортные услуги.

Внешнеторговый оборот – 16,4 млрд дол. США. Экспорт – 6,8 млрд дол. США, импорт – 9,6 млрд дол. США. Основные статьи экспорта: какао-бобы, золото, древесина, алмазы, рыба, алюминий, марганец; импорта: нефть и нефтепродукты, станки и оборудование, автомобили, продукты питания, медикаменты, товары народного потребления. Основные торговые партнеры – США, Великобритания, Китай, Нидерланды, Германия, Италия, Франция, Индия, Нигерия, Того.

Транспорт. Железные дороги – 953 км. Автодороги с твердым покрытием – 67 тыс. км (рис. 1). Морские порты – Тема, Такоради. Международный аэропорт Котока расположен в 7 км от центра Аккры.

Образование. Уровень грамотности населения составляет 54 %. В стране 6 госуниверситетов, 10 политехнических

институтов, 65 педагогических и профтехучилищ, около 20 тыс. среднеобразовательных школ.

Здравоохранение. К квалифицированному медобслуживанию имеют доступ около 60 % населения. Средняя продолжительность жизни – 57 лет. Детская смертность – 10 %. Порядка 2 % населения являются носителями ВИЧ-инфекций.

2. Российско-ганские отношения

Дипломатические отношения между Россией и Ганой установлены 14.01.1958 г.

Связи между двумя странами особенно динамично развивались в годы правления первого президента Ганы К. Нкрумы (1957–1966). В 1997 г. Гану посетила делегация Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. В 2003 г. состоялся визит в страну делегации Государственной Думы ФС Российской Федерации во главе с заместителем ее председателя А.Н. Чилингаровым. В 2004 г. Российскую Федерацию посетила делегация Парламента Ганы во главе со спикером П.А. Аджетеем.

Россия и Гана активно взаимодействуют в ООН и других международных организациях. В феврале 2004 г. в Нью-Йорке заместитель Министра иностранных дел Российской Федерации А.В.Салтанов имел беседу с Министром иностранных дел Ганы Н. Акуфо-Аддо. В октябре 2004 г. Гану посетил заместитель Министра иностранных дел Российской Федерации Ю.В. Федотов.

В июне 2007 г. «на полях» саммита «Группы восьми» в Хайлигендамме имела место краткая встреча В.В. Путина с Президентом Ганы Дж. А. Куфуором.

В июле 2007 г. министр иностранных дел Ганы Н. Акуфо-Аддо осуществил рабочий визит в Москву, в ходе которого был подписан протокол о межмидовских консультациях (последние консультации состоялись 16 сентября 2011 г.).

В сентябре 2009 г. в Нью-Йорке во время рабочего завтрака от имени Генерального секретаря ООН Пан Ги Мун на Президент Ганы Дж. Миллс пригласил Президента России Д.А. Медведева посетить Гану с официальным визитом. В свою очередь Президент России также пригласил ганского коллегу в Москву.

В феврале 2010 г. Президент России Д.А. Медведев направил Президенту Ганы Дж. Миллсу развернутое послание по вопросам двустороннего сотрудничества, в частности в области добычи углеводородов. Оно было передано ганскому президенту во время встречи с ним в Аккре президента ОАО «Лукойл» В.Ю. Алекперова.

Объем российско-ганского товарооборота в 2010 г. составил 146 млн дол. США (экспорт – 28 млн дол. – продукция цветной и черной металлургии, удобрения, бумага; импорт – в основном какао-бобы, а также марганцевая руда и тропическая древесина – 118 млн дол. США). В мае 2003 г. была создана Ганско-Российская торговая палата.

Ганская сторона заинтересована в привлечении российских инвестиций в сферу транспорта, энергетику, сельское хозяйство, горнодобывающий сектор.

Российская сторона продолжает оказывать Гане содействие в области подготовки национальных кадров. В высших учебных заведениях нашей страны в общей сложности получили образование свыше 2800 ганских специалистов. В 2010/2011 учебном году принято 33 студента (30 – на полный курс обучения и 3 – в аспирантуру). На 2011/2012 учебный год Гане по гослинии выделено 40 стипендий. Установлены партнерские связи между Институтом русского языка имени А.С. Пушкина и Университетом Ганы (Легон), где на кафедре русского языка в последние два года обучается до 300 человек.

Посол Российской Федерации в Республике Гана – Барбин Владимир Владимирович (верительные грамоты вручил 11 февраля 2010 г.).

Посол Республики Гана в Российской Федерации – Сет Корантенг (верительные грамоты вручил 16 декабря 2009 г.).

3. Минерально-сырьевая база Республики Гана

Основные полезные ископаемые Ганы – нефть, газ, марганец, золото, алмазы, менее значимы для экономики – бокситы, железо и хром. На территории Ганы известны также месторождения цементного сырья и строительных материалов (рис. 2).

Рис. 2. Основные месторождения Ганы

Нефть и газ

По состоянию на 01.01.2012 г. доказанные нефти составляют 88,0 млн т, доказанные запасы газа – 73 млрд м³. Добыча нефти резко возросла в 2011 г. до 4,5 млн т (с 0,4 млн т в 2010 г.), что связано с началом разработки месторождений Тано (Tano) и Юбилейное (Jubilee).

Основные месторождения расположены на юге страны в континентальной и шельфовой зонах Гвинейского нефтегазозоносного бассейна. Продуктивные горизонты приурочены к девонским и меловым песчаникам на глубинах 2,7–3,5 км. Прогнозные извлекаемые ресурсы нефти и газа до 2009 г. оценивались, соответственно, в 100 млн т и 150 млрд м³.

В 2007 г. в результате поисково-разведочных работ на шельфе у берегов Ганы было обнаружено крупное месторождение Jubilee Field («Юбилейное», см. рис. 3). В конце 2010 г. подготовлен проект отработки месторождения, в котором участвуют: Tullow Ghana Limited – 34,70 % (operator); Kosmos Energy Ghana HC – 23,49 %; Anadarko WCTP Company – 23,49 %; Ghana National Petroleum Corporation (GNPC) – 13,75 %; EO Group Limited – 1,75 %; Sabre Oil & Gas Limited – 2,81 %.

По данным компании-оператора Tullow Oil (Великобритания), на конец 2010 г. подтвержденные запасы месторождения по нефти – 500 млн барр. (P90), или 65 млн т, общие запасы – 700 млн барр. (P50), или 96 млн т, ресурсы – 1000 млн барр. (P10), или 137 млн т нефти.

В августе 2002 г. американская Vanco Energy подписала соглашение с правительством Ганы относительно глубоководного блока Кейп-Три-Пойнтс-Дипуотер (Cape Three Points Deepwater Block), который находится в 50–100 км от побережья. Государственной Ghana National Petroleum Company принадлежит в этом блоке 15 % участия. В октябре 2007 г. долевое участие (56,66 %) в блоке приобрела у Vanco Energy российская компания «ЛУКОЙЛ Оверсиз». В на-

стоящее время работы осуществляет консорциум в составе: «ЛУКОЙЛ Оверсиз» – оператор (56,66 %), американская Vanco (28,34 %) и государственная Ghana National Petroleum Corporation, GNPC (15 %). Работы рассчитаны на семилетний срок и включают переинтерпретацию имеющихся данных сейсморазведки, а также проведение новых профильных и площадных сейсморазведочных работ и бурение разведочных скважин. По результатам бурения 3 разведочных скважин на структуре Dzata (рис. 3) на баланс в конце 2010 г. были поставлены запасы в объеме 136 млн баррелей, или 17,6 млн т нефти.

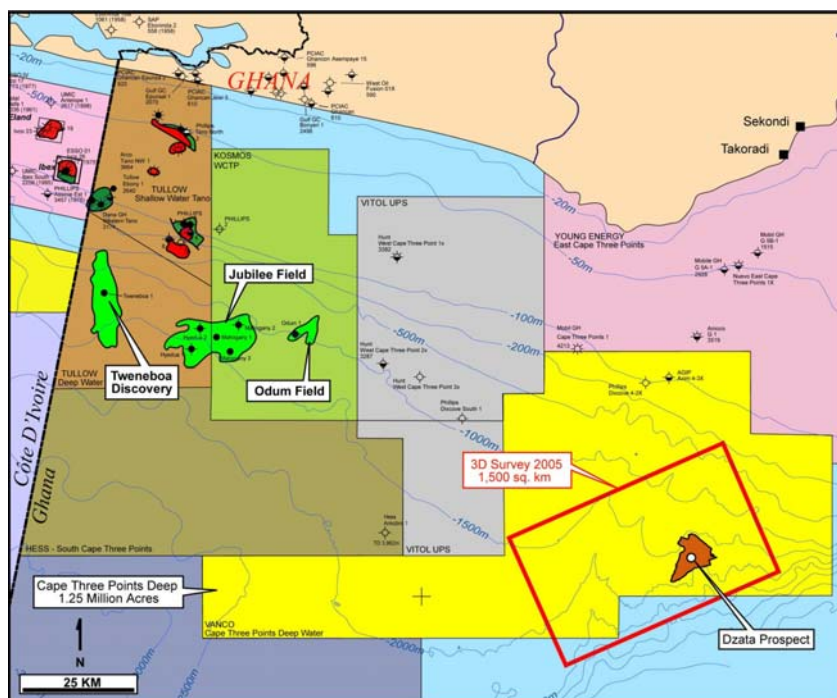

Рис. 3. Размещение выявленных месторождений нефти и газа на шельфе Ганы

В целом эксперты разных стран склонны считать, что указанное месторождение принадлежит к новой нефтяной провинции у берегов Западной Африки, простирающейся на тысячу километров у побережья Гвинеи, Сьерра-Леоне, Либерии, Кот-д'Ивуара и Ганы, с потенциальными запасами свыше 5–6 млрд баррелей. Запасы месторождения вызвали интерес у таких гигантов нефтяного рынка, как BP plc, Exxon Mobil, CNPC.

В территориальных водах Ганы вдоль побережья выделяются три локальные впадины («бассейны»): Тано, Солтпонд и Кета. Мощность осадочного разреза достигает 7 тыс. м и более. Выделяются три комплекса осадочных отложений: дорифтовый (девон, триас-юра) – континентальные и мелководно-морские обломочные породы; рифтовый (нижний мел) – основные вулканиты и песчаники, как правило, континентальные; послерифтовый – верхнемеловые и кайнозойские морские сланцы с подчинёнными прослоями песчаников.

Поисковые работы на шельфе страны ведутся с 1968 г. В наибольшей степени изучены его западные районы (впадины Тано и Солтпонд), где расположены все известные на сегодня месторождения углеводородного сырья. Перспективные структуры и потенциальные ловушки выявлены и во впадине Кета.

В 1970 г. было открыто газонефтяное месторождение Солтпонд (Saltpond). Оно расположено на мелководье (26 м), в 12 км от г. Солтпонд. Выявлено семь продуктивных горизонтов в девонских (свита такоради) и меловых песчаниках в интервале глубин 2350–2590 м. Нефть высококачественная, малосернистая. Залежи имеют очень сложное строение. Нефтематеринскими, по-видимому, являются глинистые сланцы свиты такоради. В начале 1980-х гг. американская компания Agri-Petco оценивала извлекаемые запасы месторождения в 0,7 млн т нефти и 0,96 млрд куб. м газа. В 2002 г. добыча нефти на месторождении Солтпонд была возобновлена.

Открытое в 1973 г. компанией Mobil газовое месторождение Три-Пойнтс (Three Points), расположенное в 18 км от одноименного мыса, находится в консервации. Приток газа в 100 тыс. куб. м/сут был получен из меловых отложений с глубины 2745 м.

На крайнем западном шельфе страны располагаются месторождения группы Тано (Tano): нефтегазовые месторождения Тано-Юг и Тано-Север и нефтяное месторождение Тано. Месторождения приурочены к антиклинальным структурам; продуктивны песчаники мелового возраста.

Первые два месторождения этой группы были открыты Phillips Petroleum Corp. в 1978–1980 гг. Несмотря на существенные притоки газа (полученные из верхнеальбских песчаников), на тот момент времени они были признаны непромышленными, и в 1982 г. компания сдала блок Тано.

Месторождение Тано-Север расположено в 12 км от побережья; глубины океана здесь – около 50 м. Продуктивны все три пробуренные на месторождении скважины; зафиксированы притоки лёгкой нефти от 300 до 900 барр./сут и газа – 0,23 млн куб. м/сут.

На месторождении Тано-Юг притоки нефти и газа получены в большинстве из одиннадцати пробуренных скважин. В первой продуктивной скважине зафиксирован приток нефти в 1,6 тыс. барр./сут, газа – 0,23 млн куб. м/сут. В 1984 г. компания Petro-Canada открыла самостоятельную газовую структуру (скв. 3АХ), расположенную южнее основной и отделённую от нее сбросом. В 1992 г. государственная компания GNPC пробурила на месторождении Тано-Юг горизонтальную скважину (вертикальная глубина скважины – 2074 м, наклонная – 2760 м); был зафиксирован приток нефти в 920 т/сут, который в процессе длительного испытания закончился. Во второй пробуренной в том же году горизонтальной скважине Тано-Юг 7Н (Tano South 7Н) получены «обнадеживающие результаты» в верхнеальбских песчаниках.

Нефтяное месторождение Тано было открыто в марте 2000 г. шотландской компанией Dana Petroleum. Продуктивны песчаники верхнего и нижнего мела. Геологические запасы оцениваются (на основании результатов бурения двух скважин) в 27 млн т. Однако из-за сложного геологического строения и плохих коллекторских свойств извлечена может быть только очень малая часть этого количества.

Железо

Общие запасы железа Ганы составляют 2 млрд т, подтверждённые – 924 млн т. (на начало 2012 г.). Железные руды в Гане не добываются, сталь не производится. Известны два крупных месторождения Шиени и Кубани, осадочного типа, и Опон-Манси и Пудо, относящиеся к месторождениям коры выветривания (рис. 4).

Месторождение Шиени находится в северо-восточной части Ганы, на границе с Того. Продуктивная толща сложена железистыми конгломератами и полосчатыми кремнисто-железистыми породами мощностью до 60 м. Наибольший интерес представляет горизонт тонкослоистых гематитовых руд мощностью до 8 м, с содержанием железа 40–50 %. Оцененные запасы категории С₂ составили 920 млн т железной руды. Для оценки перспективности месторождения требуется проведение более детальных геологоразведочных работ.

Месторождение Опон-Манси находится на крайнем юго-западе страны. Руды в основном бедные, с содержанием железа 30–40 %. Месторождение не разрабатывается.

Марганец

Общие запасы марганцевых руд в стране оцениваются в более чем 39 млн т. Разведанные запасы – около 24 млн т (на начало 2012 г.) при содержании окиси марганца 25–40 %. Месторождения марганца обнаружены в семи из десяти административных областей Ганы – в Восточной, Центральной, Западной, Ашанти, Северной, Верхней Западной и Верхней Восточной (см. рис. 4).

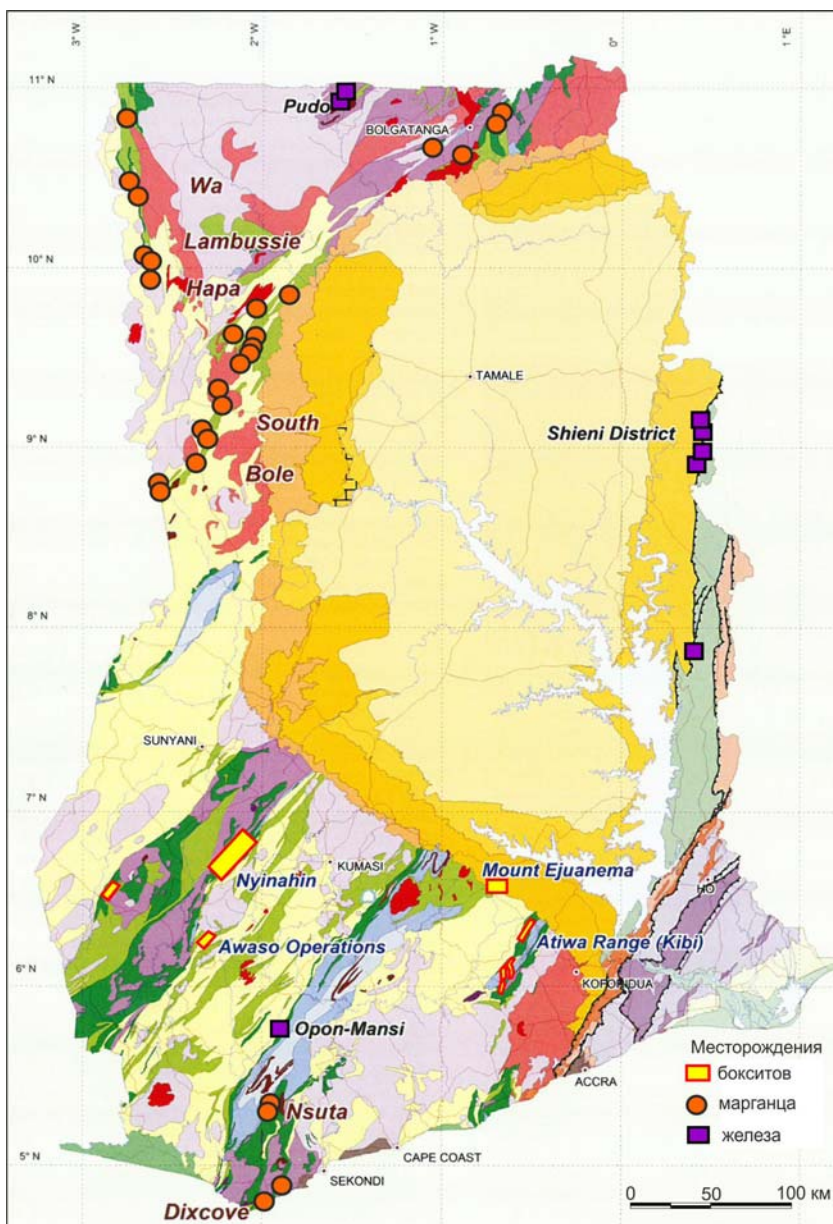

Рис. 4. Месторождения железа, марганца и бокситов

Основное месторождение марганцевых руд – Нсута (Nsuta) находится в Западной области, примерно в 60 км к северу от порта Такоради. Промышленный интерес представляет марганцевая шляпа с содержанием марганца до 55 %. Основные рудные минералы – пиролюзит и псиломелан, встречаются манганит и полианит. Месторождение в настоящее время практически отработано. Дальнейшая добыча марганцевых руд с последующим их обогащением производится на других более мелких месторождениях с более бедными рудами.

Мелкие объекты такого же типа известны и к югу от месторождения Нсута, чуть западнее г. Такоради, а также в низовьях р. Чёрная Вольта – Три-Хиллс (Three Hills) и др.

Ресурсы месторождения Нсута в 1998 г. оценивались в 35 млн т, запасы – в 20 млн т руды со средним содержанием марганца 33%. Месторождение разрабатывается компанией Ghana Manganese Company Ltd. (GMC). В год добывается до 1894 тыс. т марганцевой руды (2011). Железная дорога протяжённостью 63 км связывает г. Нсута с портом Такоради, куда и поставляется для отправки на экспорт вся производимая на руднике марганцевая руда.

Бокситы

Выявленные ресурсы бокситов Ганы составляют 700 млн т, общие запасы – 100 млн т, подтверждённые – 15 млн т.

Южная часть Ганы, включающая области Западную и Восточную, на территории которых располагается плато Кваху (Kwaahu), входит в состав бокситоносной латеритной провинции, протягивающейся вдоль северного побережья Гвинейского залива, захватывая территории Кот-д’Ивуара, Ганы, Того и Бенина. Бокситовые месторождения этой провинции приурочены к южной окраине Либерийского щита и образовались в палеоген-неогеновое время в результате латеритного выветривания пород палеозойского возраста, поч-

ти горизонтально залегающих на докембрийском основании Африканской платформы.

Бокситовые месторождения Ганы приурочены к бокситоносной зоне протяжённостью около 240 км и шириной 80 км, расположенной в 150 км к северу от побережья Гвинейского залива. Месторождения бовального типа располагаются на вершинах плосковерхих возвышенностей с абсолютными отметками 300–700 м. Залежи бокситов находятся в верхней части коры выветривания, развитой на дислоцированных метаморфизованных туфах, филлитах, серицитовых и хлоритовых сланцах протерозойского возраста и пологозалегающих глинистых сланцах, аргиллитах и песчаниках раннепалеозойского возраста. Бокситы гиббситовые высокого качества содержат 40–50 % Al_2O_3 , 1–4 % SiO_2 , 10–20 % Fe_2O_3 и 2–3 % TiO_2 . Большая часть бокситов относится к химическому сорту.

Месторождения бокситов сгруппированы в два бокситоносных района: Сефви-Беквай (Sefwi-Bekwai) с месторождениями Авасо (Awaso), Ньинахин (Nyinahin) и Асафо (Asafo) и Кибби-Нкоко (Kibi-Nkawkaw) с месторождениями Кибби (Kibi) и Эджуанема (Ejuanema) (см. рис. 4).

Месторождение Авасо расположено в районе Бибиани (Bibiani) в Западной области, разрабатывается с 1941 г. компанией Ghana Vauxite Co. (Alcan Inc. – 80 %; правительство Ганы – 20 %). После поглощения компании Alcan компанией Rio Tinto в ноябре 2007 г. последняя стала владельцем 80 % Ghana Vauxite Co (CBG). Производственная мощность рудника Авасо составляет 1 млн т/год. Бокситы, производимые на руднике Авасо, имеют очень высокое содержание Al_2O_3 – 65–70 %.

Запасов бокситов открытого рудника Ичинисо (Inchiniso) при текущем уровне добычи хватит до 2015 г. На концессионной площади компании CBG имеются также запасы бокситов на участке Аффох-Хиллс (Affoh Hills): плато

Субири (Subiri) – 20 млн т, плато Афао (Afao) – 20 млн т и плато Канайеребо (Kanaayerebo) – 8 млн т.

Ещё два крупных бокситовых месторождения – Ньинахин (выявленные ресурсы 350 млн т со средним содержанием Al_2O_3 51–52%, SiO_2 – 3–4%), расположенное в 50 км западнее г. Кумаси, и Киби (выявленные ресурсы 152 млн т со средним содержанием Al_2O_3 – 48,15 %, SiO_2 – 2–4 %), расположенное в 80 км к север-северо-востоку от г. Аккра.

В 2006 г. Alcan Inc. и правительство Ганы договорились о создании совместной компании (Alcan Inc. – 51%, государство – 49 %) для проведения ГРП и строительства бокситового рудника и глинозёмного завода первоначальной проектной мощностью 2 млн т/год в г. Секонди, расположенном на побережье Гвинейского залива в 8 км к северо-востоку от порта Такоради. Была создана совместная компания «Alcoa-Ghana Bauxite and Alumina Company Limited», которая в 2006 г. начала геологоразведочные работы на месторождении Киби. В настоящее время Alcoa подготавливает к разработке бокситовые месторождения Ньинахин и Киби.

Гана потребляет примерно 16 тыс. т/год первичного алюминия, остальной алюминий экспортируется. Гана имеет хорошие перспективы для создания интегрированной алюминиевой промышленности. Крупные бокситовые месторождения с высококачественными рудами Ньинахин и Киби, вероятно, будут осваиваться крупными иностранными компаниями «Alcoa» и/или «Rio Tinto». Строительство ТЭЦ на газе, который будет поступать в Гану по Западно-Африканскому газопроводу, будет способствовать сооружению глинозёмного завода и увеличению мощности алюминиевого завода.

Золото

Общие запасы золота Ганы по состоянию на 01.01.2012 г. оцениваются в 2900 т, а подтвержденные запасы – в 1600 т. Прогнозные ресурсы могут достигать 5000 т.

В Гане имеются многочисленные коренные месторождения золота, а также несколько небольших россыпей (табл. 1). Выделяется шесть золоторудных поясов в направлении с юго-востока на северо-запад (рис. 5):

- Тарквайский пояс с золотоносными верхнепротерозойскими конгломератами;
- пять Бирримских золоторудных поясов северо-восточного простирания:
 - Ашанти (Ashanti),
 - Оботан (Obotan), или Мидлендс (Midlands),
 - Бибиани (Bibiani),
 - Агафо (Ahafo), или Ямфо-Сефви (Yamfo-Sefwi),
 - Черт-Ридж (Chert Ridge) к северо-западу от г. Суньяни.

подавляющее большинство месторождений золота Ганы принадлежит к экономически важному геолого-промышленному типу золоторудных месторождений в углеродистых песчаниково-сланцевых формациях.

Система Тарквайских синклиналей и золоторудный пояс Ашанти включают наибольшее число месторождений (см. рис. 5 и рис. 6). В Тарквайских синклиналях, в их юго-западной части, размещаются пластовые месторождения золотоносных конгломератов (с северо-востока на юго-запад): Васса, Даманг, Абоссо, Тарква и Тебереби-Идуаприем. В совокупности из них добывают до 40 т золота в год. Золотоносны конгломераты среднепротерозойской серии Банкет, сложенной чередующимися пластами конгломератов и песчаников. Пласты среднегалечных золотоносных конгломератов сравнительно маломощны (от 0,8 до 4,0 м) и перекрываются тарквайскими филлитами мощностью 150–180 м. Конгломераты разрабатываются на протяжении 35–40 км (с перерывами). Содержание золота в них составляет от 1,2 до 1,9 г/т, хотя местами повышается до 7 г/т и более. Золото мелкое – 0,06–0,09 мм.

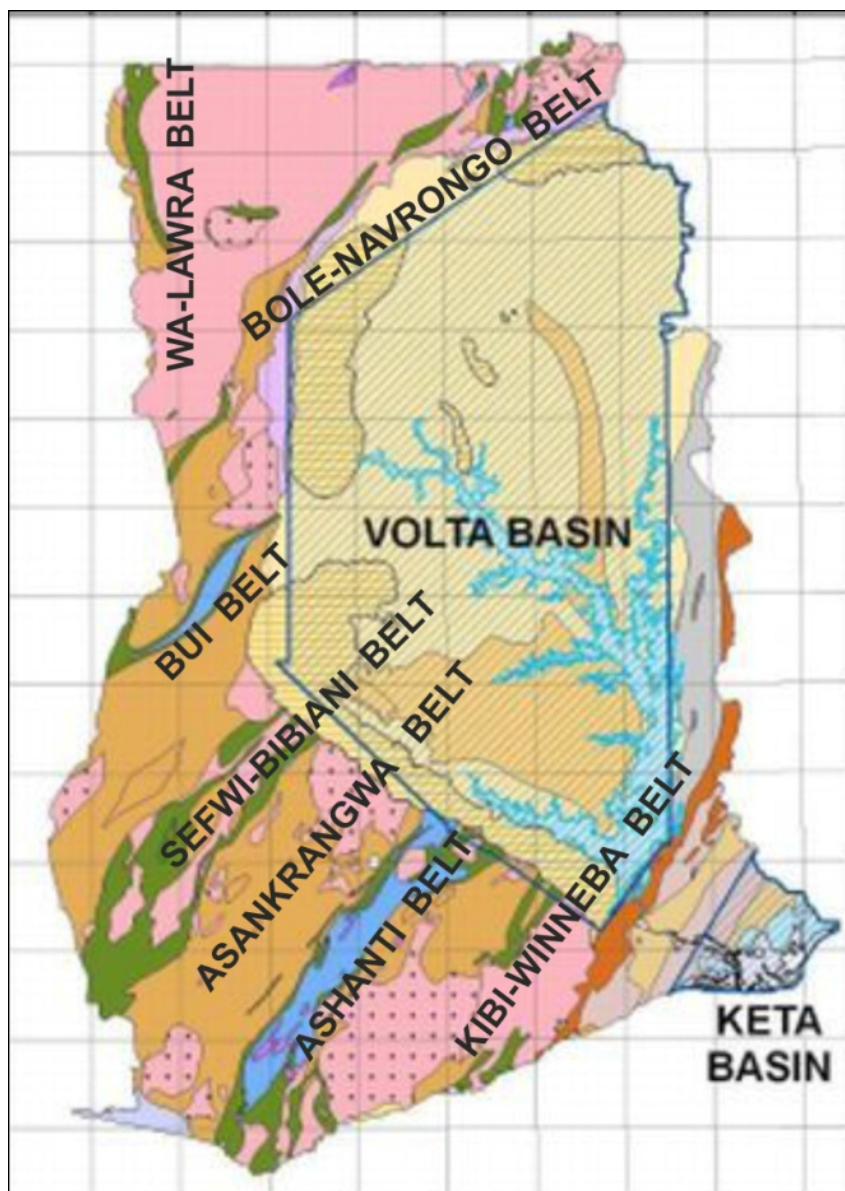

Рис. 5. Золоторудные пояса Ганы

Таблица 1

Золотые месторождения Ганы

Месторождение	Ресурсы, т	Запасы, т	Годовая добыча, т	Компани-владельцы
Акайем (Akyem)		196	13	Newmont Mining
Васса (Wassa)	55	20 (остаточные)	2–2,5	Gold Fields
Даманг (Damang)	25	81 (остаточные)	9–10	Gold Fields
Абоссо (Abooso)	45–55	20 (остаточные)	9,2–9,5	Gold Fields
Гарква (Tarkwa)	170	480 (остаточные)	10–15	Gold Fields
Гебереби-Идуаприем (Teberebie-Iduapriem)	250	120 (остаточные)	4–7	AngloGold Ashanti
Ашанти (Ashanti), или Обуаси (Obuasi)	более 100	310 (остаточные)	12–14	AngloGold Ashanti
Куби (Kubi)	22			AngloGold Ashanti
Вини-Бутре (Hwini-Butre) и Бенсо (Benso)	24			Golden Star Resources
Аянфури (Ayanfuri)	82			Perseus Mining
Богосу-Престеа (Bogosu-Prestea)	50	35 (остаточные)	3–3,5	Golden Star Resources
Салман и Анвиа (Salman и Anwia)	75			Adamus Resources
Аборе (Abore)	15			
Оботан (Obotan)	25			
Бибиани (Bibiani)	83	9 (остаточные)	3,5–4,5	AngloGold Ashanti
Чирано (Chirano)	28	17 (остаточные)	4–6	Red Back Mining NL
Агафо (Ahafo)	146	380	15–17	Newmont Mining
Нтоторосо (Ntotoroso)	31	33	3,5–4	Newmont Mining и Moydow Mines International Inc.

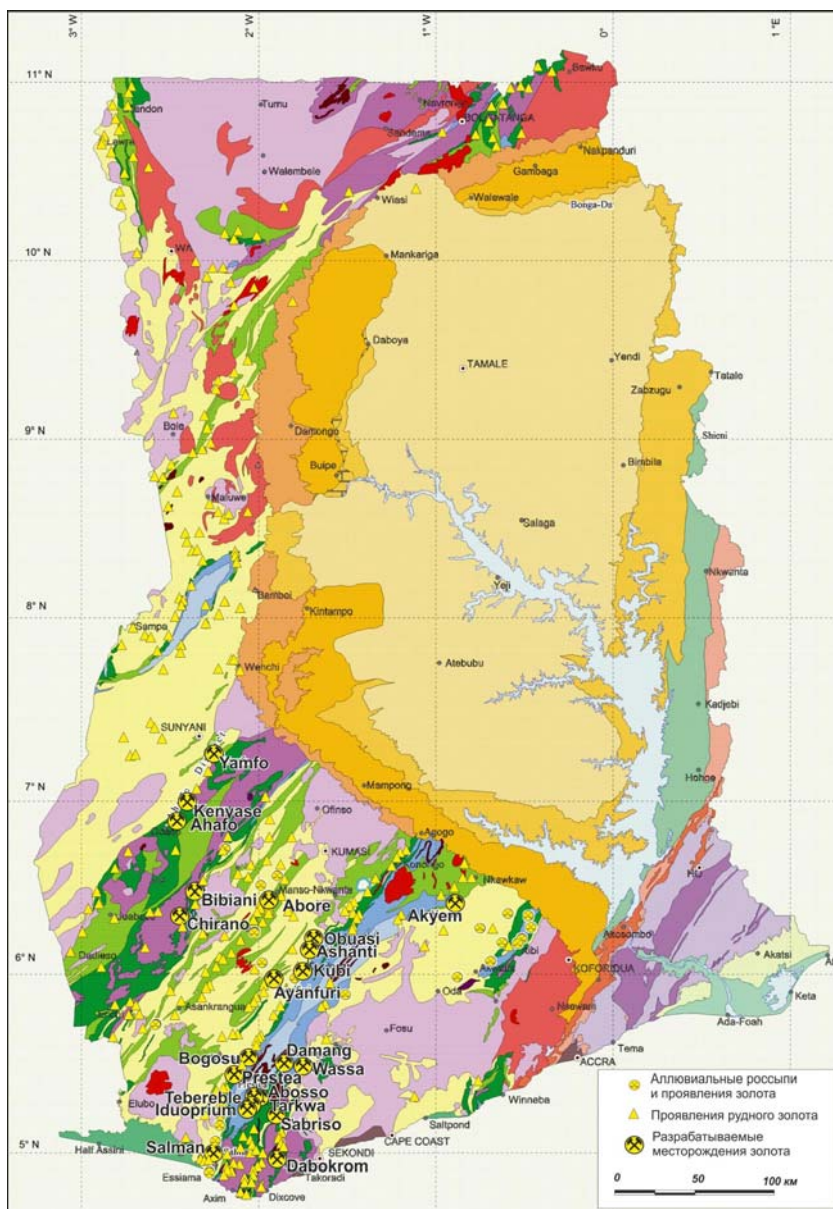

Рис. 6. Золотые коренные и россыпные месторождения золота, их проявления

В совокупности остаточные запасы золота в низко-сортных рудах золотоносных конгломератов достигают 720 т, а ресурсы составляют не менее 550 т.

В золоторудном поясе Ашанти располагаются следующие месторождения и рудники (с северо-востока на юго-запад): отработанное месторождение Кононго, действующие рудники Ашанти, Куби, Аянфури, Богосу и Престеа, Салман и Анвиа). Месторождения локализованы в толще филлитов и глинисто-серицитовых сланцев с прослоями песчаников и алевропесчаников. В Ашанти отработка руд ведётся местами на глубинах около 2 км. Рудные тела в основном представляют собой зоны прожилково-вкрапленного и вкрапленного оруденения протяжённостью до 0,7–1 км, а на месторождении Ашанти – нередко жилами золото-кварцевого состава, местами с довольно крупным (2–3 мм) видимым золотом. Содержания золота в жилах обычно составляют до 5–10 г/т, в зонах вкрапленного оруденения не превышают 2–3 г/т, а на некоторых месторождениях снижаются до 1–1,5 г/т.

Ежегодно в пределах пояса Ашанти добывается до 15–17 т золота. Месторождения рудного поля Ашанти с остаточными запасами золота около 310 т и значительными ресурсами (более 150 т) до сих пор остаются наиболее крупными рудными объектами Ганы. За период отработки рудного поля с 1897 г. извлечено около 820 т золота.

Из прочих золоторудных поясов наиболее интересен Агафо, или Ямфо-Сефви, заключающий разведанные месторождения Агафо и Нтоторосо с подтверждёнными запасами золота, составляющими в совокупности более 410 т. Ресурсы золота приближаются к 180 т, а с перспективными проявлениями Босумкесо (Bosumkeso), Кеньяйсо (Kenyasoo) и др. – не менее 230 т.

Кроме того, примерно в 60 км к восток-северо-востоку от действующего рудника Ашанти компания «Newmont Mining» обнаружила, а затем разведала крупное месторождение золота Акайем (Akyem) с подтверждёнными запасами

196 т золота. Месторождение приурочено к тектонически осложнённой приконтактовой зоне нижнебирримских филлитов и сланцев и верхнебирримских вулканитов. Разведано три зоны рассланцевания, к которым приурочены золоторудные штокверки и зоны прожилково-вкрапленных руд. Здесь же отмечаются непротяжённые золото-сульфидно-кварцевые жилы со сравнительно крупным видимым золотом. Наряду с кварцем в рудах присутствуют пирит, арсенопирит, халькопирит, пирротин, сфалерит. Мощность рудных тел меняется от первых метров до первых десятков метров. Наиболее крупные тела протягиваются на расстояние более километра, а на глубину прослеживаются на многие сотни метров.

В 2011 г. в Гане добыто 87,6 т золота (в 2010 г. добыча составила 92,9 т).

Алмазы

Подтвержденные запасы алмазов Ганы на начало 2012 г. составляли 19,0 млн кар., ресурсы оценивались в 30 млн кар.

До настоящего времени накопленная добыча из россыпей Ганы составляет около 120 млн кар. алмазов; пик добычи – 2,8 млн кар. был достигнут в 1966 г. В 2006 г. в Гане добыто более 972 тыс. кар. алмазов, общая стоимость которых при экспорте составила 30,93 млн дол. (то есть средняя цена – 31,81 дол./кар.), к 2009 г. добыча уменьшилась до 380 тыс. кар. алмазов – 6,98 млн дол. (то есть цена упала до 18,37 дол./кар.). В 2011 г. добыча ювелирных алмазов сократилась до 300 тыс. карат.

Все алмазы Ганы добываются исключительно из аллювиальных россыпей преимущественно четвертичного возраста. Добыча ведётся в восточных, западных и центральных областях страны, в бассейне р. Бирим (см. рис. 2). Основной объём продукции (около 95 %) добывается на главной алмазоносной площади страны – прииске Акватия (Akwatia), расположенном в бассейне нескольких левых притоков р. Бирим. Небольшие россыпи обнаружены западнее, в бассейне р. Бонза.

До 1993 г. добычей занималась государственная компания, владевшая прииском Акватия, а также многочисленные старатели, работавшие на флангах месторождения. В 1993 г. была проведена приватизация государственного предприятия и организована новая компания – «Birim River Diamond Ltd.», куда вошли фирма «Lazar Kaplan», правительство Ганы и компания «De Beers Centenary». В середине 1995 г. в корпорации De Beers пришли к решению, что остающиеся ресурсы площади ниже предполагавшихся и не оправдают затрат, после чего De Beers вышла из предприятия.

Оценить реальный уровень добычи старателей трудно вследствие широко распространённой контрабанды. Для её нейтрализации была создана правительственная компания «Precious Minerals Marketing Corp.», скупающая продукцию старателей как напрямую, так и через сеть лицензированных скупщиков по справедливым ценам. Благодаря этому контрабанда после 1995 г. существенно снизилась.

В настоящее время единственной крупной алмазодобывающей компанией страны является государственная «Ghana Consolidated Diamonds» (GCD). Уровень добычи компании GCD оценивается в 400 тыс. кар. в год. Извлекаемые запасы алмазов, принадлежащие компании, распределены на площади 240 кв. км вдоль долины р. Бирим. Они оцениваются в 14 млн кар. доказанных запасов со средним содержанием алмазов более 1,0 кар./куб. м, 4,6 млн кар. вероятных запасов и около 30 млн кар. возможных запасов. Кроме того, в этих россыпях содержится попутно извлекаемое тонкое золото.

Компаний, специализирующихся на проведении геологоразведочных работ на алмазы, в Гане нет. Поиски и разведку россыпей проводит сама добывающая компания GCD. При этом разведываемые участки сразу вовлекаются в добычу, поскольку в противном случае они могут подвергнуться нелегальной старательской отработке.

Доля старательской добычи постоянно растет (в настоящее время она составляет уже около 70 %), а государственной – снижается.

Известно, что источником алмазов всех промышленных россыпей Ганы являются продукты денудации древнего промежуточного коллектора – докембрийских алмазоносных конгломератов серий Бирим и Тарква; коренной источник биримских алмазов пока достоверно не установлен. Им могут быть архейские алмазоносные (возможно, кимберлитовые) породы. В подтверждение этого предположения в 1996 г. на площади Акватия юниорной канадской компанией обнаружены так называемые «метакимберлиты» – сильно метаморфизованные архейские породы (вероятные аналоги алмазоносных филлитов Бразилии и Гайяны). Компания провела опробование этих образований, но результаты его остались неизвестными.

Алмазы россыпей Ганы обычно мелкие – 0,03–0,07 кар., невысокого качества. Алмазы мельче 2 мм составляют около половины по весу и 90 % – по числу камней. Содержание алмазов +4 мм составляет по весу около 1 %, а алмазов – 0,5 мм – около 20 %. В алмазах часты включения рутила, ильменита. Алмазы нередко инкрустированы кварцем. Ювелирные разности составляют 20 % добычи, полуювелирные – до 40 %, технические – обычно 40–50 %. Характерной особенностью является высокое (30–60 %) содержание борта и камней, окрашенных в коричневый, серый и бледно-зеленый цвета. Алмазы Ганы – одни из самых недорогих: средняя стоимость одного карата – около 30 дол.

Все добываемые в стране алмазы направляются на экспорт.

Кроме перечисленных полезных ископаемых в Гане известны россыпи с танталитом и колумбитом в районе Аким-Ода, два пегматитовых месторождения берилла в районе Салтпонд, небольшое месторождение барита в районе г. Дабойя, кианита (месторождение Васипе) и несколько месторождений известняка.

4. Сотрудничество России с Ганой и перспективы его развития

НК «ЛУКОЙЛ» (LUKOIL Overseas Ghana Ltd) не намерен сворачивать геологоразведочные работы в Западной Африке и планирует продолжать бурение 2–4 поисково-разведочных скважин в 2012–2013 гг. Всего на лицензионном блоке Cape Three Points Deep Water пробурено три скважины. Первая скважина показала хорошую проницаемость, и компания поставила на баланс 136 млн бар. запасов. Вторая скважина дала удовлетворительные результаты. По Гане предстоит бурение еще нескольких (от 2 до 4) скважин, чтобы понять перспективы выявленных по сейсмике 8 структур в пределах лицензионного блока.

По данным ОАО «Зарубежгеология», весьма перспективно проведение оценки нефтегазоносного потенциала ганского сектора Гвинейского залива и впадины Вольта на основе ревизии имеющихся геолого-геофизических материалов, а при необходимости их переинтерпретации, а также применения современных методик дешифрирования космических снимков и составления прогноза на открытие новых месторождений и приращения ресурсов углеводородов. При этом, используя космические технологии возможно выявить новые месторождения и проявления нефти в прибрежной зоне на юго-западе континентальной части Ганы.

В Гане имеются многочисленные коренные месторождения золота, а также несколько небольших россыпей. Примерно один раз в два-три года в пределах известных золоторудных поясов открываются всё новые и новые месторождения золота с запасами, достигающими или даже превышающими 100 т золота. В ближайшей перспективе эта тенденция должна сохраниться, поэтому территория страны представляет интерес и для золотодобывающих компаний России. Основной интерес представляют тарквайские конгломераты, отработка которых при высоких ценах на золото

может оказаться рентабельной. Тем более что есть реальные перспективы попутного извлечения из них урана. Для выбора новых лицензионных блоков целесообразно провести предварительный дистанционный анализ с выявлением новых площадей, перспективных на золото. Проведение этого анализа возможно только в пределах трех золоторудных поясов (см. рис. 5): Ва-Лавра (Wa-Lawra), Боле-Навронго (Bole-Navrongo) и Буай (Bui). Прочие золоторудные пояса с поверхности скрыты джунглями. Однако даже в трех названных выше поясах имеется до 90 выявленных золоторудных объектов и возможно выявление новых.

Л и т е р а т у р а

1. Гана / Информационно-аналитический центр «Минерал» (ИАЦ Минерал), 2013. URL: <http://www.mineral.ru/Facts/world/116/139/index.html>
2. *Бежанова М.П., Стругова Л.И.* Ресурсы, запасы, добыча и потребление важнейших видов полезных ископаемых мира. – М.: ОАО «ВНИИЗарубежгеология», 2013.
3. BP Statistical Review of World Energy. June 2012. URL: <http://www.bp.com/statisticalreview>.
4. Manganese, bauxite and iron occurrences in Ghana / Minerals Commission Ghana. URL: www.ghana-mining.org
5. Gold Deposits of Ghana / Minerals Commission Ghana. URL: www.ghana-mining.org.
6. Diamond occurrences in Ghana / Minerals Commission Ghana. URL: www.ghana-mining.org.
7. Информационный портал Республики Гана. Гана стала малопривлекательна для горной промышленности. URL: <http://ghana-business.ru/gana-stala-maloprivlekatelna-dlya-gornoy-promyishlennosti/>
8. Mining Data Bank of Ghana. Secretariat of the African, Caribbean and Pacific Group of States (ACP Group). URL: http://mines.acp.int/html/presentation_en.html

ПОРТРЕТ АФРИКАНСКОГО ЛИДЕРА

Л.В. Пономаренко, Т.И. Понька

НЕЛЬСОН МАНДЕЛА: «МОЙ ИДЕАЛ – ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ, СВОБОДНОЕ ОБЩЕСТВО...»

Нельсон Мандела

5 декабря 2013 г. на 96-м году жизни в своем доме в пригороде Йоханнесбурга скончался выдающийся государственный и политический деятель Африканского континента, борец за права человека в период существования апартеида в Южно-Африканской Республике (ЮАР), первый темнокожий президент ЮАР Нельсон Мандела. Нынешний прези-

дент ЮАР Джейкоб Зума так откликнулся на его смерть: «Наша нация потеряла великого сына» [1]. Правящая в ЮАР партия Африканский национальный конгресс (АНК), которую Мандела возглавлял в 1991–1997 гг., заявила: «Пал великий африканский баобаб, который любил всю Африку так же, как и ЮАР. Его ствол и семена будут питать землю на протяжении будущих столетий» [1].

Жизнь и судьба этого человека поистине удивительны и полны как героических, так и драматических страниц. Он прожил долгую жизнь, выдержал испытания жестокого тюремного заключения в течение 27 лет, прошел искушение высшей властью, получил от желтой прессы ярлык террориста и стал Нобелевским лауреатом, его похороны собрали глав государств и правительств со всех континентов. Как всякая масштабная личность, он вошел в мировую историю как противоречивый политик, споры о значении его личности и деятельности утихнут не скоро.

Нельсон Мандела родился 18 июля 1918 г. в семье представителя младшей ветви рода династии тембо (языковая группа коса), правящей в регионе Транскей Восточно-Капской провинции ЮАР [2]. У коса было принято многоженство, поэтому у его отца было четыре жены, которые родили ему тринадцать детей. Нельсон Мандела был рожден третьей женой и при рождении получил имя Ролихлахла, означающее «мятежный духом», в переводе на литературный язык «тот, кто тянет ветку дерева». Из многочисленных детей отца Ролихлала стал первым, кто пошел в школу. По существовавшей в школе традиции, уже в первый день учительница всем ученикам дала английские имена. Ролихлахла она объявила, что теперь его новое имя Нельсон, которое словно обрекало его на героическую жизнь [3, р. 3]. Впоследствии именно с этим звучным именем друзья и родственники связывали ту роль, которую он сыграл в истории ЮАР, став всемирно известным [3, р. 3].

Нельсон Мандела рос смышленным, вдумчивым, впитывал в себя мудрость стариков, к которым испытывал большое почтение, с интересом вникал в историю своего народа, своей страны. Впоследствии Мандела писал: «Старейшины рассказывали нам о борьбе за свободу, о том, как сражались наши предки, защищая свою страну, о героических подвигах полководцев и рядовых воинов в эти эпические дни. Я надеялся, что жизнь даст мне возможность послужить своему народу и внести свой скромный вклад в дело борьбы за свободу, и я поклялся сделать это» [4, р. 207]. Принадлежа к племенной верхушке, Мандела мог рассчитывать на обеспеченную жизнь, но он, пренебрегая принятыми нормами, брался за любую, даже черную работу [3, р. 5]. В своей автобиографии Нельсон Мандела пишет о своем отце, о детстве, о своих друзьях. Он вспоминает о детских играх и отмечает, что все определяла традиция, ритуал, которые передавались от поколения к поколению [3, р. 5].

Когда Нельсону было девять лет, от туберкулеза умер его отец. Опекунем его стал верховный вождь Транскея. Заветная мечта юноши – стать юристом. В 1939 г. в возрасте двадцати одного года он поступил в университетский колледж для африканской знати в Форт-Хейре (Fort Hare). В этом университете он познакомился с Оливером Тамбо, который стал его другом и соратником по борьбе с апартеидом на всю жизнь. Уже в первый год обучения у Манделы возник серьезный конфликт с руководством университета. Мандела принял участие в организованном студенческим представительским советом бойкоте политики университета [3, р. 18–19]. Не доучившись, Нельсон Мандела уезжает из колледжа, отказавшись войти в состав студенческого совета и несколько раз пробойкотировав выборы. За ним оставили право возвращения в Форт-Хейр осенью, в случае вступления в совет. Уже тогда Мандела проявил мятежный дух, убежав из Транскея в Йоханнесбург. Там Манделе удалось устроиться клерком-стажером в юридическую фирму.

В 1942 г. Мандела получил заочно степень бакалавра искусств (то есть аттестат о среднем образовании) в Южно-Африканском университете, что давало ему возможность продолжить обучение. После этого началась его самостоятельная жизнь.

В 1943 г. Нельсон Мандела поступил в Витватерсрандский университет на факультет юриспруденции. Университет считался лучшим англоязычным университетом в Южной Африке. Для того времени это было исключительным фактом, так как подобные учреждения не принимали чернокожих студентов. Так, он оказался единственным в университете студентом-африканцем. Позже Мандела отмечал, что многие студенты приняли его хорошо, хотя со стороны некоторых он испытывал неприязнь. Именно в университете для него открылся новый мир, полный новых идей и новых надежд. Здесь Мандела познакомился с будущими соратниками по борьбе с апартеидом Джо Слово и Гарри Шварцем, встретил свою первую будущую жену Эвелин [3, р. 83], именно здесь он испытал сильное влияние либеральных, радикальных и африканских идей.

Между тем в стране набирали силу политические процессы. Как известно, в Южной Африке, начиная с XVII в., были созданы предпосылки и шел процесс формирования расового государства. Голландские и французские колонисты – буры подчинили местное африканское население. В конце XVIII – начале XIX в., в связи с открытием в Южной Африке богатейших месторождений полезных ископаемых, прежде всего алмазов и золота, возросла эмиграция в Южную Африку англичан. Англичане привозили сюда рабов из своих колоний. 31 мая 1910 г. Британский парламент принял Акт о Южной Африке, согласно которому был образован Южно-Африканский Союз (1910–1961 гг.), включавший в себя четыре британские колонии: Капскую колонию, Оранжевую, Натал, Трансвааль. Южно-Африканский Союз являлся доминионом Британской империи, в котором ведущее ме-

сто заняли белые и буры. Представители африканской интеллигенции уже в начале XX в. активно включились в борьбу за свои права. 8 января 1912 г. в Блумфонте был создан Южноафриканский туземный национальный конгресс, который в 1923 г. был переименован в Африканский национальный конгресс (АНК) [5, с. 241]. Вскоре АНК стал ведущей организацией, отстаивавшей права черного населения Южной Африки, которые всячески ущемлялись белыми. Мандела писал: «Любой африканец политизирован с детства. Он рождается в роддоме для черных, едет в автобусе для черных, живет в квартале для черных, учится в школе для черных, ходит на работу для черных и пользуется поездами для черных» [3, р. 89].

В апреле 1944 г. Мандела стал членом АНК. Весной 1944 г. он совместно со своими единомышленниками Оливером Тамбо, Уолтером Сисулу и др. создал Молодежную лигу АНК, в которой стал членом исполнительного комитета. Деятельность Лиги основывалась на принципах африканского национализма и самоопределения. В целом Молодежная лига по отношению к официальным властям Южной Африки заняла более воинственную позицию, чем АНК.

В 1948 г. в результате выборов к власти в Южной Африке пришла бурская Национальная партия в союзе с про-британской Южноафриканской партией. Новое руководство предложило новую концепцию государственного устройства – апартеид, которая провозглашала необходимость раздельного существования различных расовых групп. Конечной целью апартеида ставилось создание «Южной Африки для белых». Чернокожих предполагалось вовсе лишить южноафриканского гражданства. Парламентом была принята серия законов, которая закрепила и сформировала окончательную систему апартеида. Чернокожее население было лишено избирательного права, свободы передвижения, права на образование, на квалифицированный труд, на смешанные браки. Таким образом, к началу 1960-х гг. XX в. в ЮАР сло-

жилась, по сути, уникальная система: расовая дискриминация была возведена в абсолют и поддерживалась репрессивными мерами. Одно только перечисление законов, введенных в действие с 1948 по 1969 г., занимает более 30 страниц [6, с. 154]. Расизм стал общенациональной идеологией в Южной Африке.

Мандела, включившись в политическую борьбу, не оставлял своей мечты реализовать себя в качестве юриста. В 1951 г. он работал в юридической фирме, затем, сдав заключительный экзамен, устроился работать адвокатом в фирму Н.М. Basner. Совместно с Оливером Тамбо в 1952 г. они создают адвокатскую контору, став, по сути, первыми чернокожими юристами в Южной Африке. Фирма, в которой работали только чернокожие, оказывала бесплатную или самую дешевую юридическую помощь африканскому населению. Им удалось выиграть десятки самых трудных дел, помогая их клиентам – африканцам восстанавливать свои права, ущемленные режимом апартеида.

Вместе с тем в 1948 г. Мандела стал национальным секретарем Молодежной политической лиги АНК, в 1949 г. – членом Национального совета АНК, в 1950 г. – национальным президентом Молодежной лиги АНК. Молодежная лига под руководством Манделы повела борьбу за принятие программы действий АНК, которая призывала перейти от пассивных форм борьбы с апартеидом к бойкотам и забастовкам. Также из многочисленных источников известно, что в те времена АНК тесно сотрудничал с южноафриканскими коммунистами. В этом нет ничего удивительного, хотя АНК и стоял на позициях левого национализма, он входил в Социалистический интернационал, многие из руководства АНК состояли параллельно в компартии Южной Африки. Власти ЮАР, исходя из принятого закона о подавлении коммунизма, начали настоящую охоту на всех заметных деятелей освободительного движения.

С 1952 г. под руководством АНК в Южной Африке началась кампания неповиновения расистским законам, в которой Мандела принимал активное участие. В результате консолидации сил протеста 26 июня 1955 г. в городе Клиптауне, близ Йоханнесбурга, собравшийся конгресс народов принял «Хартию Свободы», которая включала в себя требования равного избирательного права, доступа к образованию и культуре, равных экономических возможностей, перераспределения земель и природных ресурсов, захваченных белым меньшинством. «Хартия Свободы» стала основным программным политическим документом сил освобождения Южной Африки от апартеида.

Из-за растущего авторитета Манделы в АНК власти стали преследовать Манделу. 30 июля 1952 г. полиция явилась с ордером на его арест. Вместе с Манделой были арестованы многие члены АНК. 2 декабря суд признал их виновными в исповедовании коммунистических взглядов и приговорил к 9 месяцам заключения, которое впоследствии было продлено до 2 лет [6, с. 127].

5 декабря 1956 г. Нельсон Мандела и еще 150 членов АНК, в соответствии с законом о подавлении коммунизма 1950 г., направленным на уничтожение всех антирасистских организаций, органов печати и т.д., были арестованы и помещены в тюрьму Йоханнесбурга. Им были предъявлены обвинения в государственной измене. 3 августа 1959 г., спустя почти три года после ареста и года разрешения передвижения, состоялся суд. Главным пунктом обвинения стали приверженность коммунизму и подготовка насильственного свержения власти. В то время по Южной Африке прокатилась волна демонстраций под лозунгом «Мы будем бороться за наших лидеров» [6, с. 185]. Тогда, по словам Манделы, суд и Южная Африка оказались по разные стороны баррикад [3, р. 321].

Власти стремились документально доказать, что Мандела являлся коммунистом, то есть, по расистским законам,

опасным для общества человеком. Судебное разбирательство длилось четыре года, в результате все обвинения были сняты.

На свободе Нельсон Мандела пробыл недолго. В то время Мандела вдохновлялся идеями Махатмы Ганди и исповедовал ненасильственные методы борьбы. Как известно, Ганди более восемнадцати лет прожил в Южной Африке, занимаясь юридической практикой. Гандизм нашел благоприятную почву в Южной Африке и оказал большое влияние на формирование мировоззрения Манделы. Но все изменилось, когда в марте 1960 г. чернокожие стали протестовать против запретов властей посещать районы, где проживало белое население. В результате столкновений полиция расстреляла 69 африканцев, что вызвало взрыв возмущения по всей стране. Власти ввели чрезвычайное положение в стране и запретили деятельность АНК. Было арестовано 20 тыс. человек.

События в Шерпевилле имели огромный резонанс в мире. Борьбе чернокожих в Южной Африке с апартеидом стало сочувствовать все мировое сообщество. Совет Безопасности ООН, собравшийся по требованию 29 стран Азии и Африки, в своей резолюции осудил апартеид. В чрезвычайных условиях руководство ЮАС вышло из Содружества и провозгласил создание 21 апреля 1961 г. независимого государства Южно-Африканской Республики. В условиях ужесточения репрессивных мер властей Мандела приходит к выводу о бесперспективности методов ненасильственной борьбы. Годы ненасильственной борьбы не принесли результатов. Тогда АНК изменил тактику.

В декабре 1961 г. Мандела и его соратники поставили целью активизировать освободительную борьбу, придать ей боевой дух и образовали новую организацию «Умконто ве сизве» («Копье нации»). Фактически она явилась вооруженным крылом АНК. Ее командующим стал Нельсон Мандела, который в манифесте организации заявил следующее: «Народное терпение не беспредельно. В жизни каждой нации

наступает момент, когда ей остается либо покориться, либо воевать. Такой момент наступил в Южной Африке» [6, с. 166]. Вскоре организация заявила о своем существовании серией вооруженных актов. Следует отметить, что особая активность «Умконтото ве сизве» пришлась на заключительный этап борьбы с апартеидом в 1980-е годы, когда в стране была развернута настоящая партизанская война.

В это же время Нельсон Мандела и его соратники по АНК перешли на нелегальное положение. На ферме под Йоханнесбургом, а также в ряде других мест были созданы подпольные центры. Однако опыта вооруженной борьбы было недостаточно. В 1962 г. АНК направляет Нельсона Манделу за рубеж с целью приобретения опыта вооруженной борьбы [7, р. 21].

Между тем власти буквально открыли охоту на Манделу. Он вынужден был скрываться и семнадцать месяцев находился на нелегальном положении. 5 августа 1962 г. он был арестован полицией ЮАР в провинции Натал, обвинен в попытке нелегально покинуть страну и заключен в тюрьму Йоханнесбурга. Следует отметить, что в охоте на Манделу участвовали не только агенты южноафриканской полиции, но также и ЦРУ, которое передало полиции ЮАР информацию о местопребывании Манделы [8, р. 362]. Историю ареста Нельсона Манделы позже поведал миру корреспондент южноафриканской газеты «Стар» в Париже. В 1963 г. были арестованы и другие видные руководители АНК, Молодежной лиги и других организаций. На судебном процессе 20 апреля 1964 г. в Верховном суде в Претории апофеозом стало выступление Нельсона Манделы. Он изложил основные причины использования АНК насилия в качестве тактического оружия [9]. Мирные способы борьбы с режимом, запрет властей на деятельность АНК убедили сторонников Манделы в том, что единственным верным способом борьбы за свои права являются диверсионные акты. Иная деятельность равнозначна безоговорочной капитуляции [10]. В за-

ключение своей речи Мандела сказал: «Я выступаю как против господства белых, так и против господства черных. Меня воодушевляют идеалы демократического, свободного общества, где все расы и народы жили бы в мире и гармонии и у всех были бы равные возможности» [7, с. 24].

Несмотря на кампанию протеста в мире и принятую в Генеральной Ассамблее ООН резолюцию, осуждающую режим апартеида, суд 106-ю голосами (против – 1) признал виновными 8 обвиняемых, среди которых были Нельсон Мандела и его ближайшие сподвижники Уолтер Сисулу, Гован Мбеки, приговорив их к пожизненному тюремному заключению [11, с. 12]. Нельсона Манделу вместе с соратниками отправили в тюрьму на острове Роббен.

Мировоззрение южноафриканского лидера формировалось в ходе борьбы, судить о нем можно по его многочисленным речам на митингах, съездах АНК. Свои взгляды он также излагал на судебных процессах 1962 и 1964 гг. Материалы его выступлений были опубликованы в сборниках, изданных в разные периоды [3; 4; 12]. Интересна его точка зрения относительно различий в мировоззрениях африканцев и белых. Стремление Запада «цивилизовать» африканцев Мандела рассматривает как попытку увековечить зависимое положение чернокожих [4, р. 12]. К этому времени Мандела сформулировал основные принципы африканского национализма, так определив его главные цели: «1. Создание в ЮАР единой нации из разнородных племен. 2. Освобождение Африки от иностранного господства и иностранного руководства. 3. Создание условий, которые дадут возможность Африке внести свой вклад в прогресс человечества» [4, р. 20–21]. Следует отметить, что Мандела и его единомышленники не разделяли взглядов сторонников Панафриканского конгресса (ПАК), лозунги которых отличались крайним черным расизмом: «Африка – для африканцев!», «Сбросить белого человека в море!». Во взглядах и действиях Манделы логично сочетались непримиримый антирасизм и африканский на-

ционализм, главной особенностью которого был отказ от «черного расизма», ненависти к белому человеку.

С 1962 по 1982 г. Мандела отбывал наказание на острове Роббен близ мыса Доброй Надежды в одиночной камере тюрьмы. На острове он и другие заключенные занимались принудительным трудом на известняковом карьере [13]. В тюрьме все заключенные по цвету кожи делились на категории: «А, В, С и D». За Манделой закреплялась категория «D». Как заключенный категории «D» Мандела получал меньшую порцию еды и мог писать и получать только одно письмо и принимать только одного посетителя за полгода [14, с. 1–2]. Находясь в ужасных тюремных застенках, Мандела проявлял мужество и сумел организовать свою жизнь: в камере площадью в 2 кв. метра он регулярно занимался зарядкой, изучал философию, политэкономия, историю, язык африкаанс, живо интересовался политическими событиями. Одним из его любимых авторов стал Л. Н. Толстой, мировоззрение которого было Манделе достаточно близко. Находясь в заключении, Мандела обучался в Лондонском университете по программе заочного обучения и получил степень бакалавра юридических наук. В марте 1982 г. Мандела вместе с другими лидерами АНК был переведен в тюрьму Полсмур.

В общей сложности Нельсон Мандела провел в застенках тюрем 27 лет. Власти ЮАР запрещали публиковать в прессе его фотографии, показывать его по телевидению. Целое поколение южноафриканцев не знало его в лицо, не слышало его голоса. Тем не менее, находясь в тюрьме, он стал широко известен в ЮАР, на Африканском континенте, во всем мире как борец с расизмом и апартеидом. Африканские и мировые СМИ постоянно требовали: «Свободу Нельсону Манделе!». Его жизнь стала легендой, о нем складывали стихи и песни. С Манделой советовались по личным, юридическим вопросам не только заключенные, но и надзиратели. В тюрьме его стремились посетить политические, общественные деятели, духовные лидеры, журналисты. Он

получил почетное прозвище Мадиба Мхлакази (Большой вождь).

Южноафриканские власти не раз ставили перед ним дилемму: тюрьма или освобождение с отречением от борьбы. В частности, в 1985 г. президент ЮАР Питер Бота предложил Манделе освобождение на условиях прекращения политической борьбы. В ответ на это Мандела заявил общественности: «Мне дорога собственная свобода, но ваша свобода мне еще дороже. Слишком многие погибли, пока я находился в тюрьме, слишком многие пострадали из-за любви к свободе. Я считаю себя обязанным их вдовам, сиротам, матерям и отцам, которые оплакивают их. Ваша и моя свобода неразделимы. Я вернусь» (цит. по [11, р. 24]).

Борьба с апартеидом в ЮАР не прекращалась. Между тем главным поворотным моментом в усилении борьбы стало восстание в пригороде Йоханнесбурга Соуэто в 1976 г. 16 июня состоялась демонстрация школьников, по которым полиция открыла огонь. В ответ школьники стали забрасывать полицейских камнями. Восстание охватило все Соуэто, затем вышло за его пределы. Всего было убито свыше 600 человек. Восстание получило резонанс по всей стране и стало толчком для активизации освободительной борьбы в Южной Африке. АНК и его молодежное крыло активизировали свою деятельность. На важные промышленные объекты Йоханнесбурга, Кейптауна, Дурбана произошли нападения партизан. По всей стране прошли марши протеста. Правительство ввело чрезвычайное положение. Непосредственно сам апартеид стал тормозом общественного развития.

Между тем власти пытались реформировать систему апартеида. Следуя концепции апартеида «обособленного, отдельного существования и развития», в 1976–1981 гг. белые власти ЮАР в пропагандистских целях предоставили «независимость» первым четырем бантустанам – Транскей, Бопутатсвана, Венда и Сискей, что усугубило проблему взаимоотношений как белых и африканцев, так и, собствен-

но, среди африканского населения. В стране продолжались манифестации, лозунгами которых были «Долой апартеид!» и «Свободу Нельсону Манделе!». Все эти события сопровождались усилением давления мирового сообщества на режим апартеида в ЮАР. Государство апартеида, выступая против национально-освободительного движения Юга Африки, в новых условиях вынуждено было начать процесс деколонизации в Намибии, а также дать согласие на вывод своих войск из Анголы. В 1988 г. стало возможным подписание соглашения об урегулировании ситуации на Юго-Западе Африки под эгидой ООН. Оно предусматривало поэтапное движение к суверенитету Намибии.

В этот период уже стало очевидным, что кризис апартеида приведет к политическому изменению в ЮАР. Южноафриканские политические деятели, видные бизнесмены стали обсуждать возможность политического переустройства страны. В то же время правительство стремилось к налаживанию контактов с Манделой и его соратниками. В 1985 г. в больнице Кейптауна после операции Манделу посетили члены руководства правящей Национальной партии. В дальнейшем состоялось несколько его встреч с членами правительства. Так была создана основа для будущего переговорного процесса между белым правительством и африканцами.

В 1988 г. Мандела был переведен в тюрьму Виктор-Верстер, где оставался вплоть до своего освобождения. В это время были сняты многие ограничения и соратники Манделы получили право встреч с ним. В начале 1989 г. ушедший с поста президента ЮАР Питер Бота встретился в тюрьме с Нельсоном Манделой, что стало фактом признания Манделы в качестве лидера большинства чернокожего населения ЮАР.

В сентябре 1989 г. новым президентом ЮАР стал Фредерик де Клерк, взявший курс на привлечение африканцев к управлению страной. 2 февраля 1990 г. де Клерк объявил о снятии запрета с деятельности АНК и других организа-

ций против режима апартеида – ПАК, Южноафриканской компартии и др., а также объявил о предстоящем освобождении Нельсона Манделы.

11 февраля 1990 г. состоялось освобождение Манделы из заключения. Это событие стало самой главной мировой новостью и транслировалось телевидением по всему миру. Вскоре, с мая 1990 г. стали вестись официальные переговоры между правительством и АНК о будущем политическом устройстве ЮАР. В июле 1991 г. на съезде АНК Мандела вернулся на должность его лидера. С 1990 по 1994 г. шел сложный процесс поиска компромиссных решений по устройству многорасового общества в ЮАР, что сопровождалось митингами, вооруженными столкновениями между сторонниками АНК и зулусской партией Свободы Инката. Вооруженные действия Panaфриканского конгресса были направлены на изгнание белых из ЮАР. Вооруженные группы ПАК во всей стране совершили многочисленные террористические акции, убийства, что тормозило процесс ликвидации апартеида.

1 апреля 1993 г. состоялись многопартийные переговоры, которые были омрачены политическим убийством Генерального секретаря Южноафриканской компартии Криса Хани. По опросам общественного мнения, Хани занимал второе место по популярности в стране после Манделы и, вполне вероятно, мог претендовать на лидирующие позиции в политической структуре государства. И все же компромисс был найден. 26 апреля 1993 г. 104 представителя от 26 партий и организаций назначили дату проведения первых в истории страны многорасовых парламентских выборов – 27 апреля 1994 г. [15]. Значение этих выборов было отмечено во всем мире, так как они положили конец одному из самых незаконных и бесчеловечных режимов XX в. В итоге свержение апартеида в ЮАР произошло достаточно спокойно, в результате мирного перехода власти от белого меньшинства к чернокожему большинству. Все это стало результатом

проявления мудрости и смелости руководства страны, прежде всего президента де Клерка и лидера чернокожего населения ЮАР – Нельсона Манделы.

В ноябре 1993 г. на переговорах был утвержден проект временной конституции ЮАР, которая должна была быть приведена в действие после парламентских выборов [11, с. 26]. В октябре 1993 г. лидерам АНК Нельсону Манделе и Национальной партии Фредерику де Клерку была присуждена Нобелевская премия мира, что явилось, безусловно, высокой оценкой мировым сообществом тех усилий, которые оба лидера приложили для установления мира в многорасовом обществе.

В апреле 1994 г. завершился четырехлетний период переговоров о ликвидации апартеида политическими средствами. В том же месяце в ЮАР состоялись парламентские выборы, на которых АНК во главе с Манделой получил 62 % голосов. На заседании парламента президентом впервые в истории ЮАР стал чернокожий африканец Нельсон Мандела.

10 мая 1994 г. Мандела официально вступил в должность президента ЮАР. Режим апартеида пал, завершился период многолетней международной, политической и экономической изоляции ЮАР. Однако правительству Манделы предстояло решить многочисленные внутренние проблемы. Имея богатейшие запасы, экономика страны переживала к этому моменту тяжелейшие времена. К началу 1990-х гг. ее рост остановился, задолженность государства вышла из-под контроля. Кроме того, вплоть до выборов 1994 г. страна находилась в состоянии неутраченной гражданской войны.

Прежде всего, руководство выработало основные приоритеты экономической и социальной политики страны. За годы президентства Мандела провел важные социально-экономические реформы, направленные на преодоление социального и экономического неравенства. Так, была отмене-

на дискриминация при устройстве на работу, установлены равные пособия для всех жителей страны. В годы его правления было построено много новых социальных объектов: жилья, школ, больниц, миллионы людей получили доступ к воде, электричеству, телефону и лекарствам, началась борьба со страшным бичом – СПИДом.

Нельсон Мандела скорректировал внешнеполитический курс страны. Новый курс предусматривал, прежде всего, развитие дружественных отношений с соседними государствами Африки и Африканского континента в целом. Преодолевая многолетнюю международную изоляцию, Мандела добился международного признания своей страны. ЮАР была принята в Организацию африканского единства, Движение неприсоединения, восстановлена в Содружестве наций. ЮАР стала играть ведущую роль во внешнеполитических процессах в Южной Африке, выступая в роли миротворца в гражданской войне в Демократической Республике Конго, Свазиленде, Ботсване и других странах Африки. Мандела добился улучшения отношений со странами Запада, прежде всего с США и Великобританией, несмотря на сохранение дружеские отношения с такими странами, как Куба, Ливия, Ирак. Активное разноплановое двустороннее сотрудничество началось с Россией. Так, в 1998 г. состоялся визит в Москву вице-президента ЮАР Табо Мбеки, а в 1999 г. самого Нельсона Манделы. В 2010 г. Россию посетил нынешний президент ЮАР Джейкоб Зума.

Довольно перспективным представляется сотрудничество ЮАР и РФ в рамках новой международной организации БРИКС. Президент РФ В.В. Путин посетил ЮАР дважды. Первый раз в сентябре 2006 г., второй – в марте 2013 г. В 2013 г. В.В. Путин прибыл в южноафриканский г. Дурбан на саммит стран – членов БРИКС. Лидерами двух стран были рассмотрены вопросы двустороннего торгово-экономического и энергетического сотрудничества.

Нельсон Мандела выдержал испытание властью. Не меньшей его заслугой стал своевременный уход с политической арены. В декабре 1997 г. он отказался от выдвижения своей кандидатуры на пост председателя АНК, объясняя это своим преклонным возрастом: «Я обнаружил, что, поднявшись на вершину, ты видишь множество других вершин, которые нужно покорить. Я остановился здесь передохнуть. Но я могу отдохнуть лишь немного, так как со свободой приходят обязанности. Мой долгий путь еще не завершился» [3, р. 167]. Спустя пять лет после вступления в должность президента ЮАР, в соответствии с конституцией, он передал власть своему преемнику.

Непростой была и его личная жизнь. Нельсон Мандела был женат трижды. С первой женой Эвелин (1922–2004) он прожил с 1944 по 1958 г. В этом браке родились четверо детей – две дочери и двое сыновей. Один из сыновей умер в младенчестве. В 1958 г. Мандела женился на красавице Номзамо Мадикизеле, ставшей известной как Винни Мандела. В момент женитьбы Манделе было под сорок, Винни – двадцать четыре. Их брак продлился с 1958 по 1996 г. Их свадьба состоялась как раз в то время, когда Нельсон находился под следствием по делу о государственной измене, которая вменялась лидерам АНК. Жениха отпустили с процесса на четыре дня для участия в собственной свадьбе. Энергичная Винни мужественно и страстно боролась за освобождение мужа, но их брак закончился скандально. Винни обвинили в причастности к похищению нескольких человек и приговорили к шести годам тюрьмы. Мандела не стал вмешиваться в дела суда и расстался с Винни. В их браке родились две дочери. В восемьдесят лет он третий раз женился на вдове своего погибшего друга, президента Мозамбика Саморы Машела Грасе Машел. Его последняя супруга тоже вошла в историю – как единственная женщина в мире, побывавшая первой леди двух стран. Как первая леди, она отличалась

умом, достоинством, тактом, но в то же время большой скромностью. Из всех детей от первых двух жен сейчас живы три дочери Манделы, множество внуков и правнуков. В последний путь Нельсона Манделу провожали и Винни Мандела, и Граса Машел.

После ухода в отставку с 3 сентября 1998 г. по 14 июня 1999 г. Нельсон Мандела являлся Генеральным секретарем Движения неприсоединения, был почетным членом более 50 международных университетов. Его именем были названы улицы, площади, объекты культуры, ему посвящены многочисленные научные исследования, африканцы о нем слагают песни и сказания.

Можно с уверенностью сказать, что африканский мальчик из племени коса сполна оправдал звучное имя, данное ему учительницей в школе – «Ролихлахла».

Л и т е р а т у р а

1. Умер национальный герой ЮАР Нельсон Мандела // Новости NEVS com. Ru. URL: <http://www.newsru.com/world/06dec2013/mandela.html>
2. South Africa: Celebrating Mandela At 90. AllAfrica.com (17 July 2008).
3. Long Walk to Freedom. The Autobiography of Nelson Mandela. – Great Britain, Little, Brown and Company. – 1994.
4. *Mandela N.* The Struggle is My Life. – L., 1978.
5. *Давидсон А.Б.* Южная Африка. Становление сил протеста. – М., 1972.
6. *Лерумо А.* 50 лет борьбы. История Южно-Африканской коммунистической партии. 1921–1971. – М., 1973.
7. РИА Новости. URL: <http://ria.ru/analytics/20100718/255391275.html>
8. Weiner Tim Legacy of Ashes. – Penguin Group. – 2007.
9. *Mandela N.* An ideal for which I am prepared to die // The Guardian. – 1964. – 20 April.
10. The Sharpeville Massacre // Time. – 1960. – 4 April.

11. *Шубин Г.В.* Проблемы развития демократической Южной Африки (1994-2006). – М., 2006.
12. *Мандела Н.* Нет легкого пути к свободе. Статьи, речи и выступления на суде. – М., 1968.
13. A monument to Mandela: the Robben Island years // Independent Print Limited. – 2007. – 2 Septembre.
14. *Тетёкин В.Н.* Стальная доброта // Советская Россия. – 2003. – 24 июля.
15. Cape Times. 04.06.1993.

А.Д. Саватеев

ИСЛАМСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ В АФРИКЕ: МИФ? УГРОЗА? РЕАЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ?

Исламский фундаментализм в Африке южнее Сахары?! – «Фантастика! – Любопытная гипотеза! – Импозантная идея! – Чушь!» – такие ответы, скорее всего, можно услышать в ответ на этот вопрос. Если не принимать во внимание, что религия Пророка Мухаммеда проникла в эту часть Африканского континента даже раньше, чем она начала распространяться среди бедуинов Аравийского полуострова – уже в 615 г. первые *мухаджир*ы волею судеб оказались в тогдашней Абиссинии [2, с. 31; 8, с. 103, 106–107; 10, с. 23; 11, с. 285–286; 12, с. 85–86]. Так почему черные мусульмане в Тропической Африке не могут обращаться к своим первоосновам, как обращаются к первоисточникам мусульмане-арабы в той же Северной Африке, куда, как известно, коранические идеи проникли все же позднее – в 630–640-е годы? Тем более афганские или среднеазиатские правоверные, которых в ряде случаев представляют (и заслуженно!) образцами благочестия, и где ислам оказался еще позднее?

Тем не менее исламский фундаментализм в Тропической Африке воспринимается научным сообществом и даже африканистами как нечто экстраординарное, необычное, как явление, затрагивающее исключительно область духа, религиозных представлений и только. Однако реальность Африки, в том числе политическая, социально-культурная, наблюдение ученых-специалистов в области религиоведения, истории, политологии говорят об ином: фундаментализм, в том

числе исламский, в Африке присутствует и оказывает все большее воздействие на жизнь многих обществ и государств.

В чем проявляется его воздействие? Какие социальные группы он затрагивает? Кто и почему становится носителем фундаменталистских идей? Каковы особенности исламского фундаментализма в этом регионе Африканского континента? Можно ли говорить о его перспективах в данной части мира? Наконец, к чему может привести укоренение исламского фундаментализма, как это может повлиять на его отношения с христианством? Вопросы существенные, которые требуют изложения убедительных фактов. Однако вначале обратимся к самым общим терминам, выражающим связанные с фундаментализмом понятия.

Общие понятия фундаментализма: культурно-исторический аспект

Для обозначения этих понятий, которые в целом имеют единую природу, в науке используется ряд терминов: «фундаментализм», «возрожденчество», «радикализм», «интегризм», «исламитизм», «политический ислам». Однако все они не могут претендовать на точность и всеохватность определения тех явлений в жизни современного мусульманского общества, которые иногда представляются как попытка вторичной исламизации XX–XXI вв. в регионах распространения исламской цивилизации [4, с. 9].

Религиозные основы исламского фундаментализма

Сами мусульмане не признают терминов «фундаментализм», «экстремизм», «радикализм»; они обычно используют термин «ал-исламийюн» («исламиты»). Этим понятием они обозначают тех, кто выступает за реисламизацию общественно-политической жизни и государственного устройства в собственно мусульманских обществах, которые, как считают исламиты, нуждаются в реформировании согласно требованиям первоначального, «чистого ислама» [40, р. 241].

Реисламизация в таком понимании означает в первую очередь превращение шариата как совокупности закрепленных в Коране и сунне морально-этических и юридических норм в абсолютный нормативно-правовой источник, откуда общество черпает идейные основы для регулирования всей частной и публичной жизни во всех ее проявлениях – в быту, семье, на работе, в политике, при совершении банковских операций, в учебе и преподавании и т.д.

В широком смысле слова фундаментализм – это обращение к духовным первоосновам религии и культуры. Для религиозного сознания он необходим как основа идентичности, особенно в тех условиях, когда происходит резкий слом привычного миропорядка и на смену одной эпохе приходит другая. Именно в таких обстоятельствах фундаментализм проявляет свое позитивное содержание, поскольку обуславливает сохранение базовых культурно-религиозных и социально-политических моделей и ориентиров, то есть масштабных цивилизационных характеристик, которые подтверждают тождество цивилизации. Это соображение равно применимо к любой крупной культурно-религиозной системе. Но дальше возникают серьезные различия, разделяющие фундаменталистские доктрины.

Одни учения остаются в рамках верности раз усвоенным, традиционным духовно-религиозным принципам, этическим нормам, культурным ценностям, провозглашенным в Коране, и ориентируются на фундаментальные основы бытия каждого мусульманина, не выходя за рамки нравственного поведения. Другие настойчиво требуют от того же мусульманина еще и активного участия в политической жизни, выдвигают на первый план создание исламской политической системы (халифата), апеллируя при этом заповедями Пророка, требованиями шариата «во имя свершения указаний Аллаха» [47, с. 137–144; 48, с. 4–11]. Крайние, экстремистские идеологии требуют при этом не останавливаться перед насилием, кровью, «ибо таковы указания в Коране и хадисах».

Именно такие, экстремистские, которые понимаются в более широком смысле как «радикальные», идеи и организации особенно привлекают внимание мировой общественности, неоправданно становятся выражением смысла ислама в глазах представителей иных конфессий. Однако всем, кого в европейском дискурсе принято называть фундаменталистами, присуща убежденность в необходимости «вернуться к фундаменту веры – Откровению» [48, с. 4–11], изложенному, прежде всего, в Коране.

В общественной жизни попытки реализации радикальных религиозных учений, превращение их в абсолют, направленный на отвержение любых социально-культурных, политических, технологических новшеств в XXI в., ведет к превращению радикализма в тормоз исторического развития, ставит предел существованию традиционной цивилизации, лишая ее возможности обновления, адаптации к постоянно меняющемуся миру¹. Несбалансированное выпячивание значения духовных источников без попыток адаптировать их к современности во многом является, по нашему мнению, содержанием современного понятия «фундаментализм».

Все высочайшие авторитеты в исламе, на которых обычно ссылаются в религиозных спорах, – Пророк Мухаммед, саудовский вероучитель и улем Ахмад Ибн Ханбал (VIII–IX вв.), средневековые теологи Таки ад-Дин Ибн Таймийя (1263–1328) и Ибн ал-Кайим (1292–1350), саудовский миссионер Мухаммед ибн Абд ал-Ваххаб (1703–1794) – делали упор на духовной ясности и чистоте помыслов, благочестии и глубине овладения религиозными познаниями как

¹ Эта опасность фундаментализма, угрожающая прежде всего самой исламской цивилизации, к сожалению, не отмечена таким известным исследователем арабского мира, как В.И. Максименко; он акцентирует внимание на «нефундаменталистском» религиозном поведении, которое, по его словам, «ведет к утрате религиозного содержания и рано или поздно вырождается либо в мертвый культ, либо в ширму для посюсторонних материальных и политических вождельней» [4, с. 11].

необходимых условиях приобщения к исламу. Ибн Ханбал остро реагировал на общественно-политический кризис своего времени, он стал создателем наиболее строгой из четырех канонизированных мусульманских религиозно-правовых школ – ханбалитской, которая отвергает любое новшество, если оно не имеет аналога в преданиях правоверия и не освящено согласованным решением богословов (*иджма*). Сириец по происхождению, Ибн Таймийа взывал к традициям ислама, противопоставляя их исламу неопитов – монгольских завоевателей, покоривших его родной народ. Свои идеи он изложил в прославившей его имя в исламском мире «Книге единобожия» («Китаб ат-таухид»). Абд ал-Ваххаб призывал в кризисный для саудовского общества период руководствоваться в своих поступках исключительно Кораном и «достоверными хадисами», в которых зафиксированы примеры из жизни Пророка Мухаммеда.

Исламский национализм как форма фундаментализма: «Братья-мусульмане»

К *ас-салафийа* помимо уже указанных знатоков ислама причисляются, например, идеологи ассоциации «Братья-мусульмане» (*ал-ихван ал-муслимин*), созданной в Египте в 1928 г. шейхом Хасаном ал-Банной [3, с. 117, 204]. В то же время их цели и задачи заметно отличаются от салафитских. В идеологии «Братьев-мусульман» сочетаются доктрины панисламизма и мусульманского национализма, совокупность которых его основатель, египетский религиозный мыслитель Хасан ал-Банна назвал теорией «национализма ислама» (*кауми́я ал-ислам*). Основой «национализма ислама» является понятие «*алами́я*» (всеобщность), априорно присутствующее самой доктрине ислама и противостоящее космополитизму, который понимается как порождение европейской культуры.

Выдвинув несколько видов *кауми́я* – *кауми́я ан-наджд* (гордость молодежи славой отцов), *кауми́я ат-танзим* (реализация общих целей свободы), *кауми́я ал-умма*

(интерес к своей нации, народу), *каумийа ал-удван* (стремление к господству во имя своей расы), *каумийа ал-джахилийа* (желание восстановить доисламский строй), Хасан ал-Банна утверждал, что Пророк одобрял первые два вида исламского национализма, тогда как остальные должны быть отвергнуты. По теории «национализма ислама» ал-Банна, «патриотизм – это не что иное, как часть религии, а деятельность на благо родины является разновидностью культа, посредством которого люди приближаются к Аллаху». «Братья-мусульмане» понимают границы патриотизма как границы веры («где бы ни был мусульманин, он говорит «нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – Пророк его»), но определяют их не земными понятиями или географическими: его отечеством и священной для него землей является место, где он находится. «Все мусульмане в этих географических районах – наш народ и наши братья... Проповедники патриотизма [в европейском понимании. – А.С.] не так смотрят на эти вещи, их ничего не интересует, кроме судьбы ограниченной территории их земли».

Ал-Банна обращает внимание на то, что «в Коране термин «единство» (*ал-вахда*) выражается словом «вера» (*ал-иман*), тогда как термин «разъединение» (*ал-фурка*) – словом «неверие» (*ал-куфр*). Исходя из этого, мусульманская нация с точки зрения ислама составляет единую нацию, объединяющую братьев по вере (*акида*)». По этой причине «братья-мусульмане» считают, что ислам – это родина и гражданство, и поэтому они не признают географических границ и различий в гражданстве, считая всех мусульман единой нацией, а исламское отечество – единым исламским отечеством». Соотношение между исламом и национальной принадлежностью в интерпретации ал-Банна выглядит следующим образом: «Воистину умма создала свою нацию из ее языка, религии, обычаев, культуры... и каждый представитель уммы является хранителем земли, на которой он родился, и по отношению к ней он является египтянином, сирийцем, иракцем...

он член этой великой уммы, которую объединяет язык, религия, общие чувства... и он араб в этой умме» [18; цит. по: 6, с. 60].

В конце 40-х гг. XX в. в связи с усилением антиколониальной борьбы народов Ближнего Востока и Африки «Братья-мусульмане» выступили с инициативой разработки общей стратегии исламского единства в борьбе с колониализмом и *шуубийей* (неарабским национализмом). Они рассматривают *шуубийю* как орудие, которым Запад пользуется для раскола исламского мира. Одновременно они выдвинули лозунг третьего, то есть исламского, пути развития, вычленив и в значительной мере противопоставив миру капитализма и социалистическому блоку мир мусульманский. Отправной точкой на этом пути лидеры «Братьев» считали создание так называемого «восточного союза», который должен был объединить афро-азиатские государства в их противостоянии Западу.

Восточный союз (или «восточный национализм»), в понимании «Братьев-мусульман», – общие чувства, противопоставляемые гордости Запада, которые будут подпитываться до тех пор, пока западные государства не откажутся от своей *асабийи* [партикулярного национализма. – А.С.] и не примут идею мирного сосуществования между народами. Однако такой союз едва ли станет постоянным, он носит тактический характер, поскольку «мусульманские народы должны идти к сплочению лишь на исламской основе». Поэтому «Братья-мусульмане» стратегически против и Запада, и Востока (понимаемых как противостоящие блоки западноевропейских и бывших социалистических государств Восточной Европы), но они – за коранический ислам.

Полностью исламское единство может быть достигнуто только на последнем, четвертом этапе, когда в одном союзе сольются африканские мусульмане и приверженцы этой религии из других периферийных регионов уммы. Этапы движения к этой цели, по Хасану ал-Банне, выглядят сле-

дующим образом: 1) реализация единства мусульман Египта, который призван сыграть главную роль во всем процессе; 2) достижение единства правоверных, населяющих долину Нила – в границах Египта и Судана; 3) установление арабского единства; 4) создание всемусульманского союза с участием приверженцев ислама Тропической Африки и других периферийных районов мусульманского мира [6, с. 60].

Салафийа – идеология исламского единства

В научной литературе для характеристики идеологии *ас-салафийа* используется (чтобы отделить его от «христианского» или «индуистского фундаментализма») термин «исламский фундаментализм». Исламские фундаменталисты, несмотря на существующие между ними различия догматического, идейно-политического и культурного характера, предпочитают называть себя *салафитами* (от *салаф* – «предки», «предшественники»). Так именовали мусульманских религиозных деятелей и их сторонников, которые в различные периоды истории ислама призывали ориентироваться на образ жизни и благочестие создателей мусульманской общины, «праведных предков» (*ас-салаф ас-салихун*).

Все позднейшие нововведения в религиозной догматике или в культовой практике, не говоря уже о каких-либо новшествах, заимствованных у Запада, объявляются *бид'а* – «недозволенное, греховное новшество», «заблуждение». *Салафиты*, или фундаменталисты, ратуют за строгое соблюдение предначертанных Аллахом религиозных требований, которые якобы действовали в период раннего, праведного ислама, но были искажены под влиянием позднейших этнокультурных и религиозных заимствований.

К наслоениям они относят культ святых, столь распространенный среди приверженцев *тарикатов*, элементы африканских этнических культур в исламе. В силу этого они – принципиальные противники суфийских орденов и использования обычного права в исламской судебной системе. В их представлении возвращение к «истинному»

исламу означает построение исламского теократического государства в виде халифата и регулирование всех сфер жизни общества и социально-экономической деятельности человека исключительно на основе Корана и шариата. Разумеется, это самое краткое перечисление далеко не исчерпывает тех многочисленных течений и форм – идеологических, культурных, политических, в которых выражает себя современный фундаментализм.

Радикальные проявления фундаментализма в африканском исламе

Современная волна исламизации вызвана к жизни больше общественно-политическими и международными факторами, а не внутренними, доктринальными спорами и внешне воспринимается как обращенная преимущественно к миру идеологии, а не к проблеме духовного самоусовершенствования верующего. Правда, в новейших движениях в мире ислама последние двадцать лет идут бурные богословские дискуссии, усиленные притоком в ряды мусульман вчерашней светской интеллигенции из университетских аудиторий, издательств, газетных и журнальных редакций, студенчества. Контактируя постоянно с европейцами, они особенно остро воспринимают факт технологического превосходства христианской цивилизации и поэтому одержимы стремлением реабилитировать ценности цивилизации, с которой они себя отождествляют. Одновременно они протестуют против насаждаемых в международных отношениях порядков и идеологии, где мусульманским странам отводится роль периферии человеческой цивилизации, и, наряду с традиционными улемами, пытаются внести в подкрепление своих позиций теологическое обоснование, свой вклад в духовно-религиозное знание. Однако эти усилия продиктованы прежде всего желанием (часто неосознанным) найти духовное обоснование своей политической позиции, обрести внутреннее оправдание обвинениям, которые они бросают своим оппонентам внутри конфессии: «Разве *марабуты* не являются

непроизводительным, паразитическим классом феодалов? Не они ли эксплуатируют доверчивость своих суфийских послушников (талибов), обращая их слепую преданность к своей материальной выгоде?», – такими, в частности, доводами пользуются сенегальские приверженцы фундаментализма – «реформаторы-салафиты» или «традиционалисты-ваххабиты», которые отказывают *марабутам* в какой-либо роли в исламе [26, р. 44–56]. Однако если в 70–80-х гг. XX столетия исламские фундаменталисты были относительно немногочисленны, а влияние их ограниченным, и поэтому в основном сводилось к декларативным заявлениям о создании «исламских республик», как это имело место в 1979 г. в Сенегале, в начале 1980-х – в Мали, Нигере, Северной Нигерии, то в 1990-х – начале 2000-х гг. приверженцы «чистого», «первородного» ислама организуют массовые демонстрации и прочие акции, носящие явно выраженный политический характер. В некоторых странах они устраивали террористические акты против американцев (Дар-эс-Салам и Найроби – 1998 г.), погромы христиан и мусульман, принадлежавших к тарикатскому исламу (Кейптаун, города Северной Нигерии и Восточной Африки). «Неправильных», то есть тех, кто не приемлет нового понимания веры, мусульман, по их мнению, тоже должна постигнуть кара.

Факторы роста исламского фундаментализма в современных условиях

Помимо внутренних, догматических оснований, появление фундаменталистских настроений в обществе имеет и вторую, более масштабную и глубокую причину – усиление политической, культурной, социальной взаимозависимости в современном мире, интенсификация экономических, военных и других отношений, в результате которых возникает единое универсальное пространство, контуры, содержание и принципы которого во многом задаются Западом, и прежде

всего – США. Вступающие между собой в контакт западная и исламская цивилизации обладают разными потенциальными силами. В современных условиях этот процесс особенно усилился в связи с появлением информационных технологий и получил название «глобализация». «Человеческой природе свойственно пользоваться своим превосходством. Поэтому и цивилизация, осознавшая свое превосходство над соседями, не преминет прибегнуть к силе, пока эта сила есть... Самовозвышение, бессознательно выливаясь в унижение других, приводит к отрицанию равенства человеческих душ. Однако невозможно, совершив грех отрицания человека в другом, не дегуманизировать тем самым самого себя» [16, с. 73], – таково суждение о современных глобальных процессах одного из авторитетнейших мыслителей Запада А.Дж. Тойнби. Одним из основных последствий глобализации является стандартизация – по американским шаблонам – моделей одежды, музыкальной и танцевальной культуры, кино и, главное, разрушение сложившихся норм поведения, традиционной общественной психологии с ее установкой на доброту, взаимопонимание, совесть, взаимопомощь, сострадание. Итогом становится формирование новой модели отношения к миру, новой картины мира, то есть изменение цивилизационных характеристик того общества, где насаждаются ценности глобального мира. Неприятие несущих реальную опасность новых, агрессивных шаблонов и стандартов в мусульманских конфессиях принимает осмысленный и организованный характер, влечет за собой стремление возродить национальные, культурные и религиозные ценности во всех областях культуры. Порой оно перерастает в попытки абсолютизировать национальную идентичность, превратить ее в фактор политического противостояния западной культуре в целом. Тем не менее, сохранение целостности традиционной исламской культуры – одно из принципиальных требований исламской общины.

Характер отношения к собственной и западной культуре в фундаменталистских общинах напоминает линию поведения евреев-традиционалистов в эллинистический период, описанную А. Дж. Тойнби: «Зилотская группировка состояла из людей, которые, столкнувшись с более сильной и более энергичной цивилизацией, преисполнились решимости оказать отчаянное сопротивление смертельному агрессору. Чем сильнее давил эллинизм, тем упорнее стремились они освободиться от него. Понимая, что им не выдержать открытого боя, они спасали себя и свое будущее в убежище прошлого, где, замкнувшись в интеллектуальной башне, тесно сомкнув ряды, они искали и находили вдохновение в себе. Мерой их верности и искренности стало соблюдение всех букв традиционного еврейского закона. Верой, вдохновлявшей зилотов, было убеждение, что если они не отступят ни на йоту от отеческого предания и сохранят его в нетронутой чистоте, им воздастся божественной благодатью и спасением от врага. Зилоты вели себя подобно черепахе, прячущейся под панцирь, или ежу, сворачивающемуся при опасности в колючий шар» [16, с. 76].

По словам одного из наиболее заметных современных идеологов и практиков фундаменталистского направления духовного лидера Судана Хассана Абдаллы ал-Тураби, «этот обновленный дух ислама представлен обострившимся осознанием идентичности, врожденной верой, обновленным личным и общественным поведением, либеральной интеллектуальной позицией и возросшей социально-политической активностью, пытающимися преодолеть разрыв между нынешними условиями мусульманского общества и идеями ислама» [33, р. 3]. Движение за возрождение ислама, как считает суданский религиозный авторитет, обрело, в частности, общенародные масштабы в Нигерии, Судане и странах Магриба. Оно «лучше понимается в глобальном измерении, и его следует рассматривать скорее как целостное движение за

общие социальные перемены, чем как просто личное или политическое обновленческое движение» [33, р. 3].

Одновременно исламский фундаментализм представляет собой реакцию мусульманского мира на культурную и социальную дифференциацию общества. В этом он сходится с коммунизмом или христианским фундаментализмом. В социальном смысле религиозный фундаментализм – это своего рода коллективная ностальгия, жажда возродить мир в виде простых объединений и общинных отношений. В политическом плане – это процесс, имеющий целью создать жесткие пределы, в рамках которых возможно было бы сохранить или возродить религиозно-политическую систему [13, с. 9–11], воплощающую идеал исламского государства – халифат. В нем власть светская, административная есть производное от духовного, от религиозного авторитета признанного лидера, обладающего, по общему представлению мусульман, особым благочестием. В исламском (теократическом) государстве нет места иным политическим, культурным, социальным нормам, кроме раннеисламских. В этом смысле исламский фундаментализм, не терпящий инокультурных элементов, не менее тоталитарен, чем коммунизм. Он в еще большей степени, чем другие фундаменталистские группы и движения, представляет собой попытку сохранить контроль над образом жизни членов сообщества, исключить идейный, политический, религиозный плюрализм даже в форме небольших отклонений от установленного образца. В радикальных формах они настаивают на абсолютном единобожии, отвергая поклонение самому Пророку Мухаммеду, не говоря о былых великих лидерах мусульманских духовных орденов. Отвергаются и потребительские поползновения, что отчасти сближает исламский фундаментализм с аскетизмом протестантских общин и официальной идеологией раннего и сталинского большевизма.

В то же время, противодействуя строительству национально-религиозных общин, фундаменталисты, в первую

очередь «ваххабиты», стремятся к достижению полного единообразия внутри мирового исламского сообщества. Этот тезис включает и ликвидацию национальных различий на фоне стремления к исламскому коммунизму, к созданию мусульманского транс-, или суперэтнического, сообщества. Некоторые идеологи, например, заявляют, что в исламе *нет национальностей*, есть одна и только одна нация – *мусульманская*. Реванш этой идеи мы наблюдаем сейчас, когда уничтожаются результаты *национальных* арабских революций руками приверженцев халифатского ислама.

Появление фундаменталистских движений в Африке вызвано еще одной, внутренней причиной: соперничеством между сторонниками суфийских орденов, представляющих интересы марабутов, которые основательно укоренились на африканской земле, и молодым поколением улемов, получивших серьезное образование в исламских университетах Ближнего и Среднего Востока. Обладающие гораздо большими познаниями в области теологии и других мусульманских науках, чем обучавшиеся в местных коранических школах и медресе шейхи суфийских тарикатов, они ставят под сомнение право традиционных суфийских авторитетов выносить обоснованные суждения по тем или иным вопросам веры, высмеивают их необразованность в теологических и других вопросах и на этом основании ставят под сомнение право марабутов выражать интересы исламских общин, руководить ими. Если вначале это соперничество в основном выражалось в культурно-религиозной сфере (диспуты по проблемам мусульманской догматики, создание культурных союзов и ассоциаций фундаменталистски настроенной богословской молодежи для просвещения единоверцев и обращения в ислам «многобожников», пребывающих в состоянии религиозного невежества – *джахилийя*), то в дальнейшем, особенно в последние 5–6 лет, соперничество было перенесено в социально-политическую сферу. Это проявилось в борьбе за

влияние в общинах мусульман – *джамаатах*, порой перераставшей в столкновения с приверженцами тарикатов.

На этом, втором этапе становления фундаментализма в Тропической Африке, который совпадает с созданием во многих африканских государствах национальных советов, объединивших мусульманские общины и в ряде случаев получающих небольшую финансовую помощь от государства и арабских исламских фондов, как по официальной линии, так и частного характера, возникло еще одно измерение соперничества: экономическое, борьба за источники финансирования. Правда, эта причина противостояния обеими сторонами тщательно затушевывается, однако скрытое противоборство временами выплескивается наружу, обнажая весьма прозаическую, корыстную пружину взаимной нелюбви приверженцев тарикатов, с одной стороны, и сторонников обновленческого ислама – с другой. И все же борьба за власть в *джамаатах* по-прежнему на первом плане.

Представляя собой до известной степени идейно-религиозное и политическое единство в том, что касается отношения к традиционному исламу, фундаментализм, или обновленческий ислам, распадается на значительное число течений, движений, групп или сект. Они различаются толкованием богословских доктрин, отношением к власти вообще как политическому феномену и конкретному государству, степенью приемлемости Запада и возможности заимствования западных технических и технологических новшеств, концепций и моделей общественно-политического развития, а также уровнем терпимости к окружающей их социокультурной среде и способностью к взаимным контактам друг с другом.

Насколько они разные...

Итак, на современном этапе исламский фундаментализм далек от однородности (даже с точки зрения доктрины

«Братьев-мусульман»), поскольку вбирает спектр весьма разных, с духовно-религиозной точки зрения, взглядов и отражает интересы различных социальных слоев, настроения многих категорий мусульман. Первая категория последовательно ориентируется на внутренние ценности вечного порядка, такие как справедливость и равенство, упорный и честный труд, благожелательность по отношению к окружающим как порождению милости Аллаха, жизнерадостность – все в соответствии с кораническими заповедями. В их поведении большое место занимает регулярное посещение мечети и неукоснительное соблюдение постов, ограничений в употреблении пищи и сексуальных контактах. Этот, достаточно заметный феномен личного поведения можно охарактеризовать как личностная, обращенная внутрь души вера, заостренная на совершенствовании личных качеств данного человека.

Вторая категория не довольствуется персональным соблюдением норм и правил «истинного» ислама: представители этой группы уже обращаются к своим соседям-собратьям по религии с предложениями и словесными требованиями следовать указанным пророческим предписаниям. Кто убеждением, уговорами с привлечением в качестве аргументов мусульманской догматики изречений Мухаммеда, а кто и принуждением, главным образом в отношении односельчан.

Третья категория, не ограничиваясь ближайшим мусульманским окружением, стремится навязать свои нормы поведения и религиозного мировоззрения приверженцам других конфессий – всему обществу. Однако, вынося свою богоугодную, по их убеждению, деятельность за пределы своей конфессиональной общины, фундаменталисты этого рода все-таки остаются в рамках веры и законопослушного поведения. Все три упомянутые категории в целом ограничиваются бытовой сферой, их сторонники не особенно вникают в идеи политического ислама, создания исламского го-

сударства. Их аргументация в целом не выходит за пределы словесных убеждений, что позволяет в известной мере объединить все три группы.

Четвертая категория мусульман, которая наряду с местными и зарубежными идеологами фундаментализма «ваххабизма» включает часть улемов, ряд представителей светской интеллигенции и торговцев, выступает за соединение ислама и власти, за воссоздание самоуправляемой религиозной общины мусульман в рамках страны, то есть фактически за воссоздание теократического государства. Хотя и здесь взгляды приверженцев такой позиции далеко не всегда совпадают. Большая часть «ваххабитов» этой категории, заявляя о необходимости создания религиозно-политического объединения мусульман – халифата, подобного теократической общине пророка Мухаммеда, едва ли видит вооруженный путь в качестве средства для достижения поставленной цели.

Наконец, для пятой категории местных фундаменталистов вооруженный *джихад* (*газават*) представляется необходимым и с любой точки зрения оправданным средством достижения конечной цели: создания единого исламского религиозно-политического образования. Главный метод: сила, основное средство – использование оружия. Эту часть политических исламистов, дабы дифференцировать их от приверженцев политических, мирных способов завоевания власти, логичнее именовать религиозными экстремистами (как, например, в отношении экстремистов вооруженного крыла Ирландской республиканской армии). Борьба с экспансией христиан, уничтожение неверующих и ввавших в «грех нововведений» мусульман, придерживающихся «народных» форм ислама, здесь естественны и богоугодны. Сюда входят в основном элементы, лишившиеся в результате капиталистических экономических «реформ» привычной социальной ниши, а порой и средств к существованию; озлобленные до предела представители вчерашней интеллигенции,

которые не состоялись профессионально или по иным причинам оказались вне своего социального круга. Цинизм, озлобленность и внутренняя глухота, сочетающиеся с разрывом с исконно африканскими и исламскими качествами: добротой, взаимоуважением, любовью к ближнему, составляют основу нравственного портрета экстремистского крыла фундаменталистов.

Согласно идеологии исламского экстремизма, мусульманин просто обязан бороться с неверными, то есть вести вооруженный *джихад*. Под неверными понимаются не только иноверцы, господствующие над мусульманами, навязывающие им свои, светские формы правления, но и те мусульмане, кто не принимает учение *салафитов-«ваххабитов»*.

Первоначально *джихад* понимался как борьба в защиту и за распространение ислама. В более поздних концепциях дифференцируются различные типы *джихада*. Великим *джихадом*, утверждал Пророк Мухаммед, является «*джихад сердца*» – внутренняя борьба, духовное самосовершенствование верующего, в то время как вооруженная борьба – всего лишь малый *джихад*. Выделяется также «*джихад языка*» (повеление одобряемого и запрещение употреблять порицаемые слова и выражения), «*джихад руки*» (меры наказания в отношении преступников и нарушителей норм нравственности). В последнее время под *джихадом* также понимается мобилизация сил и средств для достижения национальной безопасности, причем не только в сугубо военной, но и в социально-экономической области. Например, *джихад* как ликвидация последствий стихийных бедствий, борьба с распространением наркотиков (Иран) [7, с. 41].

Однако в своем подавляющем большинстве исламские религиозные экстремисты сводят многообразное понимание пророком Мухаммедом форм *джихада* исключительно к «мечу», стараясь не замечать содержание других *аятов*. А в них больше говорится о внутреннем духовном просве-

щении, о необходимости достижения личного, душевного благочестия, где нет места насилию над другим человеком, тем более мусульманином.

В связи с этим в фундаментализме можно выделить *три течения: бытовое, культурно-просветительское и политическое* (исланизм).

Первое характеризует индивидуальный образ жизни мусульманина, его личную систему взглядов на ближайшее окружение.

Второе течение, или уровень, представлено главным образом Мусульманским культурным союзом (МКС), возникшим в Западной Африке в 1953 г., ассоциацией «Суббану ал-муслимин» («Молодые мусульмане»), основанной в Бамако четырьмя молодыми выпускниками университета ал-Азхар (1951), движением «Суннадунко» («люди сунны»), распространившемся среди сонинке в 1970-е гг., ассоциацией «Ал-Фалах» (созданной в Сенегале в 1950-е гг. мусульманским проповедником ал-хадж Махмудом Ба) [37, р. 7–11; 34, р. 5–17, 73–78, 135–166; 21, р.174–176; 29, р. 198]. Целый ряд организаций фундаменталистского содержания, сложившихся в Нигере, сконцентрировали свою деятельность на исламской культуре. Среди них «Исламская ассоциация Нигера», «Нигерская ассоциация исламского призыва и солидарности», «Ассоциация за распространение ислама в Нигере», «Ассоциация за распространение исламской культуры» и «Ассоциация юных мусульман Нигера» [28, 187–204].

Третье, или политическое, течение в фундаментализме, которое может включать культурно-просветительское содержание, в своей практической деятельности сосредоточено на достижении и изменении характера власти как в пределах отдельных мусульманских общин и стран, так и в рамках трансгосударственных образований, формируемых на основе «чистого» ислама. Политический ислам, или исланизм, в первую очередь следует определить как религиозно-политическое движение, безусловно, фундаменталистского

характера. Он направлен против глобальной экспансии Запада и нацелен на возрождение, усиление влияния ценностей исламской цивилизации. Одно из главных средств к достижению этой цели деятели и рядовые сторонники исламизации видят в захвате государственной власти. Нацеленность на достижение политических результатов, само понимание в исламизме политики как неотъемлемой части религиозной деятельности создает определенную грань между ним и исламом как религией, обращенной в первую очередь к внутреннему миру мусульманина. Исламизм по контрасту – это больше программа действия политической партии, нежели религия в собственном смысле слова. В частности, если анализировать цели и способы достижения власти, которые предусматривают и насилие, вооруженные действия, он близок практике большевизма.

Наиболее известные среди исламистских группировок – «*ваххабиты*» и «Братья-мусульмане». В число исламистских групп входят секта *шейха* Балалы в Кении, которая также имеет активное отделение в Зимбабве, Ассоциация мусульман-ортодоксов Кот-д'Ивуара (1975) [37, р.25], в 1994 г. сменившая название на «Ассоциацию мусульман-суннитов Кот-д'Ивуара», в ЮАР – организация «Народ против гангстеризма и наркотиков» и «Исламский джихад», «Южноафриканский *джихад*», «Мусульмане против незаконных лидеров», входящие в религиозно-политическое объединение «Кибла» под руководством Ахмада Кассема (философа по образованию). В Нигерии – общенациональная исламская ассоциация «*Изалатул бид'а Ва икамат ал сунна*» («Общество устранения новшеств и восстановления сунны»), известная под названием «*Иан изала*», и «*Джамаату насрил ислам*» («Общество за победу ислама»), созданное в 1962 г. В Сенегале к подобным исламским организациям относятся «*Движение ал-Фаллах за исламскую культуру салафийа*» и группа «*Джамаату Ибаду Рахман*» во главе с Алиуном Хабибулахом Диуфом [45, р. 235–236]. В Буркина-Фасо дейст-

вует «Джамаат Ахл ал-Сунна ал-Мухаммадиа» («Общество сунны Мухаммеда») [39, р. 310–311], а в Сомали – «Джихад ал-Исламийа», «аш-Шабаб». В странах Западной Африки в последние годы широкую известность приобрели «Ал-Каида в исламском Магрибе» (АКИМ), «Движение за таухид и *джихад*», «Ансар ал-Шариа»² (Воин шариата), «Исламское движение Азавада» (ИДА), отколовшееся от «Ансар ад-дин» («Защитник религии») и т.д.

Исламисты составляют все же далеко не основную (хотя и наиболее заметную благодаря своей активной и экстремистской деятельности) часть мусульманских фундаменталистов. Фундаменталисты не едины и в плане догматики: хотя большинство из них составляют мусульмане-сунниты, однако в ряде стран возникло и шиитское меньшинство, которое, тем не менее, влиятельно благодаря материальной, организационной и моральной поддержке Ирана. Влияние шиитов-фундаменталистов ощущается в Нигерии, Сенегале, Кении, Кот-д’Ивуаре, Мали, ЮАР.

Безусловно, становление фундаменталистских течений в регионе, где ислам изначально просто не существовал в своем первичном, «чистом» виде, куда он был привнесен несколько столетий спустя после зарождения на Ближнем Востоке, – явление во многом вторичное. Но усиление фундаменталистских течений в современном исламе Тропической Африки, ассоциирующих себя с первородной религиозной общиной Мухаммеда, доказывающих тем самым свое право находиться в этом ряду наравне с духовными эпицентрами мусульманского мира, свидетельствует об укреплении ядра исламской цивилизационной системы, о растущем

² Ансар (множ. число от араб. «насир» – помощник); так именовали присоединившихся к пророку жителей г. Медина, которые стали вторыми в иерархии приверженцев Мухаммеда. Здесь – солдат, защитник, воин [3, с. 21]. Таким же образом именовали своих соратников второго плана, например, ал-Хадж Омар и Мухаммед Ахмед (Махди) [46, р. 179; 44, р. 152, 154, 158].

стремлении духовно и культурно отождествлять себя как часть мусульманского мира с эпицентрами исламской цивилизации. Так, например, МКС и иные «ваххабитские» группы в Мали в 1950-х гг. и в более поздний период ориентировались на арабский мир, твердо идентифицировали себя с арабскими националистическими движениями, в первую очередь алжирскими и египетскими. В контексте войны Франции с Алжиром и подъема Насера с его национальными требованиями в Египте тех лет позицию западноафриканских «ваххабитов» нельзя было иначе трактовать как однозначно антизападную и панисламистскую [29, р. 198; 20]. Наконец, этот процесс можно расценивать и как попытку приблизиться к эталонному с точки зрения принципов и содержания уровню. Речь идет не только о стремлении африканских приверженцев обновленного ислама ассоциировать себя с очагами его зарождения на арабском Востоке: такое заключение базируется и на вполне реальной, объективной основе, которая соответствует методам и инструментарию классической науки. Африканская действительность знает и примеры становления фундаменталистских сект, групп, зародившихся в недрах самого африканского общества.

«Ваххабиты»: строгое соблюдение исламских принципов бытия

Наиболее заметное место среди фундаменталистских течений занимают «ваххабиты». В области теологии они пошли против сложившейся системы, санкционированной *иджма* (согласованное мнение по духовно-религиозному вопросу, которое выражено решением авторитетных знатоков мусульманского права). В первую очередь они отвергли обряды, ставящие под сомнение единство и превосходство Бога. Они требуют возвращения к простоте «первородного» ислама и ведения *джихада* против неверных, который они понимают лишь как войну против тех, кто оскверняет чистоту

ислама, использует его в корыстных целях. *Джихад* следует вести против многобожников и мусульман, отступивших от канонических, по их представлению, принципов ислама времен Пророка Мухаммеда.

Сердцевиной теологического учения «ваххабитов» является представление о единобожии (*таухид*) и неукоснительное следование этому канону: только Аллах в состоянии создать все сущее, и он единственный, кто достоин поклонения. Однако мусульмане уступили искушениям и отошли от принципов истины, поклоняясь святым, вводя различные новшества (*бида'*), искажающие истинную веру. Поэтому Аллах карает отступников, ввергая общество и всех, отошедших от начертанного пути, в бездну самых различных испытаний – природных катаклизмов, голода, войн, бедности и т.д. Последователи учения Мухаммеда б. Абд ал-Ваххаба считают, что ислам нуждается в очищении: необходимо вернуться к основополагающим началам, отказавшись от культа святых (характерного прежде всего для тарикатов) и новшеств, накопившихся в исламе в течение веков. В области догматики они в основном являются идейными продолжателями средневековых мусульманских теологов *ханбалитского* направления Ибн Таймийи и Ибн ал-Кайима; их учение развивало принципы *ханбалитской*, наиболее строгой религиозно-правовой школы, в их крайнем выражении. Для «ваххабита» не существовало посредника между ним и Богом, «ваххабитское» понимание трансцендентности Бога исключало возможность какой-либо связи с ним. Свойственный им фанатизм в вопросах веры и экстремизм в практике борьбы со своими религиозно-политическими противниками проявился уже на раннем этапе существования этого течения, в частности, когда «ваххабиты» в 1801 г. разрушили и подвергли разграблению одну из главных святынь мусульман-шиитов гробницу имама Хусайна б'Али в г. Кербела (Ирак) [17, с. 93; 3, с. 51, 133].

Наиболее авторитетный французский исламовед-африканист Ж.-Л. Трио выделяет четыре наиболее важных черты «ваххабитов» Западной Африки: 1) подчеркнутый разрыв с большинством улемов мусульманской общины, который выражается специальными демонстративными действиями, созданием отдельных, собственных ассоциаций; 2) отвержение каких бы то ни было общепринятых форм почитания старших и уважения марабутов, отказ от культа святых; 3) обращение исключительно к Корану и сунне Пророка в качестве источников, сопрягающееся с демонстративно выраженным недоверием к любым, за исключением исламской, юридическим системам; 4) враждебность по отношению к тарикатам, которые расцениваются «пуританами ислама» как новаторские и еретические секты, искажающие смысл и содержание веры [1; 42].

«Ваххабитами» становились главным образом городские мусульмане, страдавшие от того, что они оказались вне европейской культуры и в то же время не смогли войти в состав исламской религиозной верхушки. В состав этого движения в бывшей Французской Западной Африке входили как городские торговцы, так и интеллигенция. В то же время в Танзании местные мусульмане относят к «ваххабитам» некоторых немногочисленных представителей рабочего класса, тогда как в соседней Кении в эту категорию включают в первую очередь представителей улемов и низших слоев интеллигенции. Хотя отдельные авторы описывают «ваххабизм» как в значительной мере буржуазное движение [9; 19].

Послевоенных исламских реформистов Тропической Африки часто относили к «ваххабитам». Однако здесь этот термин, который, по словам британского историка-исламоведа К. Харрисона, впервые использовался французской администрацией в качестве бранного, в большинстве случаев рассматривался только в качестве подходящего ярлыка для обозначения реформистского движения определенного типа [29, p. 196–197].

Между тем влияние фундаменталистских идеологов, в первую очередь «ваххабитов», в последние годы продолжает расти, в немалой степени благодаря освещению их деятельности средствами массовой информации. Многократное упоминание, особенно по телевидению и радио, термина «ваххабиты», приписывание им всех, выходящих за пределы привычных действий, в первую очередь насильственного характера, чем часто грешат журналисты, вольно или невольно способствует усилению воздействия «ваххабизма» на общественное мнение. Несколько обстоятельств, существующих в рамках самой религиозной общины, также способствуют авторитету «ваххабитов».

Во-первых, «ваххабиты» выступают за скромность в быту и поведении, против обременительных традиционных обычаев и обрядов, например, против пышных торжеств – свадеб, поминок и т.д., требующих большого расхода денежных средств. И эти настояния поддерживает общество. Даже обычные в конфессиональном смысле мусульманские семьи предпочитают проводить скромные свадебные застолья, резко контрастирующие с аналогичными церемониями христиан. Ислам в целом запрещает употребление вина. Организаторы проводимых торжеств, например, в Танзании не могут не считаться с ожесточенной критикой со стороны фундаменталистского крыла единоверцев. Помолвки и свадьбы мусульман там проходят без спиртного, без современной эстрадной музыки (звучат преимущественно мусульманские мелодии и народные танзанийские и кенийские песни), танцы вполне целомудренны. На столах, даже в семьях, отличающихся достатком и высоким статусом, – безалкогольные напитки и скромная закуска: орешки, фрукты, и, как правило, одно мясное блюдо. Иное дело – христианские торжества.

Внимание африканцев привлекает приверженность фундаменталистов групповой солидарности, единение членов религиозной общины.

Во-вторых, симпатии населения вызывает ограничение и осуждение жажды накопительства и стремления к роскоши. Это выражается, например, в ношении подчеркнуто простой и дешевой, но чистой одежды и обуви. Люди приветствуют уравнилельские, эгалитаристские установки в жизни «ваххабитской» общины, поддерживают обычаи взаимопомощи и совместной хозяйственной деятельности, в которой должны принимать участие все ее члены, на что также делают упор *салафиты*. С явным интересом африканцы встречают тезис о поддержании баланса между материальным процветанием и моралью, о необходимости каждому истинному мусульманину (особенно представителям власти) неукоснительно следовать моральным требованиям.

В-третьих, отклик в душах людей находит острая и непримиримая критика эрозии нравственных основ общественной и культурной жизни, безответственности и взяточничества среди чиновников [5, с. 59], требования к власти покончить с преступностью и казнокрадством. Наибольшее понимание эти нравственно-правовые установки встречают среди рядового крестьянства, но в последние годы на них реагируют и представители интеллигенции, особенно те, которые в последние годы оказались в экономическом и нравственном тупике. «Ваххабизм» как раз помогает преодолеть отчаяние перед лицом, казалось бы, непреодолимых жизненных проблем, придает смысл существованию, поднимая мусульманина над суетностью нелегкого бытия и возвышая его помыслы.

В то же время «ваххабизму», как и всем фундаменталистским религиозным течениям, присуща нетерпимость, которая проявляется уже на стадии взаимоотношений с единоверцами, когда «ваххабиты» пытаются навязать им должный стиль поведения. Она вырастает до попыток свергнуть существующую власть и установить теократический режим правления, не считаясь с жертвами. К числу таких действий принято относить взрывы американских посольств в августе

1998 г. в Кении и Танзании, организованные, как считают, представителями Ал-Каиды [30, р. 696, 702–704; 23, р. 353]. В 1972–1975 гг. в нескольких городах Кот-д’Ивуара, в частности в городе Данан на западе страны, у границы с Гвинеей «ваххабиты» неоднократно сходились в рукопашных схватках, которыми порой завершались их богословские споры со сторонниками тарикатистского ислама [37, р. 17–23]. Возникающая напряженность в вопросах взаимоотношений с представителями иных конфессий – христианских, африканских традиционных верований, споры и ссоры, и особенно часто по проблемам догматики – с приверженцами суфийских орденов, имели место и происходят сейчас и в Мали (где они, впрочем, как утверждает американский исследователь западно-африканского ислама Л. Бреннер, никогда себя так не называют), и в Уганде, и в других странах [20, р. 146–148, 197, 199–201; 45, р. 108–111; 23, р. 355–358].

«Братья-мусульмане» на африканской земле

К началу XXI в. в Африке южнее Сахары появились группы, ассоциирующие себя с наиболее интеллектуальным движением в политическом исламе – «Братья-мусульмане». Местное отделение движения возникло, в частности, в Нигере. В ноябре 2000 г. они приняли наиболее активное участие в организации демонстрации протеста против проведения намеченного в столице Нигера международного фестиваля африканской моды и, наряду с представителями еще семи исламистских организаций, включая «Ад-дини ислам», участвовали в последовавших затем актах вандализма.

Отделения, правда немногочисленные, этой международной исламистской организации существуют также в Мали и Нигерии.

Наиболее известной организацией, которую относят к «Братьям-мусульманам», в Тропической Африке является нигерийская секта под руководством Ибрагима Закзаки из

Зарии. Эта конфессиональная группа мусульман находится под влиянием идей создателей «Братьев» египтян Сайида Кутба и Хасана ал-Банни, а также вдохновляется примером лидеров иранской «исламской революции». Они довольно многочисленны на Севере и часто напоминают о себе, организуя митинги и принимая заявления – нередко политического характера. Местные «Братья-мусульмане» отвергают конституцию государства, его законные институты и даже символы официальной власти, признавая только шариат. 29 марта 1991 г. они разгромили в Кацине редакцию правительственной газеты «Дейли Таймс» и совершили нападение на эмира города из-за статьи в этой газете, содержание которой, по их мнению, оскорбляло Пророка Мухаммеда. Невзирая на предупреждения, последовавшие вслед за этим со стороны губернатора штата, 19 апреля они вновь учинили беспорядки и даже осмелились поджечь центральную мечеть. Эту организацию нигерийских приверженцев ислама многие европейские и африканские ученые относят к шиитской ветви. Однако, высказывает предположение западный исследователь нигерийского ислама Дж. Кенни, «Братья-мусульмане» здесь больше восхищаются храбростью, решимостью и последовательностью аятоллы Хомейни, чем на деле признают Али б. Абу Талиба в качестве законного преемника Пророка Мухаммеда [35, p. 344].

Мусульманский культурный союз – первая исламистская организация в Западной Африке

Незадолго до независимости власти стали оказывать содействие паломникам, совершающим хадж в Мекку. В ряде случаев путников сопровождали представители колониальной администрации, чтобы контролировать контакты хаджи и по возможности препятствовать влиянию со стороны «подрывных» мусульманских деятелей арабских стран.

Встревоженные вытеснением коранических школ французским светским образованием, мусульмане требовали модернизации исламского обучения, а также изучения ислама в государственных начальных школах, преподавания арабского языка в средних учебных заведениях и учреждениях франко-арабского колледжа [41, р. 530]. Среди наиболее последовательных сторонников модернизации исламского обучения выступали мусульманские реформаторы. По окончании Второй мировой войны в ФЗА из Саудовской Аравии через Египет вернулась группа паломников, прошедших курс обучения в каирском университете Ал-Азхар. В Египте и Аравии они познакомились с идеями «ваххабизма». Паломничество и обучение в египетском университете было по тем временам делом нелегким, поэтому вернувшиеся изначально имели определенный авторитет в глазах рядовых единоверцев. На родине эти улемы повели в духе «ваххабизма» борьбу за «очищение» ислама от таких неортодоксальных элементов, как поклонение святым, марабуты мусульманских духовных орденов, использование в культовой практике элементов африканских традиционных культур, в частности масок.

Однако сведение всех попыток реформации к «ваххабизму» было бы упрощением сути движения: арабская религиозная мысль, проникавшая в Тропическую Африку, представляла несколько идейно-религиозных направлений. Здесь следует упомянуть и реформаторские идеи известного египетского теолога и общественного деятеля Мухаммеда Абдо (1849–1905), чье идейно-религиозное влияние в Ал-Азхаре, где многие африканские богословы получали или продолжают получать образование, остается практически прежним, и пронизанную националистическим содержанием религиозную философию алжирского богослова Бен Бадиса.

В 1946–1947 гг., после неудачной попытки обосноваться в г. Канкан (Гвинея), несколько молодых богословов, окончивших Ал-Азхар, основали в г. Бамако ассоциацию

«Суббану аль-муслимин», при которой была создана высшая кораническая школа. Популярность ее быстро росла в ущерб традиционным кораническим школам. Она насчитывала около 400 учеников, когда по настоянию суфийского духовенства, в том числе и шерифа Канкана, колониальные власти приняли решение о ее закрытии. Но еще до этого шейхи тарикатов решили создать свою школу, безуспешно пытавшуюся соперничать с реформаторами и обнажившую примитивизм традиционного коранического обучения [22, р. 119].

Соперничество реформаторов и марабутов не ограничилось разногласиями в вопросах образования и культуры, оно быстро приобрело политический характер, разделив мусульманскую общину столицы Мали на сторонников и противников «ваххабитской» модели устройства общества, закрепилось в союзе с определенными политическими партиями. Традиционные мусульманские авторитеты, в первую очередь марабуты, шейхи тарикатов выступили на стороне Прогрессивной партии Судана (ППС), опиравшейся на консервативные круги малийского общества. Исламские реформаторы – «ваххабиты» ассоциировали себя с Суданским союзом (СС), объединявшим радикально настроенных националистов. Со своей стороны лидер ППС Фили Дабо Сисоко охотно прибегал к поддержке марабутских семей и шерифа Канкана, тогда как Суданский союз опирался на реформаторов. Известно, что с движением «Суббану ал-муслимин» были связаны такие деятели СС, как Мамаду Кан, Массан Кейта, Макамба Думбия и некоторые другие.

Позиции реформаторов окрепли после того, как СС одержал серию побед на выборах различного уровня. Об этом свидетельствуют, в частности, следующие факты. В 1957 г. отношения между реформаторами и традиционалистами вновь резко обострились. Реформаторы, ощущая растущую поддержку, требовали сооружения отдельных пятничных мечетей, тогда как традиционалисты, контролировавшие пятничные мечети, не хотели этого допустить. В мае

1957 г. конфликт перерос в избиения реформаторов-диула и погромы принадлежавших им в Бамако домов, магазинов, мечетей. Однако в ноябре 1957 г. французская администрация, пойдя навстречу реформаторам, под давлением СС приняла решение, разрешающее строительство новых соборных мечетей, что явилось поражением традиционалистов [34, р. 206–216].

Между тем МКС распространял свою деятельность на новые регионы. Важным этапом в его деятельности стало создание отделения в Дакаре в 1957 г., которое было продиктовано общим стремлением всех мусульманских реформистских движений максимально расширить пределы исламской общины. По той же самой причине «ваххабиты» МКС были решительно против «балканизации» Западно-Африканской Федерации. Их позиция приобретала отчетливо выраженный политический характер уже потому, что в ее основе лежало несогласие с планами колониальных властей [20, р. 196]. МКС четко сформулировал свою антиколониальную позицию.

В январе 1958 г. ассоциация «Суббану аль-муслимин» была заменена в Бамако секцией МКС. Все руководители МКС в городах Бамако, Сикассо, Сегу были активистами СС. Два члена МКС – Алиу Диалло и Абдуллахи Соу, состоявшие в рядах Африканской партии независимости, активно содействовали распространению среди верующих-мусульман идей марксизма, однако их деятельность встретила резкий отпор со стороны руководителей МКС [20, р. 243–247].

Подобные движения исламских реформаторов-радикалов, которые ставили собственные задачи политического развития колоний, явно расходившиеся с видением их французской администрацией, не отвечали стратегическим интересам колонизаторов, пытавшихся не допустить завоевания Мали подлинной независимости. Как отмечал Ж.-Л. Трио, «мусульманский реформизм обращается к мусульманским метрополиям. Он ставит проблему борьбы с

колониальным угнетением в исламских терминах» [43, р. 201]. Французские власти старались помешать деятельности «ваххабитов», тем не менее к моменту завоевания страной независимости только в Бамако функционировало шесть школ, основанных реформаторами. В медресе, созданном МКС, в 1961 г. обучалось 600 студентов.

По меньшей мере, два фактора определяли возраставшие возможности исламских реформаторов в Мали. Во-первых, это необходимость привести мусульманское вероучение в соответствие с вызовами времени, что требовало, прежде всего, модернизации коранических школ и медресе. Во-вторых, это популярность учения реформаторов среди такой авторитетной этносоциальной группы, как торговцы-*диула*.

Торговцы – влиятельная экономически и в духовно-религиозном смысле прослойка в африканском обществе. Много веков подряд, вплоть до наших дней, мусульмане-торговцы ведут операции по скупке и перепродаже скота, соли, золота, ореха кола, а ныне и современных товаров (электроника и т.д.). Интересную характеристику этой прослойке дает сенегальский публицист М. Диоп: «Без сомнения, благодаря древним традициям и организованности торговцы в Мали образовали социальный класс, уровень самосознания которого достаточно высок. Будучи чрезвычайно чувствительными в том, что касается их интересов, торговцы проявляют динамизм и напористость. Вместе с тем этот класс включает в себя так много архаичных элементов, что он более не поспевает за эволюцией страны. До сих пор он не выдвинул идеологии, способной ориентировать его в лабиринтах экономической конъюнктуры» [27, р. 148]. Торговцы являются наиболее зажиточной прослойкой суданского общества, следовательно, они имеют возможность совершать паломничество в Мекку, а вернувшись из Мекки и становясь носителями титула *хаджи*, они обретают среди единоверцев

более высокий духовный статус и авторитет людей, знающих жизнь.

В колониальный период основную массу местных арабских, хаусанских и *диула* торговцев изрядно потеснили новые конкуренты в лице французских и левантийских торговых домов. Поэтому лозунги Суданского союза и реформаторов, призывавших к независимости, находили в их среде широкую поддержку. Но в получившем свободу Мали партия Суданский союз взяла курс на социальные преобразования, в которых торговые элементы отодвигались на задний план, они лишались прежнего влияния в обществе и во властных структурах. Напротив, мусульманские идеологи фундаменталистского толка «сумели кое-где привлечь к себе недовольные социальные группировки, которые ни в колониальной, ни в постколониальной политических системах, ни в суфийских братствах не смогли занять достойное общественное положение, не нашли идеологию, соответствующую их ожиданиям» [25, р. 75]. Среди них в первую очередь следует назвать значительную часть представителей торгового сословия, ставших социальной опорой фундаменталистского крыла исламских лидеров Мали.

Размежевание с новыми властями Мали продемонстрировали и мусульманские обновленцы, которые справедливо усмотрели в политической стратегии правительства первого президента Модибо Кейты серьезную опасность для себя. Осознание ее спровоцировало новоявленных «ваххабитов» на решительные действия с целью защитить свои духовно-религиозные ценности и авторитет в обществе. По этой причине в идеологии мусульманских реформаторов в 60-е гг. XX в. возобладали наиболее ортодоксальные тенденции. В частности, они запрещали детям посещать так называемые «французские» (то есть государственные, светские) школы, где, по их мнению, насаждались атеистические воззрения. Летом 1962 г. имели место волнения торговцев, протестовавших против наступления на их экономические и

общественные позиции. В них приняли участие и некоторые духовные лица, главным образом из фундаменталистского крыла, поддержавшие требования торговой прослойки [36, р. 11]. Становилось очевидно, что деятельность исламских фундаменталистов, и в частности МКС, расходится с целями социалистической ориентации, провозглашенными правящей партией. По этой причине власти в 1965 г. закрыли мечети фундаменталистов, вскоре в стране была приостановлена и деятельность МКС и его филиалов.

Бунт отверженных – квазиисламское движение Майтацине

Крайняя, экстремистская форма мусульманского фундаментализма проявилась в Нигерии в 1980-х гг., когда сразу в нескольких городах севера страны вспыхнули восстания «униженных и оскорбленных». В 1980-х гг. в связи с исламской «революцией» в Иране влияние мусульманского фундаментализма в мире и, в том числе, в Тропической Африке резко усилилось. Это явление в наиболее острой форме и проявилось в Нигерии, которая во многом может служить моделью религиозно-политической ситуации, складывающейся в ряде стран Тропической Африки. Именно здесь политический ислам продемонстрировал реакционные, антипросветительские начала, показал религиозную нетерпимость, отсутствие гуманистических начал.

Тогда в результате обострения экономического кризиса, последовавшего за крахом нефтяного бума, в Нигерии возник широкий слой безработных и деклассированных элементов из числа уволенных служащих и рабочих, разорившихся крестьян, оставшихся не у дел мигрантов из сел страны и ряда западноафриканских государств. В этой обездоленной социальной среде и получили наибольшее распространение квазиисламские и антизападные идеи *малама* (вероучителя, знатока ислама – на языке хауса) Мухаммеду

Марвы, по прозвищу Майтацине, объявившего здесь войну всем формам европейской культуры, всему современному. Они материализовались в своей крайней и массовой форме в выступлениях приверженцев секты, прокатившихся по многим городам Северной Нигерии.

Еще в 1960-е гг. М. Марва, выходец из камерунского города Маруа сумел привлечь симпатии безработной молодежи из соседних с Нигерией стран обещаниями «золотого века», который якобы должен наступить после того, как страна очистится от всего европейского. Отвержение всех форм и символов западной культуры – от христианской атрибутики до радиоприемников – в его проповедях сочеталось с обличением коррупции, погони за материальным успехом и преступлений, совершаемых ради этого. Провозгласив себя в конце 1970-х гг. мусульманским пророком, способным даровать рай всем своим приверженцам, если они готовы погибнуть за своего вождя, М. Марва стал проповедовать непримиримое отношение ко всем «неверным». Его сторонники, призывавшие чтить в качестве пророка Марву, а не Пророка Мухаммеда, поставили перед собой задачу физически уничтожить всех так или иначе приобщившихся к европейским культурным ценностям. В декабре 1980 г. секта, численность которой достигла нескольких сот тысяч человек, развязала в г. Кано массовые беспорядки. Сторонники Майтацине громили не только дома и магазины христиан, их «священный гнев» излился и на мусульман-хауса, составляющих большинство жителей этого большого города: ведь именно хауса не желали признавать в них равных в исламе и социальных правах, и это было вдвойне непереносимо, потому что унижение исходило от единоверцев. Со своей стороны коренные обитатели Кано, объединившиеся в социально-экономические торгово-промышленные структуры, где роль интегратора исполняли суфийские тарикаты Тиджанийя, Кадирийя, своим поведением подчеркивали приниженный социальный статус майтацинов и не желали признавать за их

лидером пророческих качеств и харизматической силы. Они справедливо расценивали возвращаемую идеологию как серьезнейшую опасность, взрывающую сложившуюся систему отношений, в которой нетрудно распознать традиционный тип господства. В результате за 11 дней уличных сражений погибло, по различным данным, от 4 до 11 тысяч человек. Порядок в городе был восстановлен только после того, как армия применила авиацию и артиллерию. Марва погиб, но его последователи, рассеявшись по другим городам Нигерии, продолжили деятельность секты: в 1982, 1984 и 1985 гг. они вновь организовали кровавые столкновения во многих городских центрах Северной Нигерии [31; 32, р. 194–195; 23, р. 93–116; 38].

Официальные правители государства обвинили Ливию, Израиль, Иран в причастности к деятельности секты Майтацине в причастности к бунту мигрантов из Нигера, Камеруна, Чада, Буркина-Фасо, Ганы, которые действительно были наиболее многочисленным отрядом среди погромщиков. Но наряду с ними в выступлениях приняли активное участие и местные жители – пауперы и деклассированные элементы: им принадлежит немалая роль в этих событиях.

Квазиисламская и антиевропейская направленность требований секты отразили безысходность положения в этом обществе несостоявшегося капиталистического чуда деклассированных элементов, их подавленность и вызванное этим крайнее ожесточение, поскольку эти люди оказались не только вне современных социальных общностей, но и местных мусульманских общин, отмечает российский исследователь И.В. Следзевский [14, с. 94–96]. Движение Майтацине, с другой стороны, свидетельствовало о глобальном явлении – явном кризисе пустивших в Нигерии корни западных политических и культурных институтов и ценностей, вступивших в конфликт с ценностями исламской цивилизации. Это было столкновение двух полярных форм отношения к миру, двух систем ценностей, порожденных, с одной сторо-

ны, западной цивилизацией с ее ориентацией на достижение материального успеха и чувственные удовольствия и, с другой стороны, мусульманской цивилизацией в ее крайнем аскетическом выражении. Это был наиболее яркий случай, когда столкнулись два, по выражению русско-американского ученого П.А. Сорокина, типа культурной ментальности, противостоящих друг другу: аскетически-идеациональный и активно-чувственный [15, с. 48–64] с изрядной примесью цинизма (местный вариант безудержного стремления к обогащению). Недостижимые для подавляющего большинства сельского и городского населения, западные стандарты потребления и поведения, которые спешили продемонстрировать окружающим нигерийские нувориши и политические деятели, в глазах социальных низов и местных студентов-фундаменталистов, присоединившихся к сторонникам Марвы, выглядели символом угнетения, социального и культурного унижения и несправедливости [14, с. 95–96].

Урок движения Майтацине заключается в том, что и в Нигерии, где накоплен социальный взрывчатый материал большой мощности, стали возможны события, масштабами и целями напоминающие «исламскую революцию» в Иране. А поражение секты объясняется главным образом тем, что, в отличие от Ирана, исламские фундаменталистские идеи здесь, в стране, где около половины населения – христиане, тем более в их крайне аскетическом виде, *à priori* не могли стать не только общенациональными, но даже не объединили мусульманскую общину. Столь же бескомпромиссным стало движение «Боко харам» (в переводе с хауса – «западное образование – грех»), возникшее в той же Северной Нигерии спустя 25 лет и выражающее как протест против наступления западной культуры, так и стремление низов к социальной справедливости.

Укреплению фундаменталистских настроений в Африке южнее Сахары способствовала победа «исламской революции» в Иране. Она инициировала обсуждение шариата в

парламентах ряда исламизированных стран в качестве источника законодательных актов уголовного и семейного кодексов. Положение женщины дома и в обществе, статус немусульманских меньшинств – все эти аспекты в Сенегале, Мали, Гвинее, Нигере, Чаде предлагалось определять на основе мусульманского права. В Нигерии в 12 северных штатах страны, где преобладает мусульманское население, в период 2000–2002 гг. местные законодательные органы приняли шариатские установления в качестве основы уголовного и семейного кодексов, несмотря на конституцию страны, которая объявляет Нигерию светским государством [13, с. 230–234]. Для последователей религий, признанных исламским правом, то есть для евреев и христиан, их статус гарантируется законом, который сохраняет за ними часть прав, но не предоставляет им права, резервируемые за их соотечественниками-мусульманами.

Таким образом, исламский фундаментализм в Тропической Африке набирает силу, становится в ряде стран фактором общественно-политической жизни. При этом следует иметь в виду, что приверженцев реализации политической роли ислама немного, по общим оценкам, их не больше 3 % от численности даже мусульман. Основная часть Уммы в Африке довольствуется соблюдением принципов духовно-нравственной чистоты, внутреннего благочестия. Тем не менее, очевидна тенденция усиления влияния не только ислама в целом, но в еще большей степени – радикальных движений. Они превратились в угрозу светской государственности, стали источником опасности для режимов в отдельных странах. Следует сказать, что они аккумулируют ожидания мусульманского населения на установление справедливости в обществе, ликвидацию коррупции, беззакония и преступности. В этой глубокой укорененности ислама, в первую очередь в странах Западной Африки, и черпают силу и поддержку исламистские организации.

Литература

1. *Васильев А.М.* Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудидов в Аравии. – М.: ГРВЛ, 1967.
2. *Грюнебаум Г.Э. фон.* Классический ислам. Очерк истории (600–1258) / пер. с англ. И.М. Дижуря. – М.: ГРВЛ, 1988.
3. Ислам: энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991.
4. *Максименко В.И.* Фундаментализм и экстремизм в исламе. Предисловие // Ислам и исламизм: сб. статей. – М., 1999.
5. *Мамытова Э.* Исламский фундаментализм и экстремизм в странах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 5.
6. *Милославский Г.В.* Интеграционные процессы в мусульманском мире (Очерки исламской цивилизации). – М.: ГРВЛ, 1991.
7. *Молдалиев О.* Исламский экстремизм в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 5.
8. *Мюллер А.* История ислама. От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов. – М.: Астрель–АСТ, 2004.
9. Полевые дневники 1-й российской экспедиции в Танзанию 2003 г. – из личного архива автора.
10. *Родионов М.А.* Ислам классический. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.
11. *Саватеев А.Д.* Ислам в Тропической Африке: от Пророка Мухаммеда до Африканского Союза // Африка в поисках источников мира и развития: Ежегодник – 2013: сб. статей / под ред. Н.С. Кирабаева и др. – М.: РУДН, 2013.
12. *Саватеев А.Д.* Исламская цивилизация в Тропической Африке. – М.: Институт Африки РАН, 2006.
13. *Саудазимова Г.* Ислам и Запад: возможен ли «диалог цивилизаций»? Об исламе и фундаментализме в эпоху глобализма // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 5.
14. *Следзевский И.В.* От мусульманского регионализма к исламскому национализму // Ислам в Западной Африке. – М.: ГРВЛ, 1988.
15. *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, эстетики, права и общественных отношений. – СПб.: РХГИ, 2000.
16. *Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории: сборник. – М.: Айрис-пресс, 2003.

17. *Тримингэм Дж.С.* Суфийские ордены в исламе. – М.: Наука, 1989.
18. *Хасан ал-Банна.* Цветок арабизма.
19. *Amselle J.-L.* Le Wahabisme à Bamako (1945–1985) // Canadian Journal of African Studies. – 1985. – Vol. 19. – № 2.
20. *Brenner L.* Controlling Knowledge. Religion, Power and Schooling in a West African Muslim Society. – L., 2000.
21. *Callaway B., Creevey L.* The Heritage of Islam // Women, Religion and Politics in West Africa. – Boulder-London: Lynne Rienner Publishers, 1994.
22. *Cardaire M.* L'islam et le terroir africain. – P., 1954.
23. *Chande A.* Radicalism and Reform in East Africa // The History of Islam in Africa. – Athens: Ohio Univ. Press, 2000.
24. *Clarke P.* The Maitatsine Movement in Northern Nigeria in Historical and Current Perspective // New Religious Movements in Nigeria. – Lewiston–Queenston, 1987.
25. *Coulon C.* Le réseau islamique // Politique africaine. – P., 1983. – № 9.
26. *Cudsi A.S.* Islam and Politics in the Sudan // Islam in the Political Process / ed. by J.P. Piscatori. – Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1983. – P. 44–55.
27. *Diop M.* Histoire des classes sociales en Afrique de l'Ouest. – P., 1971.
28. *Glew R.* Islamic Associations in Niger // Islam et sociétés au Sud du Sahara. – P., 1996. – № 10.
29. *Harrison Ch.* France and Islam in West Africa, 1860–1960. – Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1988.
30. *Heilman B.E. and Kaiser P.J.* Religion, Identity and Politics in Tanzania // Third World Quarterly, 2002. – Vol. 23. – № 4.
31. *Hiskett M.* The Maitatsine Riots in Kano, 1980: An Assessment // Journal of Religion in Africa. – Leiden, 1987. – Vol. 17, fasc. 3.
32. *Isichei F.* The Maitatsine Rising in Nigeria 1980-1985: A Revolt of Disinherited // Journal of Religion in Africa. – Leiden, 1987. – Vol. 17, fasc. 3.
33. Islamic Fundamentalism in Africa and Implication for U.S. Policy. Hearing before the Subcommittee on Africa of the Committee on Foreign Affairs House of Representatives. – Wash., 1993.

34. *Kaba L.* Wahhabiya. Islamic Reform and Politics in French West Africa. – Evanston: Northwestern Univ. Press, 1974.
35. *Kenny J.* Shariā and Christianity in Nigeria: Islam and a ‘Secular’ State // *Journal of Religion in Africa*. – Leiden, 1996. – Vol. XXVI, fasc. 4.
36. *Megahed H.T.* Socialism and Nation – Building in Africa. The Case of Mali (1960–1968). – Budapest, 1970.
37. *Miran M.* Le Wahhabisme à Abidjan: Dynamisme urbain d’un islam réformiste en Côte-d’Ivoire contemporaine (1960–1996) // *Islam et sociétés au Sud du Sahara*. – 1998. – № 12.
38. *Nicolas G.* Guerre sainte à Kano // *Journal of Religion in Africa*. – Leiden, 1987. – Vol. 17, fasc. 3.
39. *Otayek R.* La crise de la communauté musulmane de Haute-Volta: L’Islam voltaïque entre réformisme et tradition, autonomie et subordination // *Cahiers d’études africaines*. – P., 1984. – Vol. 24. – № 95.
40. Religious Radicalism in the Greater Middle East. – L., 1997. – P. 241.
41. *Thompson V.* French West Africa. – N.Y., 1969. – P. 530.
42. *Triaud J.-L.* Abd Al-Rahman Africain (1908–1957) // *Canadian Journal of African Studies*. – Ottawa, 1985. – Vol. 19. – № 2.
43. *Triaud J.-L.* Le mouvement réformiste en Afrique de l’Ouest dans les années 50 // *Sociétés africaines, monde arabe et culture islamique*. – P., 1979.
44. Trimingham J.S. Islam in the Sudan. – L.: Frank Cass & Co. Ltd, 1965.
45. *Verlet M.* Savoirs et pouvoirs dans l’Islam ghanéen: les enjeux politiques du commerce de la lettre (Nord–Ghana: 1960–2002) // *Colloque international l’Islam politique en Afrique Subsaharienne d’hier à aujourd’hui. Discours, trajectoires et réseaux*. – P., 2002.
46. *Villalon L.A.* Islamic Society and State Power in Senegal. Disciples and Citizens in Fatick. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995.
47. *Севостьянов И.* Исламский фундаментализм и исламский экстремизм – это совсем не одно и то же // *Россия и мусульманский мир*. – 1996. – № 11 (53).
48. Фундаментализм: статьи. – М.: Ин-т востоковедения – Крафт+, 2003.

Н.Ю. Ильина

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ГАНЫ

Прозаические жанры в Гане начинают развиваться лишь с середины 60-х гг. прошлого века. В это время появляются автобиографические повести, которые воссоздают картину жизни в стране, главным образом, средних и малоимущих слоев: «Странный человек» (1967) Аму Джолето, «Узкая тропа» (1966) Фрэнсиса Селорни, «Сельский священник» (1965) Джозефа Абруквы.

Следует вспомнить, что повесть Э. Касли Хейфорда «Эфиопия освобожденная» (1911) стала первой попыткой создания прозаического произведения в Золотом Береге (так называлась Гана до 1957 г.). Эта повесть является свидетельством формирования общественной мысли в стране и представляет собой серию бытописательных историй.

Становление художественной литературы Ганы на английском языке начинается с простонародной литературы, которая появляется в 1940–1950-е гг. и испытывает существенное влияние более развитой англоязычной литературы соседней Нигерии, которую привозили в страну в огромных количествах и которая имела широкий спрос, отвечая вкусам среднего африканца, получившего элементарное образование. Авторы произведений, созданных в Гане, – образованные люди, часто журналисты, создающие свои работы для простых жителей страны, ориентируя их в новой африканской действительности.

Простонародная литература содействует выработке современного стиля социального поведения африканцев,

пропагандируя новые взгляды. Как и аналогичным нигерийским произведениям, массовой литературе Ганы свойственна прямолинейность, дидактичность, мелодраматизм. Если сравнить массовую литературу двух стран, можно отметить более высокий уровень художественного воплощения авторских устремлений в литературе Ганы, чем в простонародной словесности Нигерии, однако эти литературы оказали разное влияние на становление современной прозы в своих странах.

Так, массовая литература Нигерии существенно повлияла на развитие просветительского романа 1960–1970-х гг., и некоторые крупные нигерийские романисты пришли в серьезную литературу из простонародной (например, родоначальник нигерийского романа Сиприан Эквенси). В работах больших романистов Ганы, таких как Кофи Авунор и Аيي Квей Арма, не отмечается влияние массовой простонародной литературы. Один из ярких писателей Ганы Бенибенгор Блей начинал свою литературную деятельность в контексте массовой литературы, и все последующие его произведения были рассчитаны на массового читателя. Журналист по профессии, Б. Блей издал более 30 произведений, начав со сборника стихов «Безнравственные поступки» (1940), а затем опубликовав повесть «Алоно» – мелодраматическое произведение о несчастной любви героев.

Следует упомянуть еще одну повесть ганского писателя Роберта Обенга «Мелкая монета», которая была создана в 1941 г. в духе произведений простонародной литературы и свидетельствует о готовности авторов страны разрабатывать жанр романа, к которому они приступят спустя десятилетие. Эта готовность связана непосредственно с формированием в стране нового типа художественного сознания, индивидуально-авторского сознания, появление которого обусловлено самостоятельной ролью личности в Африке, которое сосуществует с еще сохраняющимися типами художественного сознания, соответствующими более ранним историческим эпохам. Литературная деятельность африканских авторов опре-

деляется этими особенностями развития художественного сознания народов континента.

Специфическая многослойность общественного сознания африканцев отразилась на «соположении», как отмечает И.Д. Никифорова [1, с. 741], в взаимопроникновении различных типов художественного сознания. Так, в сельской глубинке до сих пор сохраняется архаический, мифопоэтический тип художественного творчества, а в городах Африки различные социальные слои, с разным образовательным уровнем, имеют различную картину мира (это представления городских «низов», вчерашних общинников и мировоззрение образованной интеллигенции, получившей образование на Западе). Понятно, что современная художественная литература в Африке является отражением многослойности соответствующего ей социума.

В повести «Мелкая монета» Р. Обенг создает образ главного героя, добродетельного крестьянина по имени Акрофи, который живет честно, стойко переносит все тяготы судьбы: он не заводит интрижку с женой фермера, у которого работает, и изобличает ее коварные планы; ведя свое собственное хозяйство, герой сначала вынужден отдать землю родственнику, потом снова становится хозяином земли и находит клад. Автор, восхваляя добродетели своего героя, хочет научить читателя жить честно и быть за это вознагражденным.

Однако больший интерес в повести представляет образ жены фермера – женщины непокорной, властной, которая нарушает нормы поведения в традиционной патриархальной общине: она не считается ни с мужем, ни с деревенским старостой, ни с советом старейшин, которые хотят наказать ее за оскорбления супруга. Таким образом, создав образ жены фермера, ганский писатель приблизился к разработке романного героя в англоязычной прозе Ганы.

К мелодраматическим произведениям, опубликованным в 1970-е гг., можно отнести повесть писательницы Эку-

вы Баду «Близнецы» (1971), рассчитанную на массового читателя. Героиня произведения, воспитанная в католической семье на юге Ганы, по окончании колледжа в столице страны Аккре, по распределению попадает на работу в библиотеку в небольшой город на мусульманский север страны. Там героиня знакомится с братьями-близнецами, влюбляется сначала в одного, а затем – в другого. Созданная в духе массовой литературы по определенной схеме, повесть рассказывает о любви, которая подвергается испытаниям, но в конце концов обязательно торжествует, несмотря на препятствия и возражения родственников, главным образом, отца героини. Затрагивая проблему весьма сложных взаимоотношений представителей разных вероисповеданий, автор произведения выражает свою позицию – необходимо создавать атмосферу веротерпимости, добрых чувств, любви, которая всегда побеждает над предрассудками. Произведение, созданное в период формирования новых взглядов, новой морали, привлекает внимание читателей (и читательниц), формирует стереотип поведения в обществе.

В 1970-е гг. в литературе Ганы появляются произведения, в которых отражено недовольство общественно-политической жизнью в стране: роман Айи Квей Армы «Прекрасные еще не родились» (1968) и роман Кофи Авунора «Это земля, брат мой» (1969). А.К. Арма говорит о том, что время, о котором мечтают африканцы, еще не пришло, пока народ его страны живет в обстановке крайнего разочарования, тревоги, нереализованных планов. Следует отметить, что роман «Прекрасные еще не родились» привлек внимание как читателей, так и критиков, которые высоко оценили это произведение, отражающее настроение африканских народов в период постколониального развития.

Роман, написанный сатирически остро, напоминает произведения крупнейшего западноафриканского писателя, нигерийца Чинуа Ачебе «Человек из народа» (1966) и «Почья больше нет» (1960). А.К. Арма отобразил такие негатив-

ные стороны жизни в стране, как коррупция управленцев, их бесконтрольность и общий застой социальной жизни. Арма показывает угнетающую атмосферу в обществе, когда человек честный и порядочный не может противостоять беспринципности чиновников, их заботе преимущественно о своем благополучии, и упадку нравов в целом. Не имеющий имени герой романа окружен грязью и мерзкими запахами, которые символизируют общий упадок. Уже в первом произведении автор создал мрачную, но весьма реалистичную картину своего общества.

Впечатляющую и правдивую картину действительности того периода отобразил Кофи Авунор в романе «Эта земля, брат мой». Герой его произведения, как и герой Ч. Ачебе в «Покоя больше нет», по возвращении на родину после длительного пребывания в Европе, видит воцарившуюся в стране атмосферу недовольства, бесперспективности и уныния. Созданный в аллегорической манере, роман явно не затрагивает острейшие социальные вопросы, возмущающие африканцев, которые переживают духовный упадок.

Трагическое восприятие жизни проявляется также в следующих произведениях А. Квей Армы, полных пессимизма. В Романе «Осколки» (1971) автор, переосмысливая положение в стране, говорит устами своих героев, что «распалась связь времен», «кругом только осколки». Героиня романа по имени Хуана выбирает местом проживания Гану, куда она, желая применить свои революционные устремления, приезжает из Пуэрто-Рико. Однако в стране, которая первой из колоний Британии добилась независимости и вступила на путь радикальных реформ, Хуана находит лишь угасание жизни, которое наблюдалось в то время и у нее на родине. Таково общее гнетущее настроение, выраженное автором в романе.

В следующем романе «Почему мы так благословенны?» (1972) А. Квей Арма усиливается трагическая линия

как в сюжете, так и в рассуждениях героев, причем ответ на вопрос, содержащийся в его названии, так и не озвучен. Три главных героя, как и Хуана, много думают и говорят о революционном преобразовании общества, о взаимоотношениях между белыми и черными. Являясь представителями интеллигенции, они чувствуют себя одинокими, неудовлетворенными жизнью, ищущими авантюрные поездки, полные опасностей, что напрямую связано с ощущением трагизма бытия.

В романе «Две тысячи сезонов» (1992) А. Квей Арма создает исторический роман, в котором выступает в роли традиционного сказителя, который в неспешной манере, с напевной интонацией повествует об истории Тропической Африки, о борьбе с чужеземцами, работоторговцами, колониальными властями, которые, по мнению автора, опустошили африканский народ, лишили его сил.

В романе «Целители» (1972) А. Квей Арма вводит образ целителей, которые должны вернуть Африку к жизни. Автор надеется, что целители объединят разобщенные народы континента и вылечат от всех болезней, которые не дают им жить мирно и счастливо. Для этого потребуется время, терпение, умение, говорит А. Квей Арма, однако трагическое восприятие действительности превалирует в его творчестве независимо от изображаемого им социально-политического контекста.

В последующие годы в литературе Ганы отличительной чертой произведений будет ощущение того самого трагизма жизни, которое доминирует в творчестве А. Квей Армы. Так, произведение ганского прозаика Коджо Лэинга «Майор Джентл и война в Ачимоте» (1991) является своеобразным романом-антиутопией, протестом против войн.

«Одной из общих черт современных “неевропейских”, главным образом африканских литератур является широкий “разброс” стадийно отличных форм в пределах одной литературы, что объясняется разным уровнем образования отдельных слоев африканского социума, соответственно боль-

ше или меньше эволюционировавших в своих взглядах на африканскую действительность сравнительно с традиционным мировоззрением» – отмечала исследователь литератур Африки И.Д. Никифорова [2, с. 186]. Такая «многослойность общественного сознания в Африке содействует одновременному параллельному развитию в африканских литературах явлений, которые сменяли друг друга в истории западноевропейских литератур на протяжении столетий – романа авантюрного, критико-реалистического, просветительского. И.Д. Никифорова отмечала, что сегодня в литературе многих африканских стран отмечается тенденция обращения ряда авторов к сложным романским формам, синтезирующим художественные открытия мировой романистики XX в. – реалистические элементы встречаются наряду с «волшебным реализмом», мифологизированием, наблюдается влияние художественных принципов модернизма и постмодернизма.

Элементы волшебного реализма прослеживаются в романах Д. Квартенги «Мой меч – моя жизнь» (1972) и Юстиса Игблевогбе «Жертвы зависти» (1975). В центре повествования романа Ю. Игблевогбе история двух влюбленных – Джини и ее жениха Фоли, которые живут по законам патриархальной общины. Роман заканчивается самоубийством главных героев, что свидетельствует о влиянии шекспировской пьесы.

В творчестве некоторых писателей Ганы намечаются черты критического реализма, они обращают внимание на столкновение классовых интересов, наличие острых проблем социальной жизни в период независимого развития. Роман А. Джолето «Деньги» (1975) развивает «рабочую» тему. Главный герой романа, провинциальный учитель школы, хочет реализовать себя в политике и выставляет свою кандидатуру на выборах. Автор создает убедительную картину расстановки сил в предвыборной кампании, соперничество кандидатов двух партий является сюжетной линией в романе. Победивший на выборах герой становится в конечном итоге

министром, а предвыборные обещания остаются лишь демагогией. «Партия освобождения», которую он представляет, – это партия средних и мелких предпринимателей, домовладельцев, которые опасаются за свою частную собственность и благополучие. Эта партия была профинансирована торговцами и в целом оказалась всего лишь группой активистов, умело манипулирующих сознанием простых избирателей в предвыборной борьбе, а Кофи изображен как выразитель определенных классовых интересов, тесно связанный с деятельностью своей партии. На посту министра Кофи предотвратил забастовку рабочих, приказав разогнать собравшихся; в следующий раз он помешал забастовке, прибегнув к взятке. Роман завершается тем, что страна охвачена общенациональной забастовкой и происходит военный переворот.

Таким образом, произведения А Квей Армы и Аму Джолето свидетельствуют о серьезных успехах, которых добилась литература Ганы в 70-е гг. XX в.

В это же время в художественной прозе страны появляются яркие имена женщин-литераторов, среди которых выделяется известная писательница Ама Ата Айду. Она родилась в Гане, долго жила в этой стране, была министром образования, сейчас проживает в Зимбабве.

Одной из основных литературных форм становится неопросветительская разновидность романа, в которой утверждающий просветительский пафос сочетается с повышенным интересом к психологии персонажей и при этом ориентацией на широкого читателя.

Главная задача произведений так называемой «женской прозы» – научить читательниц не сдаваться, не падать духом во всевозможных драматических обстоятельствах, случающихся в жизни современной африканки. Константная тема произведений, созданных женщинами-литераторами, – духовное и нравственное раскрепощение современной африканской женщины. В 1970 г. был опубликован сборник рассказов А.А. Айду «Здесь нет безмятежности», в которых ото-

бражены отличительные черты нового времени – постколониальной жизни в Гане: это стремление молодежи переехать в города в поисках работы, желание африканцев получать образование в европейских и американских университетах, попытки старшего поколения сохранить уходящие в прошлое традиции. В свойственной ей манере увлечь читателей интересной историей и научить их выживать в современной действительности А.А. Айду затрагивает в своих рассказах такие «вечные» вопросы, как брак, любовь, семья, образование, особенно необходимость образования женщин в новой африканской реальности.

В романе «Наша сестра, отравляющая другим удовольствие» (1979 г.) Ама Ата Айду рассказывает историю молодой африканской студентки Сисси, которая отправляется на учебу в Европу. Тоскующая по родине героиня делится впечатлениями от длительного пребывания на Западе и с грустью говорит о непрестом положении, в котором оказываются в Европе африканцы, которые с трудом справляются с незнакомой для них погодой и чуждым образом жизни. Основная мысль, которую писательница хочет донести до молодых африканцев и ее соотечественников, – следует помнить о том, что они нужны и востребованы у себя дома, в Африке, и, получив образование, лучше, не задерживаясь на чужбине, возвращаться на родину и быть ей полезными.

В 1997 г. был опубликован еще один сборник рассказов А.А. Айду «Девушка, которая может», в котором автор исследует поиск современными женщинами своего места в мире – в обществе, семье, поднимает важные вопросы гендерных отношений.

В романе «Перемены» (1991), который неоднократно переиздавался и был удостоен премии писателей стран Содружества (1992), А.А. Айду рассказывает трагическую историю африканской женщины Эси, которая становится жертвой полигамного брака и не хочет мириться со своей судьбой.

Жительница Ганы Эси является представительницей современных образованных африканок с университетским дипломом, которая, казалось бы, должна быть счастлива и довольна своей жизнью. Эси работала аналитиком в статистическом бюро Правительства. Благодаря занимаемой должности Эси получила дом для своей семьи, ее уважали коллеги по работе. Она была настоящим трудоголиком: уходила из дома на рассвете, приходила поздно, часто приносила домой документы, чтобы над ними поработать. Эси часто находилась в разъездах по всему миру, принимая участие в конференциях и симпозиумах. Такое положение вещей не очень нравилось Око, мужу Эси, с которым они были в браке шесть лет и воспитывали дочку-школьницу Огьянову.

Око, школьный учитель, ожидал карьерного повышения – ему обещали пост директора школы – и явно уступал своей супруге как в социальном положении, так и в зарплате, что было предметом постоянного обсуждения его родственников, которые не любили Эси и считали, что она была слишком образованна, зарабатывала слишком много денег и были уверены в том, что их сыну нужна совсем другая жена и много детей.

Однако все это не омрачало брак Эси и Око, пока однажды она не стала жертвой сексуального насилия со стороны мужа. Эси, возмущенная поступком супруга, приняла решение уйти от него. Ни мать с бабушкой Эси, ни ее ближайшая подруга Опокуйа не разделяли взглядов молодой женщины и не могли понять, почему Эси бросила мужа, если он ее не бил и не жил на заработанные ею деньги.

В характере героини подчеркивается сильная личность, которая пренебрегает представлениями традиционного общества, игнорирующего право выбора для женщины, и доказывает, что может самостоятельно решать свою судьбу. Уходя от мужа, Эси не собиралась снова вступать в брак: «Еще один муж, который будет сидеть у меня на шее все двадцать четыре часа в день? Те же споры о том, где место

женщины? Еще один муж, который будет хныкать целый день о том, что я люблю мою работу больше, чем его?» – говорит она подруге [3, р. 46–47]. Эси считала, что не выйдет замуж снова, если только ей не встретится мужчина, который будет готов принять ее образ жизни, считаться с ней как личностью. Самостоятельная и независимая, героиня романа А.А. Айду получила свободу и доказала всем, что не будет зависеть от мужчин.

Однако после развода с мужем события приняли новый, неожиданный поворот. Эси встретила привлекательного бизнесмена Али, мусульманина, добропорядочного семьянина, и полюбила его. Надеясь создать с Али «альтернативный образ жизни», Эси согласилась снова выйти замуж, но не подозревала, что попадет в ловушку полигамного брака. С трудом уладив все формальности перед свадьбой (было необходимо получить согласие на брак родственников с обеих сторон, живущих в деревне, а также разрешение первой жены Али). Эси и Али стали мужем и женой, но Эси была женой номер два, что в корне меняло ее представление о своем статусе. Так и не найдя счастья с мужчиной, Эси самостоятельно строит свою жизнь, не полагаясь на поддержку мужа.

Пережив испытания, выпавшие на ее долю, героиня отдает все силы работе и воспитанию дочери.

Героиня романа «За горизонтом» (1995) ганской писательницы Аммы Дарко по имени Мара, жизнь которой складывается ужасающе трагично, является жертвой коварства своего мужа Акоби, который заставил ее уехать из Африки в Европу и заняться там проституцией.

Амма Дарко родилась в Гане. Роман «За горизонтом» – первое произведение писательницы. Рассказывая о жизни иммигрантов из Африки в Германии, автор, прожившая в этой стране несколько лет, отражает реальность новой многорасовой и политэтнической Европы.

Неграмотная деревенская девушка Мара была выдана отцом замуж за служащего, который имел аттестат об окон-

чании школы, что в деревне имело большой вес, и переехала в нем в городские трущобы, став спутницей, а на самом деле прислужгой на все годы, которые им было суждено прожить вместе. В городе Мара постоянно подвергалась унижениям со стороны Акоби, который не считался с ней вообще и вынашивал одну единственную цель – уехать в Европу, чтобы начать красивую жизнь. Когда Мара приехала к мужу в Германию, она узнала, что он уехал из Африки не один, а с африканской любовницей, однако вынужден был жениться на немке, чтобы получить жилье и работу. Путем шантажа он устроил Мару работать в ночной секс-клуб и на заработанные ею деньги оплачивал квартиру любовницы и перестраивал для нее дом в ее родной африканской деревне.

Автор показывает интеграцию в новый западный мир как жесткий процесс, болезненный для человека, поскольку проходит при трансформации личности, изменении национального менталитета и даже обязательном преобразении внешности. Этот процесс сопровождается огромными психическими нагрузками, социальными конфликтами, которые часто приводят к драматическому финалу.

В романе показана эволюция сознания героини от неграмотной деревенской девушки из Африки к независимой личности, отвечающей за свои поступки, принимающей самостоятельные решения и готовой бороться за себя и своих детей. Мара делает все, чтобы наказать Акоби. В конце романа он попадает в тюрьму в Германии, его любовница депортирована в Африку; благодаря Маре немецкая жена Акоби узнает правду и разводится с ним.

Мара остается работать в немецком борделе, так как считает себя до конца дней виноватой, хоть и не по своей воле, в том, что с ней произошло. Все, что она может сделать, – помогать материально матери и сыновьям в Африке, которые считают, что она работает в африканском ресторане. Мара купила машину своему брату, финансирует строительство

дома для матери в деревне и хочет купить небольшой дом для своих сыновей в городе.

Разноплановая в жанровом и идейном аспектах «женская проза» Ганы является отражением реальных общественных тенденций, преобладающих в регионе в последние годы.

Современные африканские женщины все чаще стремятся устраивать свою жизнь самостоятельно, а не так, как требуют от них интересы семьи и мужа.

«Женская проза» Западной Африки, отражающая изменения в мировоззрении современной африканской женщины, вносит заметный вклад в литературный процесс на Африканском континенте.

Писательницы континента привлекают внимание общественности к современным африканским женщинам как огромному трудовому и интеллектуальному резерву и вносят достойный вклад в разработку темы женской эмансипации. Произведения писательниц Ганы, повествуя об обычаях, образе жизни своего народа, свидетельствуют о сложнейших процессах и противоречиях современной действительности и могут соперничать с исследованиями историков и этнографов. Литература художественного документа является социальным комментарием, свидетельством эпохи, в которой живет и творит литератор, создавая образы современниц.

Портреты женщин Ганы, как и образы других африканок, о которых повествуют авторы континента, дают полноту картины многообразия существующей реальности.

Литература Ганы прошла большой путь и добилась несомненных успехов, что дает надежду на появление значительных, серьезных произведений в этой стране в будущем.

Л и т е р а т у р а

1. *Никифорова И.Д.* История романских форм в литературах Африки. – М.: Изд. фирма «Восточная литература РАН», 2010.
2. *Никифорова И.Д.* Типологические особенности литературного процесса нового и новейшего времени в странах Азии и

Африки / «Литературы Азии и Африки»: Опыт XX века. – М.: ИМЛИ РАН, 2002.

3. *Aidoo Ama Ata* Changes. – L., 1991.
4. *Aidoo Ama Ata* Our Sister Killjoy. – L., 1977.
5. *Aidoo Ama Ata* No Sweetness Here. – L., 1970.
6. *Aidoo Ama Ata* The Girl Who Can. – L., 1977.
7. *Armah K.* The Beautiful Ones are not yet Born. – N.Y., 1968.
8. *Armah K.* Why are We so Blessed? – Boston., 1972.
9. *Armah K.* The Fragments. – Boston, 1972.
10. *Armah K.* Too Thousand Seasons. – Nairobi, 1972.
11. *Armah K.* Healers. – L., 1978.
12. *Awoonor K.* This Eath, my Brother. – N.Y., 1971.
13. *Darko A.* Beyond the Horizon. – L., 1995.
14. *Djoleto A.* Money Galore. – Suffolk, 1975.
15. *Djoleto A.* The Stange Man. – Suffolk, 1967.

Н.Ю. Ильина, А.А. Борисова

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В НИГЕРИИ

Современные тенденции развития межкультурной коммуникации привлекают большое внимание ученых к проблемам диалога языков и культур.

Сегодня английский язык является официальным языком в большинстве африканских государств, бывших колоний Великобритании, и используется в качестве средства как межэтнического общения, так и для международных контактов.

Английский язык является официальным языком в крупнейшей по численности населения стране Африки и одной из крупнейших стран мира – Федеративной Республике Нигерии (170 млн чел., оценка 2012 г.) По численности населения Нигерия находится на первом месте в Африке и восьмом – в мире. Известно, что каждый седьмой африканец является нигерийцем [3, с. 5]. В Нигерии создана одна из самых развитых систем образования в Африке (в 2010 г. в стране насчитывалось 104 университета, в которых одновременно сосредоточена значительная часть научных работников и крупных ученых). Нигерийская художественная литература на английском языке является одной из самых представительных на всем континенте. Этнический состав населения страны отличается чрезвычайной сложностью: в Нигерии проживают более 250 этнических групп, представители которых говорят на 521 языке. Исторический путь развития некоторых народов Нигерии исчисляется тысячелетиями. 70 % населения Нигерии приходится на три народа: хауса, йоруба, игбо. Следует отметить, что 36 нигерийских штатов неоднородны по своему этническому составу: многие штаты полиэтничны, некоторые штаты населены представителями одной этнической общности (моноэтничны). Неудивительно, что

лингвистическая ситуация в стране весьма сложная. Официальным языком, по Конституции, как мы уже отмечали, является английский язык, язык бывшей метрополии, неавтохтонный язык, этнически незакрепленный ни за одной общественной группой.

В Нигерии культурная и языковая ситуация в целом является характерной для Западноафриканского региона, однако в Нигерии, в отличие от, например, Ганы, большее распространение имеет пиджин-инглиш, являющийся устойчивым средством межэтнического общения.

Нигерийские языки очень неоднородно используются их носителями: есть языки, на которых говорит всего несколько тысяч человек, но существуют языки, на которых говорят несколько миллионов. Ведущее место занимают три крупнейших языка не только в Нигерии, но и во всей Западной Африке: хауса, йоруба, игбо, используемых половиной населения страны. Эти языки являются ведущими в трех регионах страны – Северном, Западном и Восточном.

Следует отметить, что, если штаты в Нигерии были образованы с учетом традиционно сложившихся историко-культурных и этнолингвистических общностей, этнолингвистическая картина в стране гораздо сложнее, чем политико-административная.

Этноязыковая ситуация в Нигерии отличается разнообразием и гетерогенностью. Языки Нигерии входят в три из четырех крупных семей, на которые делятся языки континента: афразийскую, нигеро-кордофанскую и нилосахарскую. В Нигерии отсутствует койсанская семья языков.

Помимо местных, автохтонных языков, в Африке повсеместное распространение получили внеэтнические языки, импортированные языки – европейские, в Нигерии – английский.

К этому типу принадлежат пиджины на базе европейских языков, не имеющие единой этнической базы, однако имеющие территориальную базу, что проявляется в существ-

вовании их различных территориальных вариантов (камерунский и нигерийский пиджин-инглиш).

Отмечается огромная диспропорция между импортированными и автохтонными языками. Благодаря работе, проводимой христианскими миссионерами, осуществлялись первые попытки создания нормативных грамматик и словарей африканских языков и их внедрение в систему школьного образования в колониальный период. К периоду наступления независимости лишь некоторые африканские языки, например хауса, имели достаточную степень кодификации, позволявшую использовать их в школьном обучении и в СМИ.

Известно, что характер колониальной политики Франции (прямой) и Англии (косвенный) в области языка и культуры был следующим: во французских колониях характерно стремление ограничить использование местных языков только сферой устного бытового общения с внедрением в более высокие сферы французского языка. Местная образованная прослойка элиты стимулировалась к дальнейшей галлизации. В английских колониях наблюдалась тенденция к распределению функций между местными языками и английским; христианские миссионеры проводили работу по модернизации наиболее значимых местных языков, осуществлялись переводы Библии на многие местные языки; периодические издания печатались на местных языках.

В англоязычной зоне распространение получили пиджины на базе английского, и наблюдается отсутствие этого явления во французской зоне (на это повлияла степень адекватности и релевантности местных языков современным коммуникативным потребностям).

В значительной степени на социолингвистическую ситуацию в Нигерии повлияла урбанизация. Она характерна для городов современного европейского типа, появившихся главным образом на побережье Африки, особенностью этих городов является пестрота этнического состава, изменчивое

разноязычие и, как следствие, распространение в качестве городских койне пиджинов или европейских языков. Такими же современными урбанистическими центрами являются крупные плантации, куда съезжаются большие контингенты сезонных рабочих различной этноязыковой принадлежности. Именно эти области становятся родиной пиджина, откуда он вместе с сезонными мигрантами проникает в глубь страны.

Внешняя миграция также оказала влияние на социолингвистическую ситуацию. После отмены рабства произошла реиммиграция бывших рабов из Нового Света, и как следствие в стране появились значительные группы детрибализованного населения, использовавшего в качестве основного средства общения пиджиш-инглиш и тем самым способствовавшего его распространению в Африке в качестве средства межэтнического общения. В местах большого скопления этих детрибализованных групп начинался процесс креолизации пиджина.

Внутренняя миграция также способствует размыванию этноязыковых границ и распространению различных средств межэтнического общения.

На уровне семейно-бытового общения создается основа для распространения вторичных средств коммуникации (таких, как английский язык или пиджин). В патриархальной семье сохраняются сложившиеся в коммуникативной среде этноязыковые традиции, однако в семье нуклеарного типа с современным укладом жизни создается основа для распространения пиджинов и европейских языков. Эти процессы характерны в случае смешанных браков и проживания таких семей в этнически чуждом и разнородном окружении, что наблюдается в основном в городах.

Необходимо отметить влияние религиозного фактора на состояние социолингвистической ситуации в стране: это распространение христианства, которое способствовало расширению функций европейских языков в Африке и повыше-

нию их престижа, особенно среди обращенного в христианство местного населения.

Локальные же традиционные автохтонные культы, особенно культ предков, способствовали закреплению архаичных форм в языках, обслуживающих эти культы.

Среди культурных факторов, повлиявших на социолингвистическую ситуацию в стране, является наличие у этносов устной эпической традиции. Деятельность народных сказителей, которые не связаны с узкими этнолокальными группами, обслуживающими большие ареалы, оказала влияние на выработку наддиалектных норм в языке фольклора.

Следует также учитывать, что существенное место в духовной жизни этносов занимают традиционные ритуалы. Распространенные в основном в деревнях, ритуалы сопровождаются каноническими речевыми формулами и образуют замкнутую сферу символическо-фатической коммуникации, доступную только для локального этноса.

При описании коммуникативной ситуации единицами описания лингвисты считают коммуникационные системы – идиомы, которые имеют коммуникативные функции (языки, диалекты, или территориальные образования). В своей коллективной монографии В.А. Виноградов, А.И. Коваль, В.Я. Порхомовский отмечают, что возможны две разновидности коммуникативных ситуаций: либо единый этнос удовлетворяет все коммуникативные нужды за счет родного языка, либо несколько этносов используют свои родные языки, а также один из этнических языков используется как межэтническое средство общения. При несовпадении этих значений могут наблюдаться более сложные коммуникативные ситуации: если языков больше, чем этносов, в данной коммуникативной ситуации роль общей коммуникативной системы выполняет импортированный язык (могут сохраняться и этнические языки).

Если языков в коммуникативной системе представлено меньше, чем этносов, то есть некоторые этнические груп-

пы в процессе интенсивного общения по разным причинам утратили свои родные языки и используют в коммуникации этнически чужой язык, происходит ассимиляция по языку. Возможна также коммуникативная ситуация, когда средством общения становится некий внешний идиом [2, с. 47]. Пиджин, как известно, возникает в этнически неоднородном коллективе под воздействием внешних факторов (миграция, урбанизация, торговля) и имеет только социальный субстрат, но не имеет этнический субстрат в лице нового этноса (этнической сущности), формирующийся в результате действия этнического процесса [1, с. 67–68].

Говоря о коммуникационных системах, следует говорить о степени коммуникативной адекватности идиома, а именно его способности обеспечить обмен существенной для данного социума информацией, его способность выражать как когнитивные категории, так и широкий диапазон экспрессивно-эмоционального характера. Эта ситуация чрезвычайно важна для Западной Африки, где языки бывшей метрополии и автохтонные языки функционально распределены применительно к разным сферам коммуникации. Имеют ли европейские языки коммуникативную адекватность? Среди африканских ученых нет единого мнения относительно приоритета европейских языков даже в области современной культуры и науки. Подчеркивая выразительность африканских языков, они говорят о том, что они превосходят европейские языки в плане отражения этнических и культурных категорий, которые сложились в традиционных автохтонных обществах. Вопрос о том, могут ли европейские языки, в данном случае английский язык в Нигерии, который развивается в рамках англосаксонской культуры, применительно к передаче категорий совсем иной, африканской культуры, обладать высокой степенью адекватности, является сегодня крайне важным и интересует многих ученых и деятелей литературы.

Проблема языка вызывает в Нигерии огромные дискуссии. Выдвигалась идея о необходимости сохранить английский язык в качестве государственного, представители другой точки зрения выступают за развитие местных языков и замену языка бывшей метрополии одним или несколькими из них.

Национальные языки используются в школе, в СМИ, однако обучению на этих языках препятствует типичное для крупных городов многоязычие. Так, учитель может не знать ни одного из языков своих учеников в классе, которые представляют разные этнические группы. Английский язык, являясь официальным языком, доминирует практически во всех сферах: органах исполнительной и законодательной власти, образовании, в судебной системе, в СМИ. Такая политика «языковой гегемонии» вызывает большое недовольство в стране.

Английский язык является языком общения 20 % элиты страны. Как правило, в семьях, в которых родители получили университетское образование, разговаривают на английском языке. Многочисленные примеры из произведений нигерийской художественной литературы дают основание сделать вывод, что родным языком в семье пользуется старшее поколение, а детям позволяют говорить только на английском. Согласно исследованиям лингвистов, 50 % детей игбо не знают свой язык. По данным ЮНЕСКО, через 50 лет такой развитый язык, как игбо, на котором говорят десятки миллионов человек, может исчезнуть [3, с. 27].

В Нигерии существует как этническая, так и языковая иерархия. Языки имеют различный официальный, социальный и образовательный статус. Существует три уровня языков: 1) федеральные языки (хауса, йоруба, игбо); 2) языки штатов (канури, ибибио, эфик, эдо и др.), которые правительства штатов объявляют официальными; 3) языки малочисленных этнических групп, которые используются местными властями в небольших поселениях.

Принимая во внимание крайне сложную этнополитическую ситуацию в Нигерии, многие общественные и политические деятели, представители интеллигенции считают необходимым признание в качестве официального языка – английский, поскольку выбор любого из трех крупнейших языков – хауса, игбо, йоруба – привел бы к межэтническим конфликтам. Также нигерийские ученые и видные общественные деятели выражают тревогу по поводу того, что намечается тенденция все реже использовать родные языки в школьном обучении и как предмет, и как средство. После достижения независимости все настойчивее звучат призывы к сохранению и изучению нигерийских языков, а также развитию разнообразия языков. С целью изучения местных языков предлагается укрепить статус Национального института нигерийских языков, образовать Центры по изучению местных языков в штатах. Однако некоторые студенты, опасаясь обвинений в трибализме, отказываются изучать нигерийские языки.

В последние два десятилетия в ситуации языкового многообразия отмечается возрастание роли нигерийского пиджина (на котором говорит более 2/3 населения страны), являющегося самой распространенной формой английского языка и выполняющего устойчивую функцию нейтрального средства межэтнического общения. Несмотря на то что ученые-лингвисты неоднократно обращались к правительствам Нигерии с просьбой признать пиджин официальным языком, эти пожелания не были услышаны.

Тем не менее на нигерийском пиджине выходят радиопрограммы, существует телеканал, печатаются афиши, плакаты, объявления. Нигерийские литераторы используют пиджин в своих произведениях, главным образом для индивидуальной характеристики персонажей. В последнее время появились толковые словари, поясняющие на английском языке значение слов из пиджина.

В начале XXI в. в стране был создан Национальный технический комитет по выработке языковой политики во главе с президентом Лингвистической ассоциации профессором Халлиру Амфани; в 2011 г. Комитет разработал программу по изучению и сохранению нигерийских языков. По данным нигерийского исследователя Ф. Акиннaso, к концу XX в. 118 нигерийских языков имели письменность, около 50 языков использовались в начальной школе в первые три года обучения, на 100 языках велось радиовещание на федеральном и региональном уровнях [3, с. 29].

В соответствии с политикой в области образования обучение в начальной школе ведется на родном языке, в средней школе – на английском. Основным языком в университетах Нигерии – английский. Английскому языку в Нигерии, как и в других странах Западной Африки, отведена важная роль, поскольку он отражает менталитет, систему ценностей, образ жизни и картину мира африканцев.

Л и т е р а т у р а

1. *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии. – М., 1981.
2. *Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.Я.* Социально-лингвистическая типология. Западная Африка. – М.: Изд-во «Наука», 1984.
3. Нигерия: справочно-монографическое издание. – М.: ИАфрРан, 2013.
4. *Клоков В.Т.* Французский язык в Африке. – Саратов, 2000.

НАШИ АВТОРЫ

Архангельская Александра Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра исследований Юга Африки Института Африки РАН.

Беликова Ксения Михайловна – доктор юридических наук, доцент кафедры гражданского и трудового права Российского университета дружбы народов.

Борисова Анна Александровна – аспирантка кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Голубев Владислав Вячеславович – аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов.

Дейч Татьяна Лазаревна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН.

Ильина Надежда Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов, заведующая кафедрой английского языка № 2 Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Ифраимов Владислав Юсифович – аспирант кафедры гражданского и трудового права Российского университета дружбы народов.

Кирабаев Нур Серикович – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе РУДН, член НМС НОЦ африканских исследований Российского университета дружбы народов.

Конева Александра Евгеньевна – аспирант кафедры международного права юридического факультета Российского университета дружбы народов.

Косухин Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, ведущий научный сотрудник Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН, член НМС НОЦ африканских исследований РУДН.

Морозова Надежда Николаевна – студентка бакалавриата кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

Пичугин Сергей Валентинович – Главный геолог ОАО «Зарубежгеология».

Пономаренко Людмила Васильевна – доктор исторических наук, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных проблем, профессор кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов, научный руководитель НОЦ африканских исследований РУДН.

Понька Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

Прокопенко Любовь Ярославовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН, ответственный секретарь Всероссийского общества африканистов и арабистов.

Саватеев Анатолий Дмитриевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, член НМС НОЦ африканских исследований РУДН.

Следзевский Игорь Васильевич – доктор исторических наук, профессор, директор Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, член НМС НОЦ африканских исследований Российского университета дружбы народов.

Титюхин Николай Федорович – президент Евро-Азиатской Логистической Ассоциации.

Юртаев Владимир Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, директор НОЦ африканских исследований РУДН.

РЕЗЮМЕ

РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИКА

Косухин Н.Д. Слагаемые современного политического процесса в странах Тропической Африки.

В статье рассматриваются современные политические процессы в африканских странах. Особое внимание уделено влиянию политической культуры и традиционных отношений на развитие африканского социума. Кроме того, подчеркивается важная роль политического лидерства в становлении политических институтов и элементов гражданского общества

Ключевые слова: Политический процесс, политическая культура, демократические институты, харизматическое лидерство, африканский социум, политическая система.

Следзевский И.В. Идея африканской цивилизации как культурный и научный конструкт.

Автор статьи привлекает внимание к идее существования особой Африканской цивилизации как составной и особой части мирового цивилизационного процесса. Возникновение этой идеи представлено как результат кризиса европоцентристской картины мира и формирования, в противовес европоцентризму, идеологии и практике афроцентризма. Исследуется соотношение конструкта Африканской цивилизации, культурного наследия и культурной практики современных стран южнее Сахары. Особое внимание уделено оценкам цивилизационной значимости африканских культур в российской африканистике. Показана особая роль архаического наследия этих культур, а также религиозного опыта африканских народов в интерпретации особенностей и самобытности Африканской цивилизации.

Ключевые слова: мировой цивилизационный процесс, дописьменные цивилизации, европоцентризм как форма европейского цивилизационного сознания, место в этом сознании воображаемой Африки, афроцентризм как идеологический конструкт и культурная практика, конструирование Африканской цивилизации в российской африканистике, религиозный опыт народов Африки.

Прокопенко Л.Я. Представительство женщин в дипломатии стран Юга Африки.

В статье рассмотрена проблема гендерных изменений в политике в государствах Юга Африки, которые затронули также и формирование кадров дипломатических представительств. Особое внимание уделено истории этого процесса, личностям женщин-послов, а также их влиянию на имидж стран, которые они представляют за рубежом. Сделан вывод, что рост числа женщин в дипломатическом корпусе объясняется, прежде всего, значительными успехами стран региона в установлении гендерного равенства в политике.

Ключевые слова: демократическое развитие, гендерное равенство, представительство женщин, цель дипломатии, женщины-послы, карьерные дипломаты, политическая карьера, имидж страны.

ЭКОНОМИКА И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Архангельская А.А. Границы сотрудничества между членами БРИКС в Африке: экономические интересы против политических разногласий.

Важным фактором международного развития становится взаимодействие стран БРИКС со странами Африканского континента. В последнее десятилетие наблюдается всплеск экономической активности в Африке, таких стран, как Китай, Индия, Бразилия, Россия и ЮАР. Понимание гра-

ниц экономических интересов и политических разногласий – необходимый элемент в развитии африканской стратегии.

Ключевые слова: БРИКС, Африка, многополярность, внешняя политика, мировая экономика, ЮАР

Дейч Т.Л. БРИКС: помощь развитию Африки.

Экономический вес и политическое влияние БРИКС в мире растут. В фокусе внимания нового глобального игрока – не только укрепление связей внутри объединения, но и вопросы содействия Африке, превращающейся в своего рода опытное поле для претворения в жизнь усилий «восходящих» держав по изменению существующего мирового порядка. Хотя пока страны-члены выступают в Африке скорее в роли конкурентов, их растущий вклад в развитие африканской экономики находит положительный отклик на континенте.

Ключевые слова: БРИКС, Африка, развитие, Китай, Индия, Бразилия, Россия, ЮАР, сотрудничество, помощь, торговля, инвестиции, компании, минерально-сырьевые ресурсы, инфраструктура.

Титюхин Н.Ф., Юртаев В.И. БРИКС: стратегия добрососедства в условиях регионализации.

В статье рассматриваются ключевые аспекты формирования стратегии экономического и гуманитарного сотрудничества стран Группы БРИКС как «стратегии добрососедства» в сопряженных регионах мира. В центре внимания сосредоточены вопросы формирования новой мировой архитектуры и обеспечения мира, стабильности и безопасности в условиях глобализации.

Ключевые слова: БРИКС, стратегия добрососедства, регионализация, мировая архитектура, порталы глобализации.

Морозова Н.Н. Особенности арабо-африканских миграций во Францию.

В статье рассмотрены актуальные проблемы миграции населения Магриба во Францию. Дана характеристика историческим особенностям первой и второй волн арабо-африканской миграции, выделены характерные черты миграционной политики Франции. Особое внимание уделено анализу особенностей процесса распространения евроислама и проникновения культуры исламского общества в культуру европейской традиции.

Ключевые слова: Миграция, Магриб, Франция, миграционная политика, модель «ассимиляции», евроислам, культура, традиции.

ИНТЕГРАЦИЯ И ФИНАНСЫ

Беликова К.М., Ифраимов В.Ю. Место договора в правовой доктрине и практике ЮАР: истоки и развитие.

В данной статье авторы рассматривают место договора в правовой доктрине и судебной практике ЮАР. Раскрывая заявленную тему, авторы подробно останавливаются на изучении условий договора, его принципов, характерных черт и теорий, претендующих на объяснение сущности договора. Особая роль в регулировании договорных отношений в ЮАР принадлежит Закону о защите прав потребителей 2008 г. Кроме того, авторы приходят к выводу о том, что договорное право ЮАР в большей степени развивается на уровне судебной практики и правовой доктрины.

Ключевые слова: ЮАР, договор, условия договора, принципы договора, теория воли, заявительная теория, теория предположения, встречное удовлетворение, защита прав потребителей.

Конева А.Е. Правозащитная деятельность Сообщества развития Южной Африки.

Данное исследование посвящено анализу деятельности по защите прав человека, усилению участия граждан в процессах принятия решений, укреплению демократических практик и деятельности демократических институтов Сообщества развития Юга Африки (САДК), ведущего субрегионального интеграционного объединения в Южноафриканском регионе. Особое внимание уделено рассмотрению проблемы защиты прав женщин в свете вступления в силу Протокола САДК по гендерному равенству и развитию, истории деятельности Трибунала САДК.

Ключевые слова: международное право, права человека, африканская система защиты прав человека, САДК.

Голубев В.В. Суд ЭКОВАС: юрисдикция и организационно-правовая структура.

Статья посвящена рассмотрению роли институтов международного правосудия в процессе региональной интеграции в Африке. Одну из ключевых ролей в достижении позитивных результатов сыграли юрисдикционные органы, созданные в соответствующих интеграционных объединениях. Особое внимание уделено различным аспектам деятельности Суда ЭКОВАС, включая анализ документов, составляющих основу его деятельности.

Ключевые слова: Африка, международное правосудие, интеграция, интеграционное объединение, гражданское судопроизводство, юрисдикция, споры, Суд ЭКОВАС.

МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫЕ РЕСУРСЫ

Пичугин С.В. Минерально-сырьевая база Республики Гана и возможные направления двустороннего сотрудничества в сфере изучения и добычи природных ресурсов.

Статья посвящена анализу минерально-сырьевой базы Республики Гана. Показано, что перспективно сотрудничест-

во между Ганой и Россией в области поисков и разведки месторождений нефти, газа, марганца, золота, алмазов, бокситов, железа, хрома и др. В целом, по мнению экспертов ОАО «Зарубежгеология», Гана имеет благоприятные экономические предпосылки для развития горнодобывающей промышленности.

Ключевые слова: Республика Гана, минерально-сырьевая база, поиск и разведка месторождений, нефть, газ, марганец, золото, алмазы, бокситы, железо, хром.

ПОРТРЕТ АФРИКАНСКОГО ЛИДЕРА

Пономаренко Л.В., Понька Т.И. Нельсон Мандела: «Мой идеал – демократическое, свободное общество...»

Статья посвящена памяти Нельсона Манделы – выдающегося государственного и политического деятеля Африканского континента, борца за права человека в период существования апартеида в Южно-Африканской Республике (ЮАР), первого темнокожего президента ЮАР.

Ключевые слова: Нельсон Мандела, ЮАР, президент, права человека, апартеид, демократическое общество, свобода.

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Саватеев А.Д. Исламский фундаментализм в Африке: Миф? Угроза? Реальная опасность?

Статья посвящена проблеме исламского фундаментализма в Африке южнее Сахары. Рассмотрены вопросы зарождения фундаментализма в эпицентрах ислама и предпосылки его проникновения и укрепления среди негро-африканцев. Специальное внимание уделено анализу генезиса и градации собственно африканских форм исламского фундаментализма, в том числе радикальных, требующих установления политической власти религиозных авторитетов любым способом, включая вооруженную силу.

Ключевые слова: Тропическая Африка, ислам, фундаментализм, религиозный радикализм, экстремизм, «ваххабиты», Салафия, «Братья-мусульмане», Мусульманский культурный союз, движение Майтацине, политика.

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

Ильина Н.Ю. Англоязычная художественная литература Ганы.

В статье анализируется становление и развитие одной из англоязычных литератур Западноафриканского региона – литературы Ганы, которая прошла значительный путь развития от бытописательных произведений до романских форм, синтезирующих художественные открытия мировой романистики.

Ключевые слова: простонародная литература Ганы, критико-реалистический роман, острые проблемы социальной жизни в период независимого развития, многослойность общественного сознания.

Ильина Н.Ю., Борисова А.А. Социолингвистическая ситуация в Нигерии.

В статье рассматривается социолингвистическая ситуация в крупнейшей западноафриканской стране – Нигерии, отличающейся чрезвычайной неординарностью этнического состава населения и, соответственно, сложной лингвистической ситуацией в стране, где официальным языком является английский язык, но наряду с ним используются местные автохтонные языки. Большое распространение в Нигерии получил пиджин-инглиш, являющийся средством межэтнического общения.

Ключевые слова: официальный язык, автохтонные языки, этнический состав населения, средство межэтнического общения, пиджин-инглиш, разнообразие и гетерогенность этноязыковой ситуации.

SUMMARY

DEVELOPMENT AND POLITICS

Kosukhin N.D. Components of the Contemporary Political Process in the Countries of Tropical Africa.

The article examines the contemporary political process in African countries. Special attention is given to the impact of political culture and traditional relations on the development of African society. In addition, the important role of political leadership in the establishment of political institutions and elements of civil society is emphasized.

Key words: political process, political culture, democratic institutions, charismatic leadership, African society, political system.

Sledzevsky I.V. African Civilization as Cultural and Scientific Construct.

The author of the article centers attention around the idea of African civilization. This idea is represented as cultural and scientific construct generated by crisis of an Eurocentrism and formation of Africanism ideology and practice. The ratio of this construct and African cultural practice is investigated. The special attention is paid to judgment of idea of a civilization in African studies in Russia. The article shows special role of African archaic culture in judgment of features and value of African civilization.

Key words: global process of civilization, preliterate civilizations, Eurocentrism as a form of European civilization consciousness in the mind of this imaginary Africa, Afrocentrism as an ideological construct and cultural practices, judgment of idea of a civilization in African studies in Russia, the religious experience of the peoples of Africa.

Prokopenko L.Ya. Women in Southern African Diplomacy.

The article focuses on the problem of gender-related changes in the policies of the states of Southern Africa, which have affected the formation of the staff of diplomatic missions as well. Particular attention is given to the history of this process, the personalities of women ambassadors, and also their influence on the image of the countries they represent abroad. The conclusion is made that the growth in the number of women in the diplomatic corps is explained above all by major successes of the countries of the region in establishing gender equality in politics.

Key words: democratic development, gender equality, representation of women, goal of diplomacy, women ambassadors, career diplomats, political career, country's image.

ECONOMY AND STRATEGIC PARTNERSHIP

Arkhangelskaya A.A. Borders of Cooperation among the BRICS Members in Africa: Economic Interests versus Political Differences.

The interaction of the BRICS countries with the countries of the African continent is becoming a major factor of international development. The last decade has seen an upsurge of economic activity in Africa of China, India, Brazil, Russia and South Africa. The awareness of the boundaries of economic interests and political differences is an essential element in developing the African strategy.

Key words: BRICS, Africa, multipolarity, foreign policy, world economy, South Africa.

Deich T.L. BRICS: Assistance in the Development of Africa.

The BRICS' economic weight and political influence in the world are growing. The attention of the new global player is focused not only on strengthening ties within the association but also on issues of assisting Africa, which is turning into a kind of

testing ground for implementing the emergent powers' efforts to change the existing world order. Although so far the BRICS' member countries are acting rather as competitors in Africa, their growing contribution into the development of African economy is met with a positive response on the continent.

Key words: BRICS, Africa, development, China, India, Brazil, Russia, South Africa, cooperation, assistance, trade, investments, companies, mineral raw material resources, infrastructure.

Titukhin N.F., Yurtaev V.I. BRICS: The Strategy of Good-Neighborliness in the Conditions of Regionalization.

The article examines key aspects of shaping the strategy of the BRICS Group member countries' economic and humanitarian cooperation as a "strategy of good-neighborliness" in the adjacent regions of the world. The author's attention is focused on the questions of shaping the new global architecture and ensuring peace, stability and security in the conditions of globalization.

Key words: BRICS, strategy of good-neighborliness, regionalization, global architecture, portals of globalization.

Morozova N.N. Specific Features of Arab-African Migrations to France.

The article highlights topical issues of migration of the Maghreb's population to France. The historical features of the first and second waves of Arab-African migration are discussed and the characteristic features of France's migration policy are outlined. Particular attention is given to the analysis of the specific features of the process of spread of Euro-Islam and penetration of the culture of Islamic society into the culture of European tradition.

Key words: migration, Maghreb, France, migration policy, "assimilation" model, Euro-Islam, culture, traditions.

INTEGRATION AND FINANCES

Belikova K.M., Eifraimov V.Yu. The Place of the Contract in the Legal Doctrine and Practice of the RSA: Origins and Development.

In this article the authors examine the place of the contract in the legal doctrine and court practice of the RSA. Disclosing theme stated, the authors dwell on the study of the terms of the contract, its principles, characteristics and theories that claim to explain the essence of the contract. A special role in the regulation of contract relations in the RSA belongs to the Consumers Protection Act of 2008. In addition, the authors conclude that the contract law of the RSA to a greater extent developing at the level of court practice and the legal doctrine.

Key words: RSA, contract, terms of the contract, principles of the contract, will theory, declaration theory, reliance theory, consideration, protection of the consumers' rights.

Koneva A.Ye. Human Rights Activities of the Southern African Development Community.

This study offers an analysis of the activities of the Southern African Development Community (SADC), the leading sub-regional integration association in the Southern African region, in protecting human rights, enhancing citizens' participation in decision-making processes, strengthening democratic practices and stepping up the activity of democratic institutions. Special attention is given to the problem of protecting women's rights in the light of entry into force of the SADC Protocol on Gender and Development.

Key words: international law, human rights, African system of human rights protection, SADC.

Golubev V.V. The ECOWAS Court: Its Jurisdiction and Organizational and Legal Structure.

The article examines the role of international justice institutions in the process of regional integration in Africa. It is shown that jurisdiction bodies set up in the corresponding integration associations have played a key role in achieving positive results. In this connection, particular attention is given to various aspects of the activity of the ECOWAS Court, including an analysis of the documents forming the basis of its activity.

Key words: international justice, regional integration, civil legal proceeding, ECOWAS Court.

MINERAL RAW MATERIAL RESOURCES

Pichugin S.V. The Mineral-Raw Material Base of the Republic of Ghana and Possible Areas of Bilateral Cooperation in Mineral Exploration and Mining.

The article offers an analysis of the mineral-raw material base of the Republic of Ghana. It is shown that cooperation between Ghana and Russia in prospecting and exploration for deposits of oil, gas, manganese, gold, diamonds, bauxites, iron, chromium, etc., is highly promising. On the whole, in the opinion of JSC Zarubezhgeologia's experts, Ghana has a favorable economic environment for the development of mining industry.

Key words: Republic of Ghana, mineral-raw material base, mineral prospecting and exploration, oil, gas, manganese, gold, diamonds, bauxites, iron, chromium.

PORTRAIT OF AN AFRICAN LEADER

Ponomarenko L.V., Ponka T.I. Nelson Mandela: "My Ideal Is a Democratic Free Society..."

The article is devoted to the memory of Nelson Mandela, an outstanding statesman and political figure of the African con-

continent, human rights champion in the period of apartheid in South Africa, South Africa's first black president.

Key words: Nelson Mandela, South Africa, president, human rights, apartheid, democratic society, freedom.

HISTORY AND RELIGION

Savateyev A.D. Islamic Fundamentalism in Africa: A Myth? A Threat? A Real Danger?

The article focuses on the problem of Islamic fundamentalism in Sub-Saharan Africa. Examined are questions of the rise of fundamentalism in the epicenters of Islam and the prerequisites for its penetration and strengthening among Negro Africans. Special attention is given to the analysis of the genesis and gradation of indigenous African forms of Islamic fundamentalism, including radical ones demanding the establishment of the political power of religious authorities by any means, including through the use of armed force.

Key words: Tropical Africa, Islam, fundamentalism, religious radicalism, extremism, "Wahhabites," Salafiyah, "Muslim Brotherhood," Muslim Cultural Union, Maitatsine Movement, politics.

CULTURE AND EDUCATION

Ilyina N.Yu. English-Language Literature of Ghana.

The article analyzes the establishment and development of one of the English-language literatures of the West African region, the literature of Ghana, which has traversed a substantial path of development—from slice-of-life works to novelistic forms synthesizing the artistic discoveries of world novel writing.

Key words: Ghana's popular fiction, critical realistic novel, acute problems of social life in the period of independent development, multilayeredness of public consciousness.

Ilyina N.Yu., Borisova A.A. The Sociolinguistic Situation in Nigeria.

The article examines the sociolinguistic situation in Nigeria, a major West African country distinguished by a highly diverse ethnic composition of the population and, accordingly, a complex linguistic situation—a country where English is the official language, yet where local autochthonous languages are used alongside it. Pidgin English, which is a means of interethnic communication, has become widespread in Nigeria.

Key words: official language, autochthonous languages, ethnic composition of the population, means of interethnic communication, Pidgin English, variety and heterogeneity of the ethno-linguistic situation.

CONTENTS

<i>Kirabaev N.S.</i> Preface	5
------------------------------------	---

DEVELOPMENT AND POLITICS

<i>Kosukhin N.D.</i> Components of the Contemporary Political Process in the Countries of Tropical Africa	7
<i>Sledzevsky I.V.</i> African Civilization as Cultural and Scientific Construct	36
<i>Prokopenko L.Ya.</i> Women in Southern African Diplomacy ..	62

ECONOMY AND STRATEGIC PARTNERSHIP

<i>Arkhangelskaya A.A.</i> Borders of Cooperation among the BRICS Members in Africa: Economic Interests versus Political Differences	81
<i>Deich T.L.</i> BRICS: Assistance in the Development of Africa	99
<i>Titukhin N.F., Yurtaev V.I.</i> BRICS: The Strategy of Good-Neighborliness in the Conditions of Regionalization	122
<i>Morozova N.N.</i> Specific Features of Arab-African Migrations to France	133

INTEGRATION AND FINANCES

<i>Belikova K.M., Eifraimov V.Yu.</i> The Place of the Contract in the Legal Doctrine and Practice of the RSA: Origins and Development	142
<i>Koneva A.Ye.</i> Human Rights Activities of the Southern African Development Community	155
<i>Golubev V.V.</i> The ECOWAS Court: Its Jurisdiction and Organizational and Legal Structure	172

MINERAL RAW MATERIAL RESOURCES

<i>Pichugin S.V.</i> The Mineral-Raw Material Base of the Republic of Ghana and Possible Areas of Bilateral Cooperation in Mineral Exploration and Mining	184
---	-----

PORTRAIT OF AN AFRICAN LEADER

<i>Ponomarenko L.V., Ponka T.I.</i> Nelson Mandela: “My Ideal Is a Democratic Free Society...”	209
---	-----

HISTORY AND RELIGION

<i>Savateyev A.D.</i> Islamic Fundamentalism in Africa: A Myth? A Threat? A Real Danger?	228
---	-----

CULTURE AND EDUCATION

<i>Ilyina N.Yu.</i> English-Language Literature of Ghana	269
<i>Ilyina N.Yu., Borisova A.A.</i> The Sociolinguistic Situation in Nigeria	283

ABOUT AUTHORS	292
---------------------	-----

SUMMARY	302
---------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кирабаев Н.С.</i> Предисловие	5
--	---

РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИКА

<i>Косухин Н.Д.</i> Слагаемые современного политического процесса в странах Тропической Африки	7
<i>Следзевский И.В.</i> Идея африканской цивилизации как культурный и научный конструкт	36
<i>Проконенко Л.Я.</i> Представительство женщин в дипломатии стран Юга Африки	62

ЭКОНОМИКА И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

<i>Архангельская А.А.</i> Границы сотрудничества между членами БРИКС в Африке: экономические интересы против политических разногласий	81
<i>Дейч Т.Л.</i> БРИКС: помощь развитию Африки	99
<i>Титюхин Н.Ф., Юртаев В.И.</i> БРИКС: стратегия добрососедства в условиях регионализации	122
<i>Морозова Н.Н.</i> Особенности арабо-африканских миграций во Францию	133

ИНТЕГРАЦИЯ И ФИНАНСЫ

<i>Беликова К.М., Ифраимов В.Ю.</i> Место договора в правовой доктрине и практике ЮАР: истоки и развитие	142
<i>Конева А.Е.</i> Правозащитная деятельность Сообщества развития Южной Африки	155
<i>Голубев В.В.</i> Суд ЭКОВАС: юрисдикция и организационно-правовая структура	172

МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫЕ РЕСУРСЫ

<i>Пичугин С.В.</i> Минерально-сырьевая база Республики Гана и возможные направления двустороннего сотрудничества в сфере изучения и добычи природных ресурсов	184
--	-----

ПОРТРЕТ АФРИКАНСКОГО ЛИДЕРА

<i>Пономаренко Л.В., Понька Т.И.</i> Нельсон Мандела: «Мой идеал – демократическое, свободное общество...» ..	209
---	-----

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Саватеев А.Д.</i> Исламский фундаментализм в Африке: Миф? Угроза? Реальная опасность?	228
--	-----

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Ильина Н.Ю.</i> Англоязычная художественная литература Ганы	269
--	-----

<i>Ильина Н.Ю., Борисова А.А.</i> Социолингвистическая ситуация в Нигерии	283
---	-----

НАШИ АВТОРЫ	292
-------------------	-----

РЕЗЮМЕ	295
--------------	-----

SUMMARY	302
---------------	-----

CONTENTS	309
----------------	-----

Научное издание

Е Ж Е Г О Д Н И К

**АФРИКА:
СЛАГАЕМЫЕ
СОВРЕМЕННОГО
РАЗВИТИЯ**

2014

Редактор *И.Л. Панкратова*
Технический редактор *Н.А. Ясько*
Компьютерная верстка *Н.А. Ясько*
Дизайн обложки *М.В. Рогова*

Подписано в печать 19.03.2014 г. Формат 60×84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 18,37. Тираж 500 экз. Заказ 245.

Российский университет дружбы народов
117923, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
117923, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41

Для заметок

Для заметок
